

Russian Academy of Sciences
Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Peoples of the Far East
Far Eastern Branch

V. Larin, L. Larina

RUSSIA FAR EAST VIEW THE WORLD

THE EVOLUTION OF PEOPLE'S PERCEPTIONS
AND ATTITUDES AT THE TURN
OF THE 20—21st CENTURIES

Vladivostok
Dalnauka
2011

Учреждение Российской академии наук
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН

В. Л. Ларин, Л. Л. Ларина

ОКРУЖАЮЩИЙ МИР
ГЛАЗАМИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ
ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
НА РУБЕЖЕ XX—XXI ВЕКОВ

Владивосток
Дальнаука
2011

УДК 32:316.6 (571.6+59)
ББК 66.3.60.6
Л25

Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX—XXI веков. — Владивосток: Дальнаука, 2011. — 312 с.

ISBN 978-5-8044-1273-0

В книге рассматривается эволюция представлений жителей юга Дальнего Востока России об их «внешнем окружении»: преимущественно странах и народах тихоокеанского региона. Ключевые темы книги — взгляды дальневосточников на характер российской политики на Тихом океане, состояние и перспективы отношений России с государствами региона, угрозы безопасности Российского государства и пути их предотвращения, зарубежную миграцию и различные варианты решения курильской проблемы, анализ источников формирования представлений россиян о внешнем мире и соседних народах, замеры степени их толерантности и психологической готовности к взаимодействию с другими культурами и этносами.

Для специалистов, занимающихся проблемами международных отношений, истории, социологии, психологии, а также для студентов, аспирантов и государственных служащих.

Ключевые слова: общественное мнение, внешняя политика, международные отношения, безопасность, страны АТР.

Рецензенты: д.и.н., проф. *А.С. Ващук*, д.и.н., проф. *А.М. Кузнецов*

Утверждено к печати Ученым советом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Работа подготовлена при поддержке грантов ООН РАН № 09-1-ООН-02 и ДВО РАН № 09-III-A-11-556.

Larin V., Larina L. Russia Far East View the World: the Evolution of People's Perceptions and Attitudes at the Turn of the 20—21st Centuries. — Vladivostok: Dalnauka, 2011. — 312.p.
ISBN 978-5-8044-1273-0

The book examines the content and changes in the residents of the Russian Far East perceptions of and attitudes to the “outward surroundings” and essentially to the countries and peoples of the Asia Pacific. The key themes of the book are the views of Far East residents on the Russian policy in the Pacific, Russia present and future relations with the countries of the region, the threats to state security and the ways to prevent them, international migration, and the Kuril Islands issue. Serious attention is paid to the analysis of sources which form public views and opinions and the estimation of level of local people's tolerance and psychological readiness to cooperate with other cultures and ethnic communities.

The edition will be interesting for specialists in international relations, history, sociology, psychology as well as for students, postgraduates and civil officials.

Key words: public opinion, foreign policy, international relations, security, Asia Pacific.

Recommended for printing by the Academic Council of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Russian Academy of Sciences, Far Eastern Branch

ISBN 978-5-8044-1273-0

© Ларин В.Л., Ларина Л.Л., 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Двадцать пять лет назад во Владивостоке генеральный секретарь ЦК КПСС М. Горбачёв провозгласил лозунг интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион. В то время Дальний Восток нашей страны являлся, несмотря на свой географический азиатский статус, сугубо европейской территорией — не только по этнической структуре и культурной принадлежности основной доли населения, но и по политической подчинённости и системе экономических связей, однозначно ориентированных на Европейскую Россию. Кроме того, большая часть этого региона была закрытой для внешнего мира территорией, связи которой с зарубежными странами жёстко ограничивались, и лишь малая часть его жителей — преимущественно моряки и рыбаки — имели возможность своими глазами увидеть, что происходило за пределами их собственной страны.

Крах СССР и политика либерализации разрушили стены, отгораживавшие Россию в целом и Дальний Восток в частности от внешнего мира. Символически начало поворота России в сторону Азии обозначили открытие для посещения иностранными гражданами Владивостока (с 1 января 1992 г.) и российско-китайское соглашение о безвизовом туризме (декабрь 1992 г.), давшие мощный старт развитию приграничного туризма (прежде всего в форме челночного бизнеса) и межрегиональной торговли двух стран.

Разрушение централизованной политической организации советского общества, отрицание коммунистического единомыслия, появление независимых средств массовой информации, внедрение системы демократических выборов резко изменили статус и значение массового общественного сознания в России. Делегирование центром значительной доли власти в регионы существенно повысило возможность местного населения воздействовать на формирование региональной политики, в том числе и в отношениях с соседними странами и территориями.

Соответственно представления этого населения о зарубежных государствах стали важным фактором, определявшим предпочтения, приоритеты, выбор моделей поведения местных администраций и бизнеса во взаимоотношениях с внешним миром, а также направления и характер региональной внешней политики, которая все 1990-е гг. в значительной степени была спонтанной, слабо контролирувалась и управлялась из центра.

В то же время закрепившиеся в сознании дальневосточников образы соседних народов (китайцев, японцев, корейцев, американцев) сказывались на характере их отношения к иностранцам, формах и последствиях международного взаимодействия, масштабы которого с начала 90-х гг. XX в. стремительно расширялись. Последующие изменения в восприятии дальневосточниками зарубежных стран и народов также в определённой степени влияли на эволюцию этих отношений.

Данные обстоятельства определяют актуальность, значимость, цели и задачи исследования, которое было начато в 1992 г., велось на протяжении последующих двух десятилетий и итоги которого мы подводим в данной книге.

Целью исследования и соответственно данной работы является анализ состояния и эволюции взглядов и представлений жителей Дальнего Востока России (преимущественно его южной части) о «внешнем окружении»: соседних странах и народах, с которыми их территории были связаны в наибольшей степени и которые заметнее всего влияли на политическую и экономическую жизнь этих территорий. Очевидно, что объектами особого внимания дальневосточников являются страны Тихоокеанского региона — Китай, Япония, США, КНДР и Республика Корея. Соответственно работа ориентирована не на анализ общественного мнения дальневосточников как такового, а на изучение одной из его составляющих: представлений об азиатских соседях, которые были одним из источников и определителей региональной внешней политики и международных связей краёв и областей юга Дальнего Востока.

Учитывая большое количество трактовок понятия «общественное мнение», существующих в социологии, считаем необходимым изначально обозначить наше понимание термина. В данной работе понятие «общественное мнение» ближе всего к тому, которое исповедовал в конце XIX в. английский учёный и политический деятель Джеймс Брайс. По его мнению, общественное мнение — это «совокупность всего того, что думают и говорят о предмете... специфический тип взглядов и высказываний, который преобладает над другими типами»*.

---

* Bryce J. The American Commonwealth. Vol. 2. N.Y.: Macmillan and Co., 1889. P. 239.

В ходе многолетних исследований решались разнообразные задачи, диктовавшиеся как логикой самого исследования, так и практическими потребностями взаимодействия территорий с соседями. Среди этих задач — изучение представлений дальневосточников о состоянии и перспективах двусторонних отношений России с государствами региона и российской внешней политики, выявление их отношения к китайской миграции и различным вариантам решения курильской проблемы, их взглядов на угрозы безопасности Российского государства на Востоке и пути их предотвращения, источников формирования их представлений о внешнем мире и соседних народах, замеры глубины их националистических убеждений, степени толерантности и психологической готовности к взаимодействию с соседними культурами и др.

Фактическую основу для исследования составили результаты опросов общественного мнения, регулярно проводившихся лабораторией изучения общественного мнения Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ИИАЭ) ДВО РАН под руководством Е. И. Плаксена. Роль Евгения Альфредовича в появлении этой книги хотелось бы отметить особо. Он стоял у истоков изучения общественного мнения в ИИАЭ, был разработчиком и составителем многих анкет, лично опросил сотни жителей региона, обработал и передал в архив института материалы большинства из проведённых опросов.

В ряде опросов в роли интервьюеров выступали коллеги из академических учреждений ДВО РАН: Института геологии и природопользования (г. Благовещенск), Института комплексного анализа региональных проблем (г. Биробиджан), Института экономических исследований (г. Хабаровск), Северо-Восточного комплексного НИИ (г. Магадан), а также студенты факультета социологии Института международных отношений Дальневосточного государственного университета (г. Владивосток). В ходе исследований 1992—2010 гг. были опрошены в общей сложности более 7,5 тыс. респондентов, проживающих преимущественно в южных районах Дальнего Востока: Приморском и Хабаровском краях, Амурской и Еврейской автономной областях.

География опросов определялась двумя факторами. Во-первых, сугубо финансовые причины и наш особый интерес

к китайской проблеме (диктуемый реалиями современной действительности) ограничили их зону преимущественно полосой вдоль российско-китайской границы. Именно в этой полосе сосредоточены 2/3 населения Дальнего Востока, основной его экономической, политической и интеллектуальный потенциал, именно эта зона формирует общие тенденции и общий настрой всей дальневосточной жизни. При этом нельзя не учитывать, что обстановка «на северах» в значительной степени является иной, более сложной и драматической, что объективно иной является внешнеэкономическая ориентация этих территорий (что будет показано в главе 1). Соответственно и представления жителей этих территорий должны различаться. Именно поэтому мы даже не пытаемся экстраполировать полученные результаты на всю территорию Дальнего Востока и говорить об общественном мнении дальневосточников в целом.

Во-вторых, во главу угла мы поставили изучение не общественного мнения жителей юга Дальнего Востока как такового, а лишь небольшого его сегмента — представлений о «внешнем мире», которые крайне важны не только с научной, но и с практической точки зрения, поскольку являются одним из ключевых компонентов в формировании региональной внешней политики и региональных международных отношений. Поэтому нас прежде всего интересовали взгляды конкретных слоёв населения, именно тех, что реально способны влиять на формирование региональной политики, в том числе и её внешней составляющей. По этой причине упор был сделан на выявление взглядов жителей краевых и областных центров: Владивостока, Хабаровска, Благовещенска и Биробиджана. Нисколько не умаляя значимости общественного мнения Уссурийска, Партизанска, Комсомольска-на-Амуре или сельских районов Дальнего Востока для оценки общей социально-политической ситуации в регионе, мы всё же полагаем, что на формирование «внешней политики» территорий это мнение оказывало минимальное влияние.

Однако даже при таких акцентах мы строго придерживались квотированной выборки респондентов: по их полу, возрасту, образованию и социально-профессиональному составу. Хотя, опять же, в ряде опросов был сделан сознательный упор на рес-

пондентов с высшим образованием, молодёжь и студентов, то есть той среды, которая определяет интеллектуальный уровень территории и максимально влияет на процесс принятия политических и экономических решений в регионах.

Примером такого подхода может служить исследование лета 2003 г. на тему «Россия — КНР». Опросом были охвачены 701 чел., из которых 346 — жители Приморского края (из них 122 чел. — в г. Владивостоке), 203 — г. Хабаровска, 100 — Амурской области (в том числе 46 — г. Благовещенска) и 52 — г. Биробиджана. Возрастная структура респондентов: до 20 лет — 7%, от 21 до 30 — 27%, от 31 до 40 — 22%, от 41 до 50 — 19%, от 51 до 60 — 14%, старше 60 лет — 10%. Лица со средним и неполным средним образованием составили 18% респондентов; 23% имели среднее специальное, 11% — незаконченное высшее и 46% — высшее образование, 2% не дали ответа на этот вопрос. По видам деятельности распределение таково: студенты, учащиеся — 7%, рабочие города и деревни — 21%, представители интеллигенции, служащие, ИТР — 35%, руководители разного уровня, их заместители — 10%, владельцы фирм и компаний — 6%, военнослужащие — 7%, пенсионеры, домохозяйки — 14%. Анализ результатов этого опроса убедительно показал, что по большинству параметров между лицами разного уровня образования не существует заметных различий в подходах, взглядах и оценках Китая, китайцев и российско-китайских отношений.

Свой возраст, уровень образования, сферу профессиональной деятельности респонденты указывали самостоятельно. За редким исключением мы не выявляли их этническую и религиозную принадлежность, хотя при изучении некоторых аспектов проблемы (например, элементов этнокультурного взаимодействия) она представляется важным условием для правильной оценки общественного мнения. Специальное исследование, проведённое в 1993 г. среди корейцев Дальнего Востока и Средней Азии (см. главу 6), показало, что по ряду параметров их взгляды и представления заметно отличаются от взглядов русских или украинцев. Однако доля неславянских этносов в общей массе населения Хабаровского края не превышает, по данным всероссийской переписи 2002 г., 6,4%, Еврейской автономной области — 5,1%, Приморского края — 5%,

Опросы, проводившиеся Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН по проблемам внешней политики, международных отношений и зарубежной миграции (Дальний Восток, 1992 — 2010 гг.)

Дата	Тема	Респонденты, чел.	География
1992, авг. — сент.	Восприятие стран и народов Восточной Азии	1202	Юг Приморского края
1993, март	Приморский край и его внешнее окружение	139 (руководители)	Юг Приморского края
1994, сент.	Корейская диаспора в России*	681	Приморский край, Хабаровск, Казахстан
1994, окт.	Отношение к Китаю и китайцам	869	Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, юг Приморского края
1995, сент.	Россия и Япония в АТР	832	Владивосток, Приморский край, Хабаровск
1996, март	Взаимодействие ветвей и уровней власти в Приморье	258	Владивосток, Уссурийск, Артём, Находка, сельская местность
1997, март — апр.	Студенты Владивостока о Китае и китайцах	102	Владивосток
1997, июль — авг.	Дальний Восток в Восточной Азии	611	Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, юг Приморского края
1997, окт.	Россия и Япония: состояние и перспективы развития отношений	200	Владивосток
1998, ноябрь	Приморский край и его внешнее окружение	522	Владивосток, Приморский край

2000, сент.	Китайская миграция в Приморском крае**	1010	Приморский край
2002, весна — лето	Восприятие стран и народов Восточной Азии	661	Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, Дальнереченск
2003	Россия и Китай в АТР	701	Приморский край, Хабаровск, Амурская область, Биробиджан
2006, апр. — май	Китай глазами молодёжи	200 (студенты)	Владивосток
2006, июль	Восприятие стран и народов Восточной Азии	612 (из них 338 — до 30 лет)	Юг Приморского края
2007, весна, лето	Ценности и интересы современной молодёжи	363, студенты	Владивосток
2008, апр. — июль	Восприятие стран и народов Восточной Азии	815	Приморский край (Владивосток, Артём, Находка, Дальнереченск), Хабаровск, Благовещенск, Биробиджан
2009, апр. — май	Безопасность Тихоокеанской России	278	Владивосток
2010, май — сент.	Политика России в АТР и угрозы безопасности	829	Приморский край (Владивосток, Уссурийск, Артём, сельская местность), Хабаровск, Благовещенск, ЕАО (Биробиджан, сельская местность), Южный Сахалин (Южно-Сахалинск, Корсаков), Магадан

Примечание. Опрос проводился * совместно с Институтом азиатских исследований Республики Корея, ** по инициативе и под руководством профессора университета Сан-Диего (США) М. Алексеева.

Амурской области — 3,6%*. В ходе опроса 2000 г. в Приморском крае к двум славянским этносам (русским и украинцам) причислили себя 90% респондентов.

В опросе того же года приверженность к неправославным религиям выказали 3% (часть из которых считает себя русскими). Соответственно поправка, которую можно делать с учётом азиатской этнической принадлежности части респондентов, представляется весьма незначительной и не влияющей на общий результат.

Необходимо сделать и более общее замечание, связанное с этнокультурной принадлежностью респондентов. Поскольку дальневосточный социум имеет в массе своей европейскую цивилизационную основу, то его взгляды на Восток можно рассматривать как взгляд Европы на Азию, естественно, с поправкой на «славянскую душу» и рудименты советского менталитета граждан современной России.

Опросы в основном велись методом программированного интервью по месту жительства, работы или службы респондентов, но при этом им гарантировалась (и впоследствии соблюдалась) полная анонимность. Объём анкеты обычно не превышал 4 страниц. Ряд вопросов оставался неизменным на протяжении всего исследования (например, об отношении к тем или иным государствам, о вариантах решения курительской проблемы). Другие вопросы варьировались в зависимости от предмета конкретного опроса и задач, которые ставились при его проведении. Респонденту предоставлялась возможность либо выбрать один из предложенных ответов, либо дать инициативный ответ.

Погрешность в исследованиях в зависимости от числа опрошенных и полученных ответов — в пределах от 1 до 6,2%. Однако точные цифры не являлись главной целью опросов, поскольку даже колебания в 5—7% для целей нашего исследования не имеют существенного значения. Главное в нём — общий «градус» общественных настроений в отношении того или иного государства, той или иной нации и тенденции в изменении этих настроений.

---

* См.: Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока России. Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2006. С. 120—128.

**ВНЕШНЯЯ СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ
ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ:
идеология, политика, экономика
Тихоокеанской России
в 90-е годы XX — первое десятилетие XXI в.**

Факторы, влиявшие на настроения и мировоззрение жителей Тихоокеанской России, их видение мира, международных отношений, восприятие зарубежных стран и народов, можно разделить на две группы. В первой — общероссийские и международные события и явления, в одинаковой мере сказывавшиеся на жизни большей части населения страны, во второй — региональные (дальневосточные) факторы, в немалой степени специфичные и порождённые особенностями региона.

К общероссийским и международным факторам относятся следующие.

- Экономические реформы в России и их социальные последствия.
- Перманентный политический кризис и политическая нестабильность 1990-х годов, укрепление «вертикали власти» в начале XXI в.
- Эволюция внешней политики, международных приоритетов и всей системы международных отношений России.
- Трансформация информационного поля России, рост роли и значения электронных СМИ, прежде всего Интернета.
- Эволюция системы политических ценностей и личных приоритетов населения.
- Мощное идеологическое давление извне, переоценка идеалов и ценностей, психологическая неустойчивость массового сознания.

Для массового сознания россиян этого периода были характерны такие черты, как:

- а) рудименты идеалов социализма и шаблоны периода «холодной войны»;
- б) трансформация общественно-политических ценностей: восприятие (разными слоями населения — весьма противоречивое) идеалов свободы и демократии;
- в) влияние «Запада» — американской массовой культуры, зарубежной церкви;
- г) воздействие с «Востока»: рост популярности японской культуры, экономического и политического влияния Китая;
- д) возрождение национализма, шовинизма и расизма.

Важнейшими региональными условиями, повлиявшими на трансформацию мировоззрения дальневосточников, стали следующие.

- Открытие границ, интенсивное развитие внешнеэкономических связей, рост экономической зависимости региона от зарубежья.
- Политические (в том числе предвыборные) спекуляции региональных властей, политиков, средств массовой информации на проблемах внешних связей России и её территорий.
- Политические и управленческие коллизии вокруг будущего тихоокеанских границ России (процесс демаркации и обустройства российско-китайской границы, судьба Курильских островов).
- Разрыв хозяйственных, политических и гуманитарных связей Дальнего Востока с европейской частью страны.
- Расширение международных контактов, в том числе на индивидуальном уровне.

ОБЩЕРОССИЙСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

История новой России началась с потрясений. Курс «шоковой терапии», проводившийся правительством Е. Гайдара с начала 1992 г., отбросил многие слои населения за черту бедности и заставил искать новые источники существования. Кардинально изменились внешнеполитические взгляды и приоритеты российских политических лидеров, основой которых стали идеи тесного взаимодействия с Западом. Гражданам страны обещали скорую интеграцию России в сообщество цивилизованных государств, членство в «общеевропейском доме», массивную помощь Запада в реализации курса реформ.

Указ Президента РФ от 15 ноября 1991 г. «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР» позволил предприятиям, организациям и рядовым гражданам заниматься внешнеэкономической деятельностью. На Дальнем Востоке активно развивались приграничные отношения с соседними государствами, в них вовлекались различные слои населения¹.

Началась стихийная переориентация экономических связей Дальнего Востока с внутренних районов бывшего СССР на тихоокеанское направление. Торговля со странами АТР стала играть ведущую роль в экономике региона. Как грибы после дождя появлялись совместные предприятия, наибольшее число которых было основано фирмами и компаниями США, Японии, Китая.

Стремительно развивалась «челночная торговля» с Китаем, возрос ввоз подержанных автомобилей из Японии, стройматериалов и продуктов питания из Южной Кореи. Очень скоро в этот бизнес были вовлечены десятки тысяч жителей Дальнего Востока, он кормил, одевал, обеспечивал средствами передвижения значительную часть населения региона, а поэтому имел немаловажное социальное и политическое значение.

Бурный рост торгово-экономических связей Дальнего Востока с Китаем привёл к тому, что внутренний рынок ряда

областей и краёв восточных районов России оказался крепко завязанным на соседние провинции КНР. Япония и Южная Корея также активно выразили свою готовность принять участие в экономическом преобразовании Дальнего Востока.

В 1992 г. значимым фактором, особенно для юга Дальнего Востока, стала китайская миграция. Десятки тысяч китайцев, появившиеся на улицах дальневосточных городов и посёлков, стали раздражителем для местных жителей и властей. С середины 1992 г. российские СМИ, а годом позднее и политики начали эксплуатировать тему «китайской экспансии».

В 1993 г. социально-экономический кризис в стране приобрёл системный характер. Политический конфликт между правительством и законодательной властью принял форму открытого противостояния. 21 сентября Б. Ельцин распустил парламент и фактически ввёл в стране президентское правление. 2—4 октября конфликт завершился штурмом телецентра «Останкино» сторонниками парламента, обстрелом и штурмом здания Верховного Совета пропрезидентскими войсками. 12 декабря состоялись выборы в Совет Федерации и Государственную Думу. Почти четверть голосов (23%) в Думе получили сторонники ЛДПР, первой сыгравшей на неудовлетворённости россиян проводившимися реформами. Серьёзное поражение потерпели «демократы»: президентский «Выбор России» во главе с Е. Гайдаром набрал только 15,5% голосов.

1994 год был не менее болезненным для россиян, чем три предшествующих. 11 октября произошло обвальное падение рубля («чёрный вторник»), что спровоцировало очередной внутривластный кризис. В декабре начались военные действия в Чечне. Начали меняться внешнеполитические приоритеты Кремля. Разочарование в результатах партнёрства с Западом заставило его активизировать политику на Востоке и обратить внимание на отношения с Китаем. 25 апреля в Москве состоялись парламентские слушания на тему «Проблемы российско-китайских отношений и перспективы их решения». По их итогам члены обеих палат Федерального собрания пришли к выводу, что дальнейшее развитие сотрудничества с КНР отвечает долгосрочным интересам Рос-

сии. 1994 год с его плотным графиком контактов на высшем уровне оказался самым насыщенным в российско-китайских отношениях за все 1990-е гг.

Три первых года после распада СССР стали для россиян целой эпохой, в течение которой, казалось, окончательно был дискредитирован прежний псевдокоммунистический советский режим, происходили глубинные сдвиги в сознании и образе жизни, переоценка ценностей, ломка стереотипов поведения и мышления миллионов людей.

Буквально на их глазах происходили чудесные метаморфозы с прежде утомительной и унижительной для каждого россиянина системой продовольственного и промышленного обеспечения. На смену голым прилавкам и пустым магазинам, карточной системе и длинным очередям за продуктами и товарами конца 1991 г. пришло относительное, но, по прежним советским меркам, настоящее изобилие. Далёким прошлым уже казались недавно столь привычные для большинства россиян очереди, погоня за дефицитом и даже самыми обыкновенными продуктами и товарами первой необходимости. За интервенцией на дальневосточные рынки яркого, дешёвого, но низкокачественного китайского ширпотреба последовало наступление более дорогих, но и качественных южнокорейских, тайваньских, американских, австралийских изделий и продуктов, практически полностью вытеснивших отечественные товары с прилавков уже не государственных — частных — магазинов. Заполонившая местные газеты и телеэкраны реклама назойливо предлагала мороженое и куриные окорочка из США, соки, печенье и мебель из Южной Кореи, итальянские макароны, австралийские вина, бразильский и индийский кофе и, конечно же, японские автомобили и электронную аппаратуру. «Марс», «сникерс», «баунти» дети знали намного лучше, чем московскую карамель или приморское «птичье молоко». Дальний Восток, «украшенный» тысячами крошечных киосков, пестрящих импортными этикетками, переживал вакханалию «диких» торговцев и самостийных рынков.

За три года был сделан широкий шаг к более глубокому расслоению общества на богатых, очень богатых, позволявших

себе открыто покупать новейшие модели «мерседесов», недвижимость в США и странах Европы, и на всех остальных. Три года — это жесточайшая инфляция, когда потребительские цены выросли по сравнению с весной 1991 г. в среднем в 1900 раз. Это скачок от средней зарплаты в 200 рублей, на которую можно было не только сносно существовать, но и периодически выбираться в отпуск на Чёрное море, к зарплатам, которых не хватало на то, чтобы переночевать в отреставрированной китайцами элитной владивостокской гостинице «Версаль», правнучке дореволюционного «Версаля», или же купить билет на самолёт до Москвы. Средняя зарплата учёного, учителя и преподавателя вуза равнялась половине стоимости билета до столицы России, её хватило бы лишь на то, чтобы десяток раз позавтракать в том же «Версале».

С начала 1990-х годов традиционный для Дальнего Востока прирост населения сменился его сокращением. Регион потерял прежнюю привлекательность для россиян как территория, способная обеспечить рост материального достатка. С одной стороны, это обстоятельство остановило миграцию на Дальний Восток из Центральной России, Украины и Белоруссии, с другой — породило стремление дальневосточников к возвращению на «историческую родину». Уже в 1991 г. из региона уехали более 66 тыс. его жителей. Одновременно с этим снизилась рождаемость, увеличилась смертность. В результате за 1991—1995 гг. население Дальнего Востока сократилось на 552 тыс. чел. (почти 7% его численности).

В эти же годы Запад (в том числе Япония, с которой наряду с США на Дальнем Востоке прежде всего ассоциируется понятие «Запад») продемонстрировал откровенное нежелание реально содействовать России в проведении реформ и интегрировать её в европейские и азиатские структуры. Эйфория россиян в отношении Запада сменилась удивлением, а затем разочарованием.

1995 г. стал поворотным в отношениях России с Западом и Востоком. Прологом тому стало Брюссельское совещание министров иностранных дел стран НАТО в декабре 1994 г., где было официально провозглашено намерение организации дви-

нуться на Восток. Авторитет и влияние США в России стали стремительно падать. Натовские бомбардировки в Боснии и Герцеговине в сентябре этого года добавили негатива в отношении к США.

Внутриполитические события в нашей стране привели к меньшему падению авторитета российской власти. Эта власть фактически утратила контроль над политическими процессами в государстве, спровоцировала усиление сепаратистских тенденций в различных его районах, разгул преступности и продемонстрировала неспособность противостоять им. Продолжались военные действия в Чечне. 14—19 июня произошли печальные события в г. Будённовске, где боевиками Ш. Басаева были захвачены более 1200 заложников. Эти события затмили собой и грандиозные празднования по случаю 50-летия окончания Великой Отечественной войны, и выборы (25 декабря) в парламент, в которых с большим перевесом победили коммунисты.

Центральным событием 1996 г. в России стали президентские выборы. 3 июня во втором туре, набрав 53,8% голосов, победу одержал Б. Ельцин, опередив лидера коммунистов Г. Зюганова. Вторым не менее важным событием стало окончание чеченской войны. 31 августа 1996 г. в Хасавюрте секретарь Совета безопасности РФ генерал А. Лебедь подписал с А. Масхадовым соглашение о прекращении боевых действий на территории Чечни.

Приход на должность министра иностранных дел РФ Е. Примакова (январь 1996 г.) сопровождался попыткой уравновесить неблагоприятные тенденции отношений с Европой и США более активным развитием отношений с Востоком и проводить политику, независимую от Запада. Усилился крен Москвы в сторону Пекина, получивший адекватный отклик в Китае, началось энергичное продвижение к соглашению о стратегическом партнёрстве.

Были сделаны шаги в сторону сближения с Японией. Е. Примаков выдвинул предложение оставить решение курильской проблемы на суд будущих поколений, а затем представил японской стороне идею совместного экономического

развития островов. Однако интенсивные контакты между руководством двух государств не завершились прорывом. Давние разногласия о путях решения территориального вопроса, а также почти одновременный внутривнутриполитический кризис в России и Японии вновь привели к стагнации отношений.

В 1997 г. впервые за период реформ в стране появились признаки улучшения общеэкономической конъюнктуры. Омолодилось «лицо» российского правительства: в марте Б. Ельцин назначил первыми заместителями председателя правительства двух «младореформаторов» — А. Чубайса и Б. Немцова. Однако наметившийся экономический рост был прерван банковским и финансовым кризисом августа 1998 г. 17 августа правительство С. Кириенко объявило дефолт. Уже к середине сентября страна потеряла фондовый рынок, разорилось множество инвесторов, сбережения населения в момент обесценились. Цены выросли в три раза, курс доллара по отношению к рублю — в четыре. За год в стране сменились три правительства (В. Черномырдина, С. Кириенко, Е. Примакова). 25 августа Госдума приняла постановление, рекомендовавшее Б. Ельцину уйти в отставку. Правительству Е. Примакова удалось несколько стабилизировать политическую ситуацию, но не более того.

Чехарда в российском правительстве продолжалась и в 1999 г. В мае его главой стал С. Степашин, в августе — В. Путин. 7 августа банды Ш. Басаева вторглись на территорию Дагестана. 4—16 сентября прогремела серия взрывов в городах Буйнакске, Москве, Волгодонске, ответственность за которые была возложена на чеченских боевиков. 1 октября в Чечне началась полномасштабная война, скромно именованная Кремлём контртеррористической операцией.

Одним из феноменов политической жизни 1999 г. стало стремительное повышение рейтинга В. Путина. Во многом оно зиждилось на осторожной и продуманной кампании борьбы против терроризма в Чечне, а также на аккуратной и сдержанной политике премьера в экономических вопросах. На его рейтинг играл подъём российской экономики, объективно ставший следствием дефолта 1998 г. Тем не менее шаг Б. Ельцина,

подавшего 31 декабря в отставку и возложившего на В. Путина обязанности главы государства, удивил очень многих.

Политический кавардак в России, метания в выборе внешнеполитического курса содействовали значительному ослаблению её позиций на международной арене. К концу 1990-х стало очевидно, что Россия не в состоянии что-либо противопоставить ни расширению НАТО на Восток, ни силовым действиям США и их союзников в различных районах мира. «Стратегическое партнёрство» с Китаем служило целям «высокой политики», но мало способствовало решению насущных для России задач. Агрессия США и других стран НАТО против Югославии в марте 1999 г. обозначила начало периода открытого силового диктата Соединённых Штатов на международной арене.

Распад вертикали исполнительной власти и общее ослабление системы политического руководства в стране, дискредитация демократических идеалов обусловили гигантское падение авторитета власти у населения России. На Дальнем Востоке престиж и позиции центра были достаточно низки. Во-первых, в силу общих для всей России настроений. Во-вторых — по причине невыполнения Кремлём и правительством многочисленных обещаний в адрес дальневосточных территорий. В-третьих, благодаря акцентам, которые расставляли местные власти, перекладывая ответственность за нерешённые проблемы на плечи Москвы. Это стало беспроектным козырем местных губернаторов.

Взаимоотношения дальневосточных территорий с центром стали одной из ключевых проблем политической жизни региона в 1990-е гг. Поведение местных властей было противоречивым. С одной стороны, они ратовали за большую экономическую и политическую самостоятельность территорий. С другой — по традиции советского времени продолжали оглядываться на Москву, искать в ней ключи к решению всех местных проблем. Последнее давало им возможность и определённое право перекладывать на столицу вину за собственные просчёты и кивать на неё как на виновника всех местных бед. Такая политика была характерна для многих территорий России.

При этом, однако, центральная власть оставалась для населения последней надеждой. Во-первых, в силу недоверия к местным чиновникам, которые представлялись гражданам ещё более коррумпированными, беспомощными и безответственными, чем чиновники федеральные. Власть эта была в основном неэффективна, обладала слабыми средствами влияния на экономические процессы на своей территории, либо использовала для этого авторитарные и абсолютно не рыночные рычаги. Во-вторых, по причине близости к Китаю, который многие жители региона уже воспринимали как серьёзную угрозу интересам России и собственной безопасности.

Представления жителей Дальнего Востока о безопасности страны и региона серьёзно изменились. Падение боеспособности российских Вооружённых Сил, многочисленные инциденты вокруг расквартированных на Дальнем Востоке армейских, флотских и пограничных частей рассеяли прежние представления о защищённости территории от внешних врагов. По утверждению командующего Тихоокеанским флотом адмирала В. Куроедова, к 1996 г. ТОФ в 2 раза сократил количество боевых кораблей и в 2,5 раза — численность личного состава². В 1993 г. на всю страну стал известен инцидент в учебном отряде ТОФ на острове Русский, где матросы умирали от дистрофии. Армии, флоту не хватало средств не то что на новую технику, но даже на питание военнослужащих³.

26 марта 2000 г. В. В. Путин был избран Президентом Российской Федерации. В деятельности нового руководства страны определились следующие приоритеты: укрепление вертикали власти, политическая стабилизация, развитие экономики. Придя к власти, В. Путин провёл административную реформу. Были приняты документы, способствовавшие укреплению влияния центра на местах, реформе местного самоуправления. Страна была поделена на семь крупных округов, руководителями каждого из них назначили главным образом представителей высших слоёв армии и ФСБ. Фактически отменили выборы губернаторов. Вертикаль власти была выстроена заново. Обратной стороной административной реформы стали бюрократизация общества, повальная коррупция в органах власти,

ужесточение контроля над средствами массовой информации. Но в целом Президенту России, по крайней мере формально, удалось создать некую комбинацию из политической стабильности, экономического развития, независимой внешней политики — при некотором отступлении в сферах демократизации и создания гражданского общества. Тем самым он смог подчинить большинство строптивых региональных лидеров и добиться высокой концентрации власти в руках центральных органов управления.

Позитивные перемены наметились в экономической области. В 2000 г. впервые со времени перестройки страна получила бездефицитный бюджет. Это позволяло выплачивать внешний долг, не прибегая к новым заимствованиям. Ослабла зависимость от Международного валютного фонда. Благоприятная конъюнктура на нефть позволила существенно увеличить налоговые поступления и рост золотовалютных ресурсов Центробанка. Начался рост промышленного и сельскохозяйственного производства. С 1999 по 2004 г. номинальные среднедушевые доходы населения России выросли почти в 4 раза.

Однако темпы экономического развития Дальнего Востока были ниже, чем в среднем по России, и эта разница увеличивалась. В начале нового века Дальний Восток утратил своё последнее (хотя бы формальное) преимущество перед центральными районами, которое имел в конце 1990-х, — в уровне производства ВРП на душу населения. В 2007 г. на Дальнем Востоке и в Забайкалье он составил 81,2% среднероссийского (тогда как в 1998 г. — 117,5%). Та же ситуация была и с ростом доходов. Если в стране в среднем реальная зарплата к уровню 1999 г. выросла в 3 раза, среднедушевые доходы — в 2,5 раза, то на Дальнем Востоке — в 2,2 раза⁴.

Значительное повышение транспортных тарифов наряду со снижением доходов привели к тому, что жители региона оказались фактически отрезанными от центральной части страны, лишившись возможности выезжать в западные районы. Крайне неблагоприятной была ситуация по обеспечению населения объектами социальной инфраструктуры: школами, детскими садами, больницами, предприятиями культуры и спорта.

Общей чертой настроений населения Дальнего Востока стало неверие в благоприятные перспективы его развития. Людей не убеждали ни экономический рост начала XXI в., ни программные заявления государства о приоритетности развития Дальнего Востока. Отъезд населения из региона продолжался. Причём, если в 1990-е годы уезжали преимущественно мигранты в первом поколении, кого привела на Дальний Восток погоня за «длинным рублём» и кто рассматривал эту территорию как место временного проживания, то после 2000 г. на «запад» потянулись уже родившиеся и выросшие на Дальнем Востоке. Уезжали прежде всего молодые, образованные, динамичные жители городов. Это привело не только к дальнейшему сокращению численности населения (почти на 18% по сравнению с 1989 г.). Изменились этносоциальная структура и качество трудовых ресурсов (за счёт увеличения доли иностранного труда). Для жителей региона, особенно молодёжи, были характерны сильные миграционные ожидания.

Неверие в будущее своей территории, настроения временщиков, характерные для значительной части населения, а также его тяжёлое экономическое положение, обуславливали безразличное отношение к богатствам региона (лес, дикоросы, морепродукты), стимулировали их хищническую эксплуатацию и разграбление с последующей контрабандой в соседние страны.

Более твёрдую и самостоятельную политику Россия стала вести на международной арене. В основу внешнеполитической доктрины В. Путина были положены идеи многополярности мира, российской державности, приоритета национальных задач. Базовый документ российской внешнеполитической идеологии — «Концепция внешней политики РФ» 2000 г. — исходил из статуса России как «крупнейшей евразийской державы» и объявил «сбалансированность» отличительной чертой её внешней политики. Принципами этой политики были объявлены независимость, самостоятельность, прагматизм, экономическая эффективность, а её целью — интеграция России в мировую экономику и содействие реализации экономических реформ в стране⁵.

События 11 сентября 2001 г. в США серьёзно повлияли на международную обстановку и внешнюю политику ведущих государств мира. Заметно улучшились отношения между Россией и США. Поддержав США в развёрнутой ими антитеррористической кампании, Россия уже в июне 2002 г. получила признание в качестве полноправного члена «восьмёрки» (G-8), была признана страной с рыночной экономикой, подключилась к решению некоторых вопросов в формате НАТО. Однако выход США (май 2002 г.) из Договора по ограничению систем противоракетной обороны 1972 г., который на протяжении тридцати лет лежал в основе процесса ядерного разоружения, второй этап расширения НАТО на Восток, поддержка Белым домом «цветных революций» на постсоветском пространстве, военное вторжение в Ирак и особенно стремление Вашингтона разместить свои радары у западных границ России — в Чехии и Польше — и его позиция в отношении событий на Украине и в Грузии вновь охладили российско-американские отношения. Ухудшились отношения и с Европой.

На этом фоне ситуация на Тихом океане представлялась чуть ли не как благополучная. Даже ядерный кризис на Корейском полуострове, поставивший Восточную Азию на грань военного конфликта, не слишком занимал ни россиян в целом, ни жителей Дальнего Востока в частности. События в КНДР рассматривались как что-то абстрактное и далёкое. Неудивительно, что в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утверждённой Указом Президента РФ № 537 от 12 мая 2009 г., Азиатско-Тихоокеанский регион не упоминается вообще, а безопасность на востоке фигурирует через призму общих угроз национальной безопасности России как внешних, так и внутренних.

Между тем с 2005 г. напряжённость у границ России в Восточной Азии, прежде всего в отношениях между странами Корейского полуострова, возрастала. В феврале 2005 г. КНДР впервые открыто заявила о создании в стране ядерного оружия. В июле 2006 г. Пхеньян произвёл запуск нескольких ракет, одна из которых упала в море в российской экономической зоне, недалеко от г. Находки. 9 октября 2006 г. Северная

Корея произвела первый ядерный взрыв, в апреле 2009 г. заявила о выходе из международных переговоров по ядерному разоружению («шестисторонние переговоры»), а в мае 2009 г. пошла на второй взрыв ядерного устройства недалеко от границы с Приморским краем. В марте 2010 г. взорвался корвет ВМС Южной Кореи, унеся на дно 46 моряков. Сеул и Вашингтон обвинили Пхеньян в подрыве судна. А 23 ноября артиллерия КНДР обстреляла южнокорейский остров Ёнпхёндо, расположенный на спорной акватории Жёлтого моря.

Обострились территориальные споры между Японией и Южной Кореей по поводу принадлежности острова Токто (Такэсима), между Японией и Китаем — из-за островов Сенкаку (Дяоюй).

Весной 2009 г. президенты России и США Д. Медведев и Б. Обама на первой личной встрече дали старт «перезагрузке» российско-американских отношений. Лидеры двух стран приняли решение о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ), заявили о единой позиции по северокорейской и иранской ядерным программам. 8 апреля 2010 г. в Праге президенты подписали Договор СНВ-3 (о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений).

Окончательное утверждение линии российско-китайской границы в 2004 г.⁶ вызвало некоторый всплеск протестной активности местного населения, который, однако, оказался кратковременным. В России это событие осталось практически незамеченным.

На первое десятилетие нового века пришлась новая попытка российской власти утвердить свои позиции в Восточной Азии и на Тихом океане. Ключом к реализации этой задачи было объявлено ускоренное развитие дальневосточных территорий. Инициатором осуществления «новой восточной политики» России выступил В. Путин. Именно он сформулировал взгляд на Сибирь и Дальний Восток как на «стратегический резерв выживаемости России в XXI в.», не раз заявляя, что без освоения этих территорий России великой державой не быть, а их сохранение и развитие невозможно без эконо-

мической интеграции с АТР⁷. Целенаправленно создававшаяся президентом идеологическая платформа поворота на Восток была закреплена (в лучших традициях советского времени) решениями VI съезда «партии власти» — «Единой России», объявившего, что «именно Сибири и Дальнему Востоку... предназначено сыграть прорывную роль в возрождении и обновлении страны». Съезд призвал «разработать долгосрочную программу... предусматривающую комплексное ускоренное развитие сибирских и дальневосточных регионов»⁸.

20 декабря 2006 г. на заседании Совета безопасности РФ, посвящённом обеспечению национальной безопасности Дальневосточного федерального округа, было принято решение о комплексном развитии региона. Посылкой к принятию решения стала оценка ситуации в регионе как угрожающей национальным интересам России⁹. Последовал ряд принципиальных шагов в этом направлении. Указом Президента РФ от 27 января 2007 г. была создана Госкомиссия по вопросам развития Дальнего Востока и Забайкалья. В тот же день президент дал старт подготовительной работе по проведению Саммита АТЭС во Владивостоке. В августе 2007 г. правительство России утвердило исправленный вариант федеральной целевой программы «*Развитие Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 года*». Стоимость программы выросла до 430 млрд. руб., а с частными инвестициями под конкретные проекты — до 566 млрд. руб. (свыше 20 млрд. долл.).

2 марта 2008 г. Президентом России был избран Д. Медведев. В. Путин занял пост главы правительства РФ. Курс Кремля и правительства в отношении восточных районов страны, как и тихоокеанская политика России, не только сохранились, но и получили дальнейшее развитие. Новая *Концепция внешней политики Российской Федерации*, утверждённая президентом Д. Медведевым 12 июля 2008 г.¹⁰, легализовала намерение Москвы использовать потенциал и возможности Азиатско-Тихоокеанского региона в целях экономического подъёма Сибири и Дальнего Востока и тем самым закрепить «принадлежность России к этому динамично развивающемуся району мира».

В августе 2008 г. в программу «*Развитие Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 года*» были внесены изменения в виде подпрограммы «*Развитие г. Владивостока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе*» стоимостью в 228 млрд. руб. (в том числе 202 млрд. за счёт бюджетных средств)¹¹. В результате размеры самой программы приблизились к 700 млрд. руб. 28 декабря 2009 г. правительство утвердило *Стратегию социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года*, нацеленную на «геополитический прорыв России в АТР», «формирование развитой экономики и комфортной среды обитания человека» на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе¹².

Лицом к востоку стали поворачиваться структурообразующие отрасли российской экономики: нефтяная, газовая и железнодорожная. В разработанных в последние годы отраслевых стратегиях (*Энергетическая стратегия России до 2020 г.*, *Стратегия развития железнодорожного транспорта России до 2030 г.*, *Восточная газовая программа Газпрома до 2030 г.* и др.) объекты ДВФО занимают особое место. Все эти громкие шаги власти и бизнеса России на восток породили определённую эйфорию в СМИ, политических кругах¹³, части научного сообщества и не могли не влиять на настроения населения региона.

В 2008—2010 г. центр предпринял ряд шагов, призванных укрепить связи Москвы с Дальним Востоком, убедить его жителей в реальном внимании Москвы к его нуждам. Одним из таких шагов стало введение в 2009 г. льготного тарифа для молодёжи и пенсионеров на авиабилеты в западные районы страны. Нормой стали частые и во многом демонстрационные визиты высших руководителей России — президента и премьер-министра, не говоря уже о чиновниках меньшего ранга, на Дальний Восток. Самой громкой из таких поездок, вызвавшей немалый международный резонанс и громкие протесты японской стороны, было посещение 1 ноября 2010 г. Д. Медведевым Курильских островов — первый визит главы российского (и советского) государства на эту территорию.

Однако параллельно с этим правительство принимало меры, серьёзно ущемлявшие интересы сотен тысяч дальневосточ-

ников. Ужесточилась борьба с «челночным бизнесом». 25 февраля 2006 г. вступило в силу постановление правительства, согласно которому физические лица получили право провозить без уплаты пошлины 35 кг багажа (ранее этот показатель равнялся 50 кг) и без уплаты таможенной пошлины пересекать границу не чаще одного раза в месяц (ранее — не чаще раза в неделю). С начала 2008 г. дальневосточная таможня стала изымать и отправлять на склады временного хранения объёмистые сумки с ширпотребом «для личных целей», оставляя без дополнительного дохода десятки тысяч жителей российского приграничья, прирабатывавших беспошлинной доставкой товаров для российских и китайских предпринимателей.

10 декабря 2008 г. принято решение о существенном увеличении таможенных пошлин на подержанные автомобили (с 12 января 2009 г.), опять же затронувшее интересы десятков тысяч жителей Дальнего Востока. Неудивительно, что действия правительства повлекли за собой акции протеста. Массовый митинг на главной площади Владивостока 21 декабря 2008 г. был жестоко разогнан подмосковным ОМОНОм. Введение высоких ввозных пошлин на импортные автомобили только в Приморском крае оставило без работы десятки тысяч людей¹⁴.

Мировой финансово-экономический кризис 2008—2009 гг. также внёс свою лепту в ухудшение ситуации в регионе. Крупные финансовые вливания центра в экономику Дальнего Востока несколько ослабили воздействие кризиса (но были неспособны компенсировать его социальные последствия) и действий правительства «по защите отечественных производителей». Несмотря на масштабное строительство, развёрнутое в Приморье в рамках подготовки к саммиту АТЭС-2012, общая численность безработных в крае даже по официальным данным увеличилась за 2009 г. на 24 тыс. чел. (с 83,4 до 107,6 тыс.), что составило до 9,8% всего трудоспособного населения. Число безработных, официально зарегистрированных в службе занятости, возросло на 7 тыс. чел. (с 30,6 до 37,6 тыс.)¹⁵. Летом 2010 г. на совещании в Хабаровске Президент РФ Д. Медведев чётко зафиксировал тяжёлое положение региона: «...из-за

кризиса ухудшился ряд социально-экономических показателей Дальневосточного федерального округа. Сократился объём промышленного производства... У каждого пятого жителя доходы ниже прожиточного минимума. Большинство территорий округа по-прежнему дотационные. А если говорить о модернизации, о теме инноваций, которыми мы сейчас по-настоящему все стали заниматься, то здесь доля производимой инновационной продукции в округе — всего один процент, даже меньше. Конечно, всё это усугубляет и без того непростые демографические проблемы. Отток нам пока остановить не удалось. За 20 лет, с 1991 года, население округа сократилось на четверть»¹⁶.

Таким образом, нестабильная стратегическая обстановка в АТР, двусторонние отношения Москвы со странами региона, политические коллизии в самой России и политика Кремля в отношении дальневосточных территорий стали первой важной составляющей, формирующей внешнеполитические представления, приоритеты и настроения дальневосточников. Второй составляющей стали внешние связи самих дальневосточных территорий.

ВНЕШНИЕ СВЯЗИ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Состояние внешних связей дальневосточных территорий самым серьёзным образом влияло на восприятие их жителями внешнего мира. Во-первых, региональные связи каждого края или области лишь условно являлись частью международных отношений России. Очевидно, что они зависели от характера и направлений внешней политики Москвы, от тенденций внутреннего развития России, но всё же формировались самостоятельно и плохо регулировались центром. Эти связи, особенно экономические, были подвержены воздействию многих внутренних и внешних факторов, поэтому отличались большой нестабильностью, переживая резкие взлёты и падения (*рис. 1*).

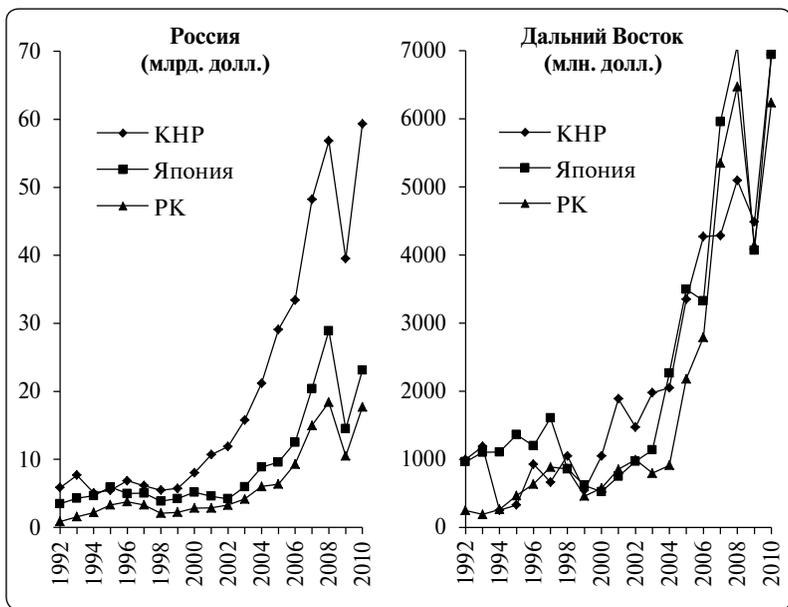

Рис. 1. Объём товарооборота России и Дальнего Востока со странами Восточной Азии

Во-вторых, Дальний Восток взаимодействовал преимущественно с ближайшими соседями России в Северо-Восточной Азии. За первые семь лет (1992—1998) интенсивного развития внешнеэкономических связей Дальнего Востока две трети его совокупного импорта пришлось на долю четырёх государств: Китая — 19%, Республики Корея — 17, США — 16,6, Японии — 13%¹⁷. При этом контакты поддерживались преимущественно с наименее развитыми территориями этих государств (Северо-Восточный Китай, западное побережье Японии, Аляска). Такой акцент предопределил главенствующее положение этих территорий в формировании представлений дальневосточников о внешнем окружении.

В-третьих, сказывалась специфика отношения наших соседей к Дальнему Востоку. Их интерес к региону был обоснован как экономическими, так и военно-стратегическими соображениями. Китай, заинтересованный в том, чтобы иметь

безопасную и спокойную границу на севере, сделал ставку на экономическое проникновение в регион. США хотели бы видеть российский Дальний Восток в качестве безопасного, предсказуемого, заинтересованного в экономических отношениях соседа по Тихому океану, однако на деле проявляли очень мало интереса к этому региону, за исключением сахалинских проектов. Япония в первую очередь была озабочена решением территориальной проблемы как важной составляющей своего политического престижа, а поэтому демонстрировала чрезмерную осмотрительность в шагах и поступках. Южная Корея предпринимала осторожные попытки культурной и демографической экспансии (посредством поддержки переселения корейцев из Средней Азии в Приморье, финансирования культурных и образовательных проектов, религиозной активности). В то же время все эти страны рассматривали Дальний Восток как европейскую периферию, как элемент российского экономического, политического и культурного пространства, но не как составную часть Восточной Азии.

В-четвёртых, очевидной была различная направленность связей территорий Дальнего Востока, каждая из которых ориентировалась на страны, близкие ей географически. Китай, США, Япония, Республика Корея оказывали далеко неодинаковое воздействие на экономическую жизнь отдельных краёв и областей региона (*рис. 2*).

Общая граница с Китаем, отсутствие прямого выхода к морю, узкая экономическая специализация и исторически сложившаяся высокая степень зависимости от других территорий заставляли Амурскую, Читинскую и Еврейскую автономную области ориентировать свою экономику на приграничные провинции Северо-Восточного Китая. В 1993 г. доля Китая в их внешнеторговом обороте превысила 90%¹⁸. Также граничащие с КНР, но экономически более развитые Приморский и Хабаровский края, пережив кратковременный период «китайской эйфории» (в 1992—1994 гг. на КНР приходилась почти половина объёма их внешней торговли), стремились диверсифицировать географическую структуру экономических связей.

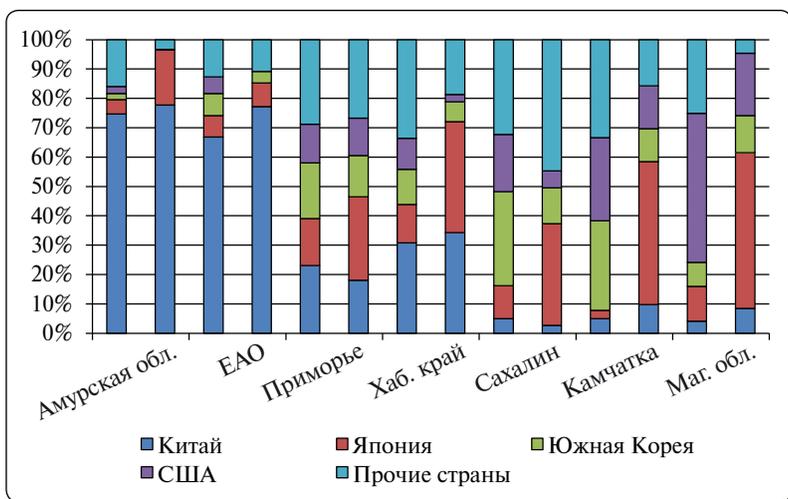

Рис. 2. Доля стран АТР в совокупном импорте (левые столбцы по каждой территории) и экспорте (правые столбцы) территорий Дальнего Востока России за 1992—1998 г., % от экспорта и импорта территории. Расчёты сделаны на основе статистических данных Monthly Bulletin on Trade with Russia & East Europe. 2000. July. P. 120—143

Интересы северных районов Дальнего Востока были иными. Географическая близость к Японии, её интерес к разработкам нефти и газа на Сахалине, административная принадлежность спорных островов этой области стимулировали определённое экономическое сближение Сахалина с Японией. Вместе с тем широкое вовлечение американского капитала в разработку энергетических ресурсов острова обусловило его большую зависимость от США. Для Камчатки и Магадана более важным и актуальным считалось развёртывание полномасштабных отношений с Соединёнными Штатами Америки, чем с азиатскими соседями России.

Все дальневосточные территории, хотя и в разных объёмах, развивали «челночную» и мелкооптовую торговлю с Китаем и импорт подержанных машин из Японии. Эта торговля не только обеспечивала население региона (в том числе и северных территорий) товарами и транспортными средствами,

не только давала десятки тысяч рабочих мест, а поэтому имела немаловажное политическое и социальное значение, но и являлась каналом влияния Китая и Японии на настроения населения Дальнего Востока¹⁹. Именно китайский ширпотреб и японские автомобили являлись тем критерием, который во многом определял представление рядовых граждан региона о КНР и Японии.

Более важное значение, чем импорт продовольствия и товаров широкого потребления, имела экспортная ориентация промышленности Дальнего Востока. Экспорт обеспечивал как серьёзные поступления в бюджет этих территорий, так и рабочие места. В середине 1990-х гг. доля экспорта в объёме промышленного производства региона в целом достигла 23,5%, а в Приморском и Хабаровском краях, на Сахалине и Камчатке она составляла от 30 до 33%. Доля Китая в экспорте региона в 1992—1998 гг. колебалась от 7% (1995 г.) до 33% (1993 г.), Южной Кореи — от 7 до 13%, Японии — от 24,7 до 62%, а доля США постепенно выросла с 1,5% в 1993 до 13,5% в 1998 г. Цифра будет значительно больше, если к ней приплюсовать как рыбу и морепродукты, поставившиеся в США и Японию в обход российской таможни²⁰, так и лес, и металлолом, контрабандно отправлявшиеся в Китай целыми эшелонами.

В начале XXI в. география внешнеэкономических связей Дальнего Востока заметно расширилась, но на Японию, Китай и Республику Корея по-прежнему приходилась львиная доля (77% в 2007 г.) всего внешнеторгового оборота региона. Скачок в объёмах торговли случился в 2007 г., когда в Японию и Южную Корею пошла сахалинская нефть. Географическая структура внешних связей Дальнего Востока сильно отличалась от структуры подобных связей всей России (рис. 3), что обуславливало специфику внешних интересов региона и не всегда вызывало понимание в столице.

Внешние инвестиции в дальневосточную экономику были минимальны, они не стали ни заметным фактором экономического развития региона в целом, ни средством влияния на него со стороны соседей, ни элементом формирования общественного мнения. Исключение составил только Сахалин, в то-

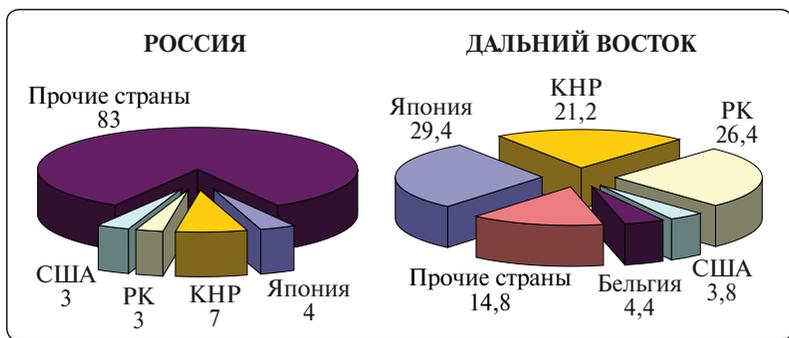

Рис. 3. Географическая структура внешней торговли России и Дальнего Востока (2007 г., % от общего товарооборота страны и региона). Составлено по: Внешняя торговля Российской Федерации со странами Дальнего зарубежья. http://gsk.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Atg/d03/26-05.htm; Внешнеэкономическая деятельность Дальневосточного федерального округа в 2007 году (по данным таможенной статистики) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2008. № 1. С. 16—22

пивно-энергетический комплекс которого было вложено 83% (на 2006 г.) всех иностранных инвестиций на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Хотя по числу зарегистрированных на Дальнем Востоке предприятий с иностранным капиталом лидировали Китай, США, РК и Япония, максимальный объем средств (57%) в регион вложили Нидерланды, на долю Японии приходилось 8%, а КНР — только 1% всего объема инвестиций²¹.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

Дальний Восток не является единым регионом ни политически, ни административно, ни тем более экономически. У каждой территории — специфические экономические и социальные проблемы, и соседи объективно не были способны содействовать в их решении. Территории конкурировали за ресурсы (особенно получаемые из центра или распределяемые центром), соперничали на внешнем и внутреннем

рынках. Экономические отношения между краями и областями Дальнего Востока были намного слабее, чем их зарубежные связи. К тому же эти зарубежные связи заметно отличались размахом и географией. Так, по итогам первой половины 2008 г. почти половина (42,3%) общего объёма внешней торговли ДВФО пришлась на Сахалинскую область, 28,4% — на Приморский край, вдвое меньше (13,2%) — на Хабаровский край, тогда как на Амурскую область — 2,9%, Еврейскую автономную область — 0,3%²².

Сохранилась разница в географии внешней торговли территорий, которая хорошо видна на примере Приморского и Хабаровского краёв (рис. 4) и особенно отчётливо выражена в структуре внешних связей этих территорий и Амурской области, а также ЕАО, по-прежнему полностью ориентированных на Китай.

Не наблюдалось особой дружбы и между губернаторами. Каждый скорее «тянул одеяло» на себя, чем ратовал за общие интересы и общее дело. Создание Дальневосточного федерального округа обозначило лишь формальное единство. По харак-

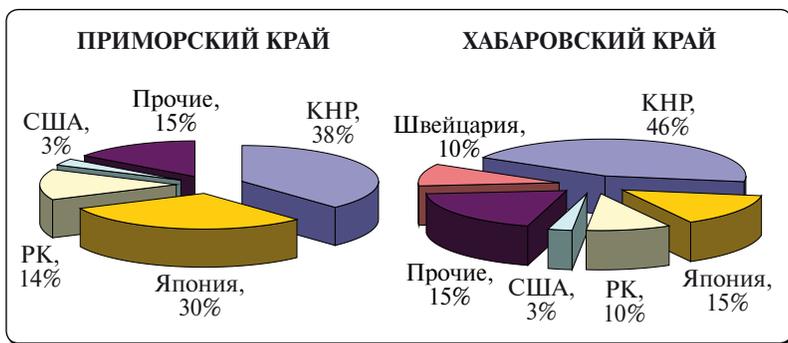

Рис. 4. Географическая структура внешней торговли Приморского и Хабаровского краёв (2006 г., % от всего объёма торговли края).

Составлено по: Информация о внешнеэкономической деятельности Приморского края за 2006 год. Владивосток: Администрация Приморского края, 2007. С. 7; Хабаровский край. Внешняя торговля. Общая характеристика товарооборота по внешней торговле — http://www.adm.khv.ru/invest2.nsf/pages/ftradechar_ru.htm

теру отношений, взаимодействия, решению своих и общих проблем Дальний Восток был более похож на совокупность «феодалных удельных княжеств», чем на часть единого государства. Поэтому все программы социально-экономического развития Дальнего Востока, ещё не родившись, становились фикцией. Связать регион воедино были способны лишь те проекты, которые имели бы общенациональное значение (транспорт, энергетика).

Неудивительно, что общественно-политическая обстановка на разных территориях Дальнего Востока была различной. Как показали итоги голосований на разного рода выборах 1991—1996 гг., в Приморском крае и Магаданской области преобладали реформаторские и национально патриотические настроения, в Хабаровском крае, на Камчатке и Чукотке — реформаторские, в Амурской области — коммунистические, а в ЕАО — неопределённые²³. В целом же политическая система территорий не была институционализована, оставалась в значительной степени субъективной и зависела от характера, мировоззрения политических лидеров, находившихся у власти либо стремившихся к ней.

В зоне нашего исследования — в южных районах Дальнего Востока — наиболее стабильной была обстановка в Хабаровском крае. Опытный хозяйственник В.И. Ишаев оказался хотя и жёстким, что в условиях «разгула демократии» 90-х годов удовлетворяло далеко не всех, но эффективным губернатором, способным собрать вокруг себя сильную команду управленцев и подчинить своей воле политические брожения в крае. В то же время чехарда губернаторов не давала стабилизироваться обстановке в Амурской области, а в Приморском крае бушевали страсти и острые политические баталии.

Ситуация в Приморье неизбежно влияла на внешние взгляды и пристрастия жителей края. Длительное время она зависела от политики краевой администрации во главе с Е. Наздратенко, пришедшего к власти в июне 1993 г. и оставшегося у руля управления, несмотря на многочисленные скандалы и разоблачения, сопровождавшие его деятельность вплоть до января 2001 г.

Перманентная нестабильность стала одной из главных черт политической обстановки в Приморье. Одна из основных её причин — ставка администрации Е. Наздратенко на постоянный поиск «врагов» как источника и причины всех проблем и бед Приморья. Весь период нахождения её у власти отмечен борьбой: с А. Чубайсом, В. Черепковым²⁴, «московскими предателями», «китайской экспансией», нескончаемыми судебными исками в адрес журналистов, политиков и даже учёных в защиту «чести и достоинства» губернатора. Стремясь сформировать свой имидж крепкого хозяйственника, независимого политика, патриота России и Приморья, он широко использовал для этого подконтрольные администрации средства массовой информации. Одна за другой шли в СМИ кампании по защите границ России и борьбе против засилья иностранцев в крае (операции «Иностранец»), за наделение Приморья особым статусом, против приватизации «по Чубайсу», за сохранение низких энерготарифов, «выбивание» трансфертов из Москвы.

Конфронтация с центром стала основой политической платформы Е. Наздратенко. Зарабатывая политический капитал на справедливых обвинениях центра в игнорировании экономических и политических интересов Дальнего Востока, он так и не смог добиться решения ни одной из ключевых для всего региона проблем (высокие транспортные тарифы, энергетика, ликвидация финансовой задолженности центра перед территориями), в том числе приостановки процесса демаркации российско-китайской границы в Приморье.

Тем не менее на выборах губернатора Приморья 17 декабря 1995 г. Е. Наздратенко набрал 70%, а 19 декабря 1999 г. — без малого 65% голосов. При всех сомнениях в правильности подсчёта всё же следует признать, что его антимосковская риторика оказалась в кризисных условиях весьма эффективным пропагандистским оружием.

В то же время в политических, деловых и научных кругах за рубежом Приморье приобрело репутацию криминального края, крайне рискованного (даже на фоне остальной России) для инвестиций. «В последние несколько лет Владивосток стал одним из главных центров перевалки наркотиков, оружия и от-

мывания денег в России. Его авторитарное руководство, проводящее через своих людей политику внутреннего контроля и административного протекционизма в экономике, сильного национализма и политического подавления всех оппозиционных сил, находится на пути к маргинализации региона и придания ему той роли в России, которую играет Палермо в Италии», — писал по этому поводу П. Кирков²⁵.

В значительной степени по этим причинам общественное мнение в крае было достаточно специфичным. О его состоянии позволяют судить опросы населения, проводившиеся различными организациями. Некоторые параметры стоит отметить.

1. Высокая политическая активность населения. В выборах губернатора края в июне 1999 г. приняли участие, по данным ЦИК РФ, 59,57% избирателей²⁶.
2. Разочарование во власти как общероссийской, так и местной, в её способности решить российские и местные проблемы. Проведённый лабораторией изучения общественного мнения ИИАЭ опрос населения Приморского края осенью 1998 г. показал, что в демократический характер власти в России верили лишь 20% населения края. Ещё ниже оценивался уровень демократичности власти во Владивостоке (13%) и Приморье (9%). Фактически преступной («мафиозной») эту власть считали более 40% населения (рис. 5).

Опрос весны—лета 2002 г. дал ещё более жёсткие характеристики политической жизни Приморского края (табл. 1). Они особенно заметны в сравнении с оценками характера российской и местной власти, данными жителями двух других дальневосточных столиц — Хабаровска и Благовещенска.

3. Местный патриотизм: 48% респондентов в своих наказах депутатам Государственной Думы и Совета Федерации от Приморского края порекомендовали бы на первое место ставить интересы своего края.
4. Российский патриотизм: несмотря на все разговоры о сепаратизме дальневосточников, идея выделения Приморья из состава Российской Федерации не пользовалась поддержкой в крае. Лозунги регионализма, создания

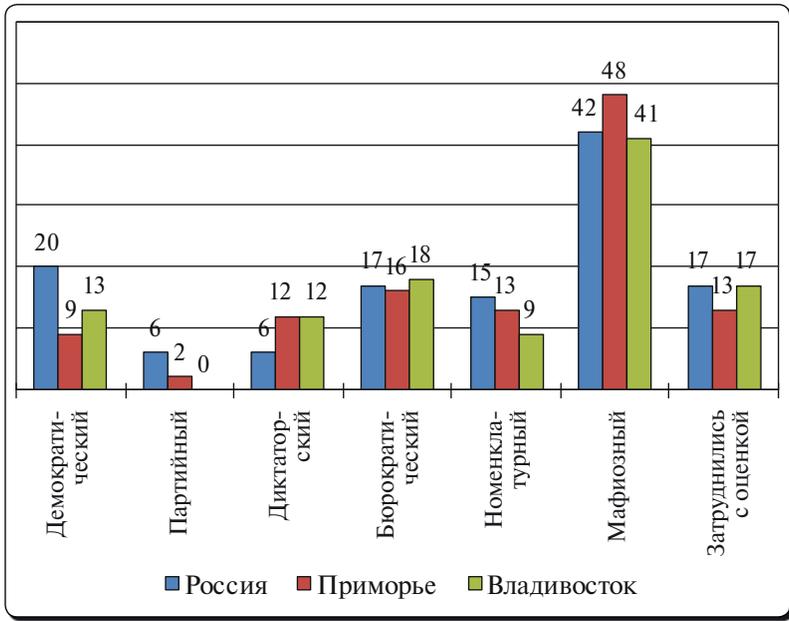

Рис. 5. Оценка характера власти в России, Приморье и Владивостоке (Приморский край, ноябрь 1998 г., % от числа опрошенных)

Таблица 1

Оценка респондентами юга Дальнего Востока характера политической жизни в России, своём крае и городе (2002 г., % от числа опрошенных; 1 — Россия, 2 — край, 3 — город)

Характер политической жизни	Хабаровск			Благовещенск			Владивосток			Дальнереченск (Приморский край)		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Демократический	28	22	17	28	14	11	11	4	3	11	3	2
Парламентский	2	3	0	12	3	1	10	6	2	6	3	3
Бюрократический	31	30	31	55	60	46	49	50	50	51	36	38
Диктаторский	14	13	6	5	3	4	7	4	15	2	5	5
Мафиозный	34	22	25	17	17	29	25	47	43	47	61	63
Трудно сказать	6	14	22	9	12	12	18	10	8	13	13	14

Дальневосточной республики (или ещё более мелких республик, как, например, Приморской), весьма популярные в начале 1990-х гг., рассматривались их пропагандистами не через призму «республиканской независимости» — отделения от России и превращения в самостоятельные политические субъекты на карте Восточной Азии, а в плане обладания ими лишь большей экономической и политической самостоятельностью в составе Российского государства (подробнее см. в гл. 2).

5. Несмотря на все экономические и политические потрясения, которые обрушились на их головы в последнее десятилетие, жители Дальнего Востока (по крайней мере те, кто выжил, не уехал за рубеж или в Европейскую Россию) оставались неисправимыми оптимистами. Иначе не объяснить тот факт, что на вопрос «Верите ли Вы в благоприятные перспективы развития Вашего края/области?», 59% опрошенных в 2003 г. приморцев ответили утвердительно. Не выразила веры в будущее одна четвёртая часть населения, а 12% просто не задумывались об этом. Оптимистичнее всего смотрели в будущее хабаровчане, воодушевляемые политикой их энергичного губернатора В.И. Ишаева (75% респондентов города), и биробиджанцы (63%), пессимистичнее всего — жители депрессивной Амурской области (48% опрошенных там не верили ни в какие хорошие перспективы). Оптимизм не мешал, однако, мечтать о переезде на жительство в другие районы страны и мира.

ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ (КАНАЛЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ)

Существует несколько стабильных каналов, через которые жители Дальнего Востока черпали сведения о внешнем мире, формируя на их основе свои представления о странах и народах. Главными (по степени воздействия) каналами являлись: средства массовой информации (газеты, радио, телевидение,

Интернет), личный опыт (общение с иностранцами в России и посещение зарубежных стран), общение с друзьями и знакомыми, базовое и профессиональное образование (школа, вуз), самообразование (научная и популярная литература, выставки, музеи, кино, театр).

Естественно, что лица различных возрастов, принадлежащие к тем или иным социальным и профессиональным группам, проживавшие на разных территориях Дальнего Востока, по-разному использовали те или иные каналы информации и определяли для себя степень их важности.

Впервые попытки выяснить источники, из которых жители региона черпали сведения о своих зарубежных соседях, были предприняты нами в 1995 г. в ходе опроса о восприятии Японии. Уже тогда стала очевидна ключевая роль московского телевидения и центральной прессы в формировании представлений россиян об этой стране (табл. 2). Проявились и некоторые особенности. К примеру, жители Хабаровска больше ориенти-

Таблица 2

**Источники информации о Японии для жителей Дальнего Востока
(1995 г., % от числа опрошенных)**

Источники	Юг ДВ	Владивосток	Хабаровск	Руководители	Студенты	Интеллигенция	20—29 лет
Центральные газеты	31	28	55	29	24	41	26
Местные газеты	25	28	17	19	18	29	22
Центральное ТВ	48	44	78	48	49	51	54
Местное ТВ	29	31	15	38	27	31	32
Российское радио	20	17	23	19	8	9	15
Местное радио	20	20	7	19	19	8	15
Журналы	21	20	30	24	39	25	25
Книги	17	15	17	24	24	29	15
Встречи с друзьями	26	27	33	38	38	24	34
Поездки в Японию	20	21	20	38	24	17	23
Затруднились с ответом	6	8	0	5	5	4	8

ровались на центральное телевидение и московские газеты, тогда как во Владивостоке бóльшую роль играли местные СМИ.

В ходе следующего опроса, в октябре 1997 г., наиболее важными источниками своих знаний о Японии жители Владивостока также называли центральное и местное телевидение (69% респондентов), газеты и журналы (42%), радио (25%) и личные впечатления от посещения Японии (20%).

Более полные сведения об источниках информации для жителей юга Дальнего Востока о соседних странах и народах были получены в ходе опросов 2003 г. Анализ данных показал, что в отличие от жителей большей части России многие дальневосточники имели личный опыт международного взаимодействия, основывались именно на нём, осознавая все плюсы и минусы, трудности и радости общения. Из числа опрошенных в 2003 г. жителей Приморского края только 31% признались, что не имели никакого опыта международного общения. Для многих участников такого взаимодействия (42% респондентов) этот опыт свёлся к покупке товаров у иностранцев (очевидно, у китайцев и вьетнамцев на местных рынках или в приграничных китайских городах), а 18% назвали источником своего опыта туризм, 11% — «челночный бизнес». Посредством различных форм гуманитарного обмена (по линии культуры, науки, образования, медицины, спорта) с зарубежными странами познакомились 9% респондентов, по линии частного предпринимательства — 8%, государственной службы — 7%, транспорта — 5% и ещё 4% респондентов — благодаря тому, что были заняты обслуживанием иностранных граждан.

Близость к Китаю, широкие возможности для посещения этой страны и общения с китайцами обусловили тот факт, что главным источником информации о Китае для жителей юга Дальнего Востока являются личные впечатления. Так, в 2003 г. источники сведений о КНР распределились по степени важности в следующем порядке (%):

- общение с китайцами в России — 61;
- телевидение — 42;
- рассказы знакомых — 34;
- газеты — 28;

- поездки в Китай — 26;
- радио — 20;
- научные издания — 9;
- школьные знания — 8;
- популярная литература — 5.

Кроме этого, каждый пятый сообщил, что ему приходилось читать китайскую литературу, а каждый десятый (9%) заявил, что в той или иной степени владеет китайским языком. Наибольший процент знающих китайский — в пос. Пограничном и малых городах Амурской области, где население активно занималось «челночным» бизнесом на китайском направлении. Ясно, что язык, которым большинство из них пользовались — это обиходный набор фраз, необходимых для повседневного общения с китайцами.

Наши выводы подкрепляются другими исследованиями на эту тему. По данным социологического опроса, проведённого учёными Амурской области, в этом регионе 40,8% респондентов сформировали своё мнение о Китае и китайцах на основе личного опыта, 13,6% — на базе сведений, полученных от знакомых (отчасти это относится к разряду слухов). 23,1% респондентов указали на материалы прессы, телевидения, радио; 4,5% отнесли свои источники к «официальным»; 15,3% сослались на чтение книг, просмотр кинофильмов²⁷.

Основным источником представлений хабаровчан о китайцах, как было выяснено в ходе ещё одного опроса в этом городе в августе—сентябре 2004 г., также был личный опыт общения, аналогичный опыт родственников и знакомых, сообщения СМИ. Собственные наблюдения и общение с китайцами однозначно занимало у них ведущее место²⁸.

Что касается роли других источников информации о зарубежных странах, то среди них главными жители Дальнего Востока в 2008 г. назвали телевидение и радио (около 70% респондентов). Меньшее значение имели газеты (от 31 до 39%) и Интернет (21—26%). Не более 13% что-то узнавали из специальной литературы и популярных изданий.

Значение разных источников информации для восприятия и оценки дальневосточниками тех или иных стран не было оди-

наковым. Как уже отмечено выше, при формировании образа КНР и представлений о китайцах важнейшим источником для всех слоёв населения региона являлся индивидуальный опыт, причём роль этого фактора росла с каждым годом. К 2003 г. хотя бы раз побывал в КНР каждый третий (35%) взрослый житель юга Дальнего Востока (в Приморье — 40%, Хабаровске — 35%, Амурской области — 46%). Каждый пятый респондент признался, что бывал в Китае 1—2 раза, 8% посещали страну от 3 до 5 раз, а ещё 8% — многократно. В 2008 г. о своём посещении КНР сообщили уже более половины (56%) респондентов, в том числе каждый третий (32%) бывал там более трёх раз. Наиболее часто в Китай ездили жители приграничных городов и посёлков Приморья и Амурской области, зарабатывавшие на жизнь челночной торговлей и доставкой беспошлинных товаров для российских и китайских предпринимателей²⁹.

Для знакомства с другими странами региона дальневосточники имели значительно меньшие возможности. Увидеть собственными глазами Японию удалось одному из шести опрошенных в 2008 г. жителей Дальнего Востока (16%), Южную Корею — 12%, а Северную — лишь 6%. Соответственно их представления о Японии и Корее построены преимущественно на вторичных источниках.

Тем не менее возможностей судить о Японии или Корее, как и о Китае, на основе собственных впечатлений у дальневосточников было на порядок больше, чем у жителей остальной России. По данным опросов по Японии, проводившихся на территории большей части России в марте 2001-го и сентябре 2004 г. (41% участников — жители Дальнего Востока), только 1% россиян имел шанс побывать в Японии³⁰. По сведениям Фонда общественное мнение, полученным в ходе опроса 1500 респондентов в феврале 2011 г. в 43 субъектах России, в Японии были менее 1% россиян, в Китае — только 2%, и вообще лишь каждый пятый гражданин РФ когда-либо бывал за границей³¹. Более высокий уровень международной мобильности дальневосточников и особенно знакомства со странами Восточной Азии, безусловно, не могли не сказаться на характере их внешних воззрений, в ряде моментов принципиально отличных от взглядов «среднего россиянина».

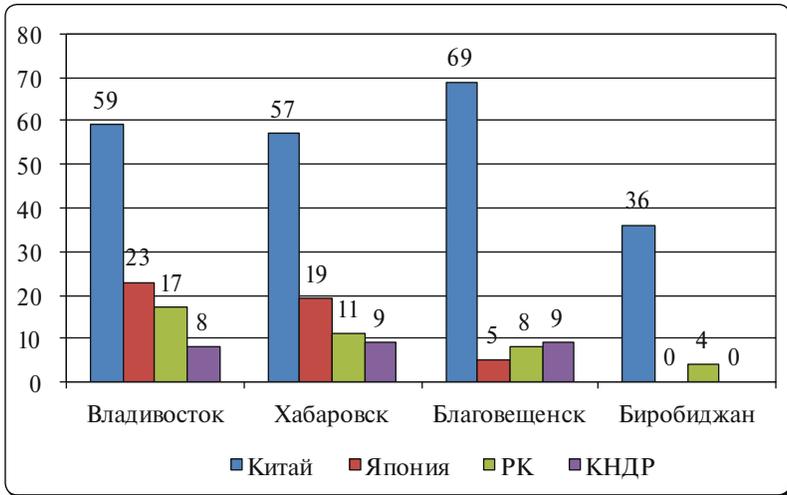

Рис. 6. Число респондентов, побывавших в соседних странах Восточной Азии (2008 г., %)

Закономерно, что жители разных районов Дальнего Востока обладали неодинаковыми возможностями для зарубежных поездок. В Китае чаще всего бывают благовещенцы, реже — жители Биробиджана. Жители Владивостока, закономерно, более частые гости в Японии и Южной Корее, чем хабаровчане или благовещенцы (рис. 6).

Доля жителей Владивостока, упоминавших поездки в Японию как источник знаний об этой стране, оставалась неизменной с 1995 г. — в пределах 20% от числа респондентов. Однако это обстоятельство не оказывает заметного влияния на уровень их знаний о соседних странах. К примеру, степень осведомлённости о Китае тех, кто бывает в стране многократно, всего на 4—5% выше среднего уровня (подробнее см. в гл. 5).

Столь же неодинаковые возможности жители Дальнего Востока имеют для личного общения с представителями различных государств на территории России. Результаты опроса населения Приморского края летом 2003 г. показали, что среди тех респондентов, которые, по их мнению, «имели опыт международных связей», с китайцами приходилось встречаться

или работать 56%, с японцами — 21, гражданами Южной Кореи — 17, Вьетнама и США — по 9, стран Европы — 7%, КНДР и стран ЮВА — по 5%, Австралии и Индии — по 3%.

Существует определённая специфика источников информации у населения разных возрастов и занятий, выявлены также небольшие отличия по территориям. Например, к Интернету чаще прибегают жители Владивостока и Хабаровска. В Биробиджане чуть меньше читают, но больше пользуются телевизором. Однако заметных расхождений в источниках информации не обнаруживается.

Что касается молодёжи, которой в нашем исследовании уделялось особое внимание, то главными источниками её сведений о Китае также являются средства массовой информации (71% опрошенных в 2006 г. студентов Владивостока), а также их собственные впечатления от пребывания в КНР (36%). Закономерно, что молодёжь (от 20 до 30 лет) активнее пользуется Интернетом: 43% во Владивостоке (2006 г.) и 40% по югу Дальнего Востока (2008 г.).

Важный вопрос — о доверии средствам массовой информации и тем сведениям, которые они преподносят. Дальневосточники в массе своей им доверяют, хотя и не могут в большинстве случаев оценить качество и достоверность сведений, которыми снабжают их центральные и местные издания, а также электронные средства массовой информации. В 2003 г. 41% опрошенных затруднились с оценкой общей тональности информации СМИ о Китае, 22% признали её позитивной, 20% — беспристрастной и 15% — негативной. На общем фоне выделяются взгляды жителей Амурской области, где каждый третий респондент (35%) высказал суждение о негативной тональности средств массовой информации в отношении Китая.

Между тем для любого специалиста очевидно, что настрой подавляющего числа дальневосточных изданий в отношении Китая долгое время являлся преимущественно негативным, а временами даже агрессивно-отрицательным³². Количество публикаций, нёсших отрицательный заряд и переполненных негативными эмоциями в адрес КНР и китайцев, существенно превышало число тех, где давался беспристрастный взгляд на

эту страну. Объём знаний большинства авторов репортажей, заметок, статей о Китае ничтожно мал, что находило выражение в фактических ошибках, неверных суждениях, нелепых выводах и заключениях. Поводами к появлению публикаций служили события преимущественно отрицательного свойства (как-то: китайское браконьерство, нелегальная миграция, спор за острова на Амуре и прочие), в то время как другие сюжеты появлялись исключительно к юбилейным датам (например, дню образования КНР), официальным визитам и международным встречам. Склонность современной журналистики к дешёвым сенсациям, «горячим» темам и будоражающим массовое сознание фактам диктовала общую негативную тональность дальневосточных прессы, телевидения и радио в отношении Китая.

Не добавляли симпатий к Китаю и большинство центральных СМИ. Достаточно упомянуть популярную «Комсомолку» с растянутым на четыре номера пафосно-юродствующим опусом Н. Варсегова «Заселят ли Сибирь и Дальний Восток китайцы?»³³ Хотя следует признать, что тон центральных СМИ в отношении Китая, особенно в начале нового века, был заметно более ровным³⁴.

Интонация прессы изменилась лишь в 2006 г. в связи с проведением Года России в Китае, особенно в 2007-м, когда, уже в России, проводился Год Китая. Однако накопленный отрицательный багаж давил на сознание россиян мощным прессом. И этот груз обрёл не только виртуальное, но и реальное воплощение в том стукте негативной энергии, которую выплёскивали пользователи Интернета. Запрос по ссылке «китайская угроза», сделанный в феврале 2009 г., выдал 26 тыс. страниц упоминаний этого словосочетания в поисковой системе «Яндекс» и 9,5 тыс. — в «Google». «Китайская экспансия» упомянута в них 19 тыс. и 6,5 тыс. раз соответственно. Большинство обывателей серьёзные научные журналы, где развенчиваются мифы о «китайской экспансии», не читает. Но многие с удовольствием смакуют и комментируют интернетовские страшилки активнейшего А. Храмчихина или Я. Грекова³⁵.

Всё это означает, что настроения дальневосточников в отношении тех или иных стран мира в немалой степени зави-

сят от того, что вчера или сегодня пишет об этих странах и их жителях пресса и показывает телевидение. Серия положительных познавательных передач может быстро поднять рейтинг страны, так же как несколько «разоблачающих публикаций» в прессе опустить его до неожиданно низкого уровня. Поэтому в ответах на регулярно задаваемые вопросы могут неожиданно проявляться перепады настроения респондентов, которые порой можно объяснить только на основе внимательного анализа содержания публикаций печатных и электронных СМИ.

Результаты наших опросов также показывают, что лишь третья часть жителей российско-китайского приграничья удовлетворена тем объёмом знаний о странах-соседях, что они имели. Желание узнать больше проявляют многие. Хотя для большинства это знание имеет не прикладной, а развлекательный характер. Типичное для Европы и европейцев восприятие азиатских государств как чего-то диковинного, необычного рождает у россиян тягу к узнаванию в первую очередь их культуры и истории, где и скрывается эта экзотика. Наибольший интерес по традиции вызывает Япония.

В 2003 г. две трети опрошенных жителей юга Дальнего Востока сообщили, что хотели бы иметь больше информации о Китае. В первую очередь интерес тогда вызывали культура Китая (35% опрошенных), его история (29%), экономика (26%), наука и образование (19%). Интерес к китайской политике выражали только 13%, а к вооружённым силам КНР — 10% населения. Каждый четвёртый респондент хотел бы изучать китайский язык. При этом наибольший интерес к языку соседей был проявлен в пос. Пограничный (половина опрошенных), наименьший — во Владивостоке (16%).

Результаты опроса 2008 г. подтвердили, что порядок ступенек в «лестнице интереса» к каждой из стран совпадает: культура, история, экономика, политика, армия, наука — разве что наука и образование Японии интересуют респондентов больше, чем её вооружённые силы и политика (рис. 7). В этом кроется острота проблемы культурно-цивилизационного восприятия и взаимодействия россиян с народами конфуцианского мира.

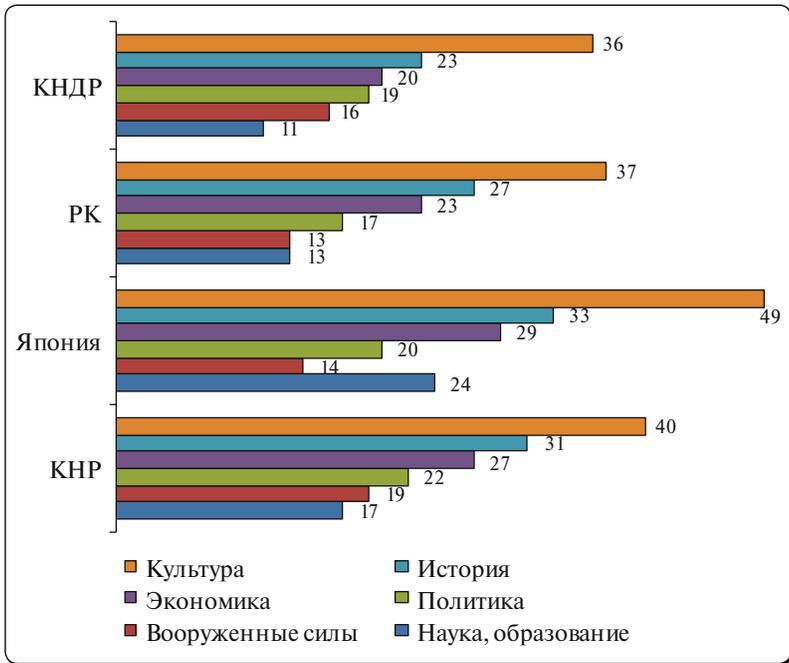

Рис. 7. Степень интереса дальневосточников к различным сторонам жизни стран США (юг Дальнего Востока, 2008 г., % от числа опрошенных)

ФОРПОСТ ЕВРОПЫ В КОНФУЦИАНСКОЙ АЗИИ: КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ КОНТУРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Образ Восточной Азии в общественном сознании россиян — продукт не только их европоцентричного воспитания, но и длительного периода отгороженности России от внешнего мира, усугублённой в большей части враждебными (или подозрительными) отношениями со своими восточноазиатскими соседями. Население Тихоокеанской России, преимущественно славянское и имеющее исторические корни в европейской части страны, в значительной степени разде-

ляет эти взгляды. В его менталитете расовое и культурное самосознание доминирует над географической и территориальной самоидентификацией. Дальневосточники осознают себя частью России, носителями европейской культуры, принёсшей «блага цивилизации» проживающим на Дальнем Востоке аборигенным народам.

Являясь колыбелью одного из древнейших и наиболее стабильных центров человеческой цивилизации, Восточная Азия тем не менее вплоть до середины XIX в. не входила в число эпицентров мировой (в понимании европейцев) политики, и лишь в редких случаях происходившие здесь события привлекали к себе внимание остального мира. Только полтора столетия назад возник новый геополитический центр мира — восточноазиатский, куда сместились интересы «великих держав» того времени, прежде всего Англии и России. Однако и после этого и для Европы, и для России регион оставался периферийным, а интерес к нему — второстепенным, чаще всего не выходящим за рамки праздного любопытства. И сегодня отголоски концепции «экзотизма», популярной в Европе в XVII — первой половине XIX в., оказывают влияние не только на рядовых жителей России, но и на научную, образовательную среду (в частности, на российскую научную школу и систему образования), которые формируют представления населения о Восточной Азии. «Экзотизм» означал и означает восприятие Восточной Азии как чего-то особого, глубоко чуждого всему европейскому, но именно этой чуждостью, таинственностью и даже непонятностью манящего к себе и обывателей, и учёных, и политиков, и журналистов.

Окружающий азиатский мир традиционно воспринимался не только как культурно иной, но и как политически враждебный и опасный, угрожающий интересам России и россиян в регионе. Большой частью именно из-за этого отношение России (считавшей себя европейским государством) к своим дальневосточным территориям всегда было сугубо потребительским, колониальным. А зарубежных соседей на Востоке дальнем в центре всегда воспринимали с позиции европейцев. Их изучали, но отстранённо. И лишь вынужденное

взаимодействие с ними на берегах и водах Тихого океана заставляло относиться к ним как к явлению, оказывающему влияние на собственную историю и собственную судьбу.

История тесного взаимодействия славянской и восточноазиатской культур охватывает всего лишь полтора столетия (с середины XIX в.). Первоначально (до середины 30-х гг. XX в.) весь регион был открыт для широких межэтнических и межцивилизационных контактов. Зоной наиболее тесного взаимодействия стали Северо-Восточный Китай и российский Дальний Восток. Именно тогда обнаружилась очень слабая адаптивность народов региона друг к другу. Китайцы, «с которыми мы живём на протяжении многих тысяч вёрст... чужды и непонятны от начала и до конца, — писал в начале XX в. Ю. Лигин. — Их мысли и их настроения, их учреждения и их привычки, — всё это тёмная, недоступная тайна... Население левого берега Амура, кажется, сегодня так же мало понимает обитателей правого, как и полвека назад, когда Муравьёв привёл к океану своих первых колонистов... Полвека мы живём рядом с ними и всё же не знаем их. И это тем более странно, что мы живём не только в близком соседстве, но и в постоянном соприкосновении с китайцами...»³⁶

В 40—80-е гг. XX в. контакты между двумя цивилизациями происходили преимущественно по линии межгосударственных связей и регулировались политическими и идеологическими мотивами. С начала 1990-х вновь появились возможности для прямого межкультурного обмена, однако стереотипы предшествующего периода конфронтации, накладываясь на объективно существующие этнокультурные отличия между народами, оказывают сильное влияние на всех его участников.

Одна из главных причин многих проблем, которые возникают у России и её дальневосточных территорий во взаимодействии с азиатским миром, — трудности взаимовосприятия и взаимоадаптации. В их основе нередко лежат невежество, нежелание учиться, неумение и неготовность учитывать образ мышления и манеру поведения своих азиатских партнёров и приспособляться к ним. «Жители Дальнего Востока России имеют очень ограниченные знания об истории, культу-

ре и современном положении Китая, — констатировали в конце 90-х гг. XX в. китайские учёные. — А ограниченные знания не могут создать отношения взаимного доверия, [они] формируют почву для подозрений и отчуждённости...»³⁷ Неудивительно, что первые робкие шаги приграничного взаимодействия с Китаем на рубеже 80—90-х гг. XX в. нагнали такую волну китаебоязни, какой не было даже во времена острой конфронтации 1970-х годов.

Как заметил известный японский политолог Тага Хидэто-си, общим чувством, которое проявляют по отношению друг к другу народы, проживающие вокруг Японского моря, является безразличие. А самым серьёзным результатом этого полувекowego безразличия между россиянами и японцами стали очень неустойчивые, легко рвущиеся связи как на официальном, так и на частном уровнях. «Мы не можем должным образом понять манеры поведения, образ действия, характер мышления друг друга, не говоря уже о различии экономических систем. И что мы можем сегодня наблюдать, так это огромное замешательство обеих сторон, когда они контактируют друг с другом или же получают возможность изучать друг друга»³⁸.

Однако изучение друг друга по-прежнему основано большей частью на противопоставлении «своих» и «чужих», чем на поиске общего. В полной мере это относится и к истории региона. Типичным и устоявшимся подходом российских (как и большинства европейских) историков, не являющихся профессиональными востоковедами, к истории Восточной Азии является подход с позиций европоцентризма как к периферийному району мира, обладающему своей спецификой, древней и интересной культурой, но всё же второстепенному по значимости после европейской цивилизации. В школах и вузах СССР и России в курсах мировой и отечественной истории, которые создавались для всей страны без учёта региональной специфики, российской составляющей Восточной Азии, в частности, отводилось мизерное количество времени. Так что неудивительно, что жители Дальнего Востока России знают об истории и культуре Восточной Азии не больше, чем жители средней полосы или Урала.

Даже концепции русского евразийства сложились в основном на идеях владения «татарской Сибирью» и Средней Азией, но не Дальним Востоком, поскольку проживавшие там народы как серьёзный фактор, способный повлиять на будущность России, не воспринимались.

Осознание дальневосточниками культурных различий имело место, но преимущественно на подсознательном уровне. Летом 2003 г. в Приморском крае респонденты расположили главные трудности при ведении дел или общении с иностранцами в следующем порядке: 39% — языковые, 18 — финансовые, 16 — разница в мышлении, 15 — таможенные, 14 — пограничный контроль, 12 — визовые формальности, 8 — различия в деловой культуре, 5% — правовые. 10% опрошенных заявили, что у них трудностей не возникало.

* * *

За два десятилетия Россия пережила очень многое и изменилась кардинально. Другими стали условия жизни россиян, в том числе осевших на восточной окраине страны. Возникли иные проблемы, но появились и новые возможности. Закрытый прежде для большинства из них «внешний мир» не только стал открытым, осязаемым — он ворвался в их собственную жизнь, изменив привычный образ мыслей, шаблоны восприятия и поведения, алгоритм поступков.

Общественное сознание значительно более консервативно, чем экономика, политика и даже культура. Оно инерционно и болезненно воспринимает перемены. Удары, которые наносили по этому сознанию быстро менявшиеся условия бытия, для некоторых были смертельными. Сознание упиралось, сопротивлялось, но всё же вынуждено было приспособливаться к новым условиям жизни.

Представления о внешнем мире также не могли не меняться. Публикации СМИ, заявления политиков, позиции учёных, личный опыт международного общения в своей совокупности создавали общественное мнение о странах и народах ми-

ра, главенствующее место среди которых занимали соседи — Китай, Япония, Южная Корея. Эти представления не могли не влиять на формирование государственной и региональной политики в отношении этих и других государств мира, на ход и характер развития межгосударственных, региональных и приграничных связей с ними. Фактически именно влиянию этих неустойчивых, не всегда адекватных, идеологизированных и крайне эмоциональных настроений приграничные связи России с соседними государствами Восточной Азии были обусловлены высокой степенью стихийности, неуравновешенности и нестабильности. Эмоции и предубеждения доминировали там, где необходимы знания, трезвый рассудок, прагматический подход и реалистичные решения.

-
- ¹ Например, в Амурской области количество участников внешнеэкономической деятельности возросло с 4 (1988 г.) до 475 (1992 г.).
  - ² Владивосток. 1996. 27 июля.
  - ³ В январе 1996 г. потребность Дальневосточного военного округа в средствах на продовольственные нужды покрывалась лишь на 20%. Личный состав внутренних войск получал 1/3 нормы питания. Задолженность государства Дальневосточному пограничному округу составляла 16 млрд. руб. Армия не могла расплачиваться за электроэнергию, тепло, коммунальные услуги. Проведя проверку фактического финансирования ДВО в 1995 — первом квартале 1996 г., Счётная палата РФ сделала вывод о том, что «отсутствие своевременного и полного финансирования привело армию и погранвойска к критическому финансовому и материально-техническому состоянию» (Известия—Дальний Восток. 1996. 20 июля).
  - ⁴ Ишаев В.И. Социально-экономическая стратегия развития Дальнего Востока и Забайкалья // Третий дальневосточный международный экономический форум. Хабаровск: Правительство Хабар. края, 2008. Т. 2. С. 37.
  - ⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991—2000. Хрестоматия в четырёх томах. Т. 4. Документы. М.: РОССПЭН, 2002. С. 112—113.
  - ⁶ Дополнительное соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной

- границе на её восточной части было подписано в г. Пекине 14 октября 2004 г., ратифицировано сторонами в мае 2005 г. Обмен ратификационными грамотами состоялся во Владивостоке 1 июня 2005 г.
- ⁷ Подробнее см.: Ларин В.Л. Тихоокеанская политика России в начале XXI века // Свободная мысль. 2007. № 2. С. 142—154.
- ⁸ Решение VI Съезда Всероссийской политической партии «Единая Россия» «Через развитие Сибири и Дальнего Востока — к модернизации страны. Задачи Партии «Единая Россия». Красноярск. 26 ноября 2005 года. <http://www.edinros.ru/news.html?id=110034>.
- ⁹ http://www.kremlin.ru/appears/2006/12/20/1548_type63374type63378t_yre82634_115650.shtml. Основными источниками угроз участники заседания называли депопуляцию региона, происходящую на фоне «выдавливания россиян из приграничья, пропаганды вхождения Сахалина и Курил в состав Японии, хищнического лова краба и его «беспошлинной» отгрузки за кордон; иностранных грантов, позволяющих эксплуатировать нашу науку», а также разрыва хозяйственных связей с другими регионами России и растущей экономической зависимости от соседей.
- ¹⁰ См.: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml#>.
- ¹¹ Распоряжение Правительства РФ от 6 августа 2008 г. № 1128-р. <http://www.government.ru/content/governmentactivity/rfgovernmentdecisions/archive/2008/08/06/3507349.htm>.
- ¹² Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. <http://government.ru/gov/results/9049>. С. 5.
- ¹³ Например, председатель Госдумы РФ Б. Грызлов заявил о «переломе в отношении общества к Востоку страны», который, по его мнению, нашёл отражение и в бюджете, и в деятельности всех министерств и ведомств (Грызлов Б.В. Приоритетные задачи развития Дальнего Востока России // Третий Дальневосточный международный экономический форум: в 7 т. Т. 1. Материалы пленарных заседаний и рекомендации круглых столов. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2008. С. 9).
- ¹⁴ Николаева Т. Вместо «японок» оседлаем «приморцев» // Владивосток. 2009. 16 окт.
- ¹⁵ Приморский край. Социально-экономические показатели: стат. ежегодник. Владивосток: Приморскстат, 2010. С. 71.
- ¹⁶ Стенографический отчёт о совещании по социально-экономическому развитию Дальнего Востока и сотрудничеству со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Хабаровск, 2010. 2 июля. <http://www.kremlin.ru/transcripts/8234>.
- ¹⁷ Расчёты сделаны на основе статистических данных, собранных в Monthly Bulletin on Trade with Russia & East Europe. 2000, July. P.120—143.

- ¹⁸ Дальний Восток России: экономическое обозрение. Хабаровск: РИОТИП, 1995. С. 442—447.
- ¹⁹ Существуют разные оценки объёмов этой торговли. По утверждению исполнительного директора межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия «Дальний Восток и Забайкалье» К. М. Евтушенко, ежегодно с Дальнего Востока и Забайкалья вывозилось в Китай от 5 до 10 млрд. долл. (ИТАРТ—ТАСС 12.07.2000; Компас. № 28. С. 43, 44), в то время как В. Гельбрас оценивал объём всей неорганизованной торговли между Россией и КНР в 2—3 млрд. долл. (Гельбрас В. Г. Китайская реальность России. М.: Муравей, 2001. С. 290). В то же время по китайским данным, объём торговли провинции Хэйлунцзян с Россией по линии так называемой народной (т.е. челночной) торговли в 1998 г. составил 502,59 млн. долл. (Хэйлунцзян няньцзянь = Статистический ежегодник провинции Хэйлунцзян. 1999. Харбин: Хэйлунцзян няньцзяньшэ, 2000. С. 296).
- ²⁰ По оценкам специалистов, в 1998—2002 гг. до 75% всего российского рыбного экспорта в Японию (на сумму 700—900 млн. долл. в год) составляла контрабанда (см.: Каравайнов А. Проблема браконьерства в развитии рыбной отрасли Дальневосточного федерального округа // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 6. С. 70, 71).
- ²¹ Итоги внешнеэкономической деятельности территорий Дальнего Востока и Забайкалья в 2006 году. http://www.assoc.fareast.ru/fe.nsf/pages, где, год/fecon_ftrade2006.htm.
- ²² Обзор внешнеэкономической деятельности дальневосточного региона за I полугодие 2008 г. // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2008. № 3. С. 15.
- ²³ Буянов Е. В. Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 1980-х — 1990-е гг.). Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2001. С. 106.
- ²⁴ Прогремевший на всю Россию политический конфликт в Приморье развернулся вокруг должности главы администрации Владивостока. С подачи краевой администрации 15 марта 1994 г. главе администрации В. Черепкову было предъявлено обвинение в неоднократном получении взяток. 16 марта возбуждено уголовное дело, а после этого Черепков вместе с другими сотрудниками мэрии был выброшен из здания сотрудниками ОМОН. В. Черепков был обвинён в неисполнении своих обязанностей и в декабре 1994 г. отстранён от должности Президентом России. Однако В. Черепков обжаловал это решение в суде. Генпрокуратура установила, что оба мнимых взяткодателя оказались сотрудниками органов внутренних дел, а замысел опорочить Черепкова был разработан при участии краевого УВД. 28 ноября 1995 г. уголовное дело в отношении В. Черепкова

- было прекращено, а ряд сотрудников милиции и краевой прокуратуры привлечён к дисциплинарной и уголовной ответственности.
- ²⁵ Kirkov P. *Russia's Provinces. Authoritarian Transformation versus Local Autonomy?* L.: Macmillan Press Ltd., 1998. P. 140.
- ²⁶ http://www.cikrf.ru/arhivfci/25/25_2221101_191299p.htm.
- ²⁷ Забияко А.П. Этническое сознание как субъективный фактор взаимоотношений России и Китая: теоретические и прикладные аспекты // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2002. Вып. 3. С. 424.
- ²⁸ Кубарский Д.В. Психологические особенности восприятия китайских мигрантов русским населением Хабаровска // Пространственная экономика. 2005. № 2. С. 118.
- ²⁹ Через погранпереходы Приморского края в Китай съездили в 2001 г. 433 тыс. российских туристов, в 2003 г. — 420 тыс., а в 2006 г. — уже 769 тыс. Ещё 185 тыс. россиян въехали в 2006 г. в КНР через погранпереходы Читинской области. В том же году в Китае побывали 20,5 тыс. жителей Еврейской автономной области и почти 150 тыс. — Хабаровского края. По китайской статистике, только провинцию Хэйлунцзян посетили в 2003 г. 462 тыс., а в 2005 г. — 648 тыс. туристов из России (Хэйлунцзян тунци няньцзянь = Статистический ежегодник провинции Хэйлунцзян, 2006. Пекин: Чжунго тунци чубаньшэ, 2006. С. 413), среди которых абсолютно преобладали жители Дальнего Востока. Конечно, немало тех, кто занимается «челночным бизнесом» и ездит многократно. По разным оценкам, таких «туристов» насчитывалось от 30 до 60% от их общего числа. Эта статистика не учитывает десятки тысяч поездок по служебным делам (предприниматели, водители, экспедиторы, студенты, чиновники и пр.).
- ³⁰ Survey in the Russian Federation of the Public Opinion on Japan. <http://www.mofa.go.jp/region/europe/russia/survey/2005.html>
- ³¹ Иностраннные языки и поездки за границу. Опрос «Фомнибус» 12—13 февраля 2011 г. 43 субъекта РФ. 100 населённых пунктов. 1500 респондентов. <http://bd.fom.ru/pdf/d09ijpzgl1.pdf>.
- ³² Для подтверждения достаточно привести заголовки из местных изданий, посвящённых китайской проблеме: «Шёлковый захват» (Утро России. 2002. 18 июня); «Фанза ядовитого Хунхуза» (Владивосток. 2003, 29 янв.), «Китайское мясо нам противопоказано ветеринарами» (Комсомольская правда во Владивостоке. 2002. 12 марта), «Китайцы стёрли Владивосток с лица земли» (Владивосток. 2007. 9 окт.).
- ³³ Комсомольская правда. 2003. 11—15 нояб.
- ³⁴ Как показал анализ центральной прессы за 2005 г., проделанный А.Г. Лариным, в течение года в ней было опубликовано 12 материалов о Китае негативного характера, в том числе 8 — о «китайской

угрозе» (Ларин А.Г. Российско-китайские отношения и китайские мигранты в оценке россиян // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5. С. 119). В принципе, действительно немного. Но учтём, что зёрна падают на благодатную почву, пропитанную страхом перед Китаем. А центральной прессе по-прежнему верят и много больше, чем местной.

³⁵ Например, по утверждению А. Храмчихина, который, возглавляя аналитический отдел Института политического и военного анализа, воспринимается как «авторитетный учёный»; после присоединения Тайваня к Китаю в 2010 г. «начнётся генеральная экспансия в отношении России и Казахстана» (<http://www.apn.kz/opinions/article634.htm>), а Я. Греков вообще заявил, что «Китай нападёт на Россию через 5 лет» (http://russ.ru/politics/lyudi/kitaj_napadet_na_rossiyu_cherez_5_let).

³⁶ Лигин Ю. На Дальнем Востоке. М., 1913. С. 99—102.

³⁷ Чжунъэ цзинмао гуаньси = Китайско-российские торгово-экономические связи. Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 1999. С. 242.

³⁸ Taga Hidetoshi. Cooperation in Japan Sea Rim Region — Recent Move and Basic Information // Kan Nihonkai-no genje to henka-no nihon ninshiki. Niigata, 1993. P. 32.

РОССИЯ НА БЕРЕГАХ ТИХОГО ОКЕАНА: ПРОБЛЕМЫ ПРИСУТСТВИЯ И УЧАСТИЯ

Начиная разговор о российском присутствии в Восточной Азии и на Тихом океане, нелишне напомнить, что этому присутствию уже более трёх с половиной веков. Выход отряда русских первопроходцев под командованием томского казака Ивана Москвитина на побережье Охотского моря летом 1639 г. и основание ими в устье реки Ульи «ясадного» зимовья положили начало долгому и трудному пути освоения Россией восточного побережья Евразийского континента и одновременно — не менее сложному процессу утверждения России как азиатской и тихоокеанской державы, процессу, который и сегодня далёк от завершения.

За прошедшие со времени тех событий 370 лет Тихоокеанское побережье так и не стало ни для российских столиц Москвы и Санкт-Петербурга, ни для большей части россиян, ни даже для значительной части нынешних его обитателей подлинно своим. Расстояние, климат и чуждое культурное окружение — три непреодолимых барьера, которые определили российское восприятие этой территории как цивилизационного (а в советское время и идеологического) фронта между Западом и Востоком и плацдарма для дальнейшей экспансии России в Азию.

Сегодня, когда слово «экспансия» заменяется более политкорректным термином «интеграция», когда неизмеримо возросло политическое и экономическое значение пространства, именуемого Азиатско-Тихоокеанским регионом, а российская власть объявила одной из важнейших своих задач продвижение в это пространство, когда восточные районы России уже стихийно стали объектом интеграционных усилий извне, прежде всего со стороны динамичного и всеядного Китая, пробле-

ма самоидентификации дальневосточников, восприятия ими политического и цивилизационного окружения, понимания и оценки азиатской политики Москвы, видения ими будущего российских владений в Азии и своего там присутствия становится проблемой обеспечения национальных интересов и национальной безопасности России.

В рамках проведённого нами исследования тема российского присутствия и участия в Восточной Азии и АТР раскрывается через ответы респондентов на тему восприятия ими России как тихоокеанской державы, политики Москвы в отношении Дальнего Востока, двусторонних отношений России со странами региона, угроз её безопасности, готовности самих дальневосточников участвовать в реализации этой политики и развитии этих отношений.

РОССИЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

«Считаете ли Вы Россию азиатско-тихоокеанской державой?» — таким вопросом открывалась анкета 2010 г. Используя понятие «державы», которое — применительно к России — нередко вызывает негативные эмоции у западных читателей, напоминая им об амбициях и политике СССР, мы ориентировались на привычное восприятие этого термина россиянами, для которых держава — «большая и мощная страна»¹, коей Россия, безусловно, является. Что же касается Азиатско-Тихоокеанского региона, то для подавляющего большинства дальневосточников важны не условные географические границы этого достаточно аморфного феномена современной действительности, а факт признания или непризнания России частью экономического и культурного пространства, жизнь которого определяется интересами и политикой таких мировых гигантов, как США, КНР и Япония.

Чуть более половины опрошенных дальневосточников (51%) дали положительный ответ на поставленный вопрос: они признали Россию тихоокеанской державой, каждый третий

респондент (33%) ответил отрицательно. Ещё 15% признались в своём затруднении выбрать однозначный ответ. Более всего уверены в тихоокеанском статусе России жители Сахалина (69% опрошенных), менее всего — приморцы и магаданцы. В Хабаровске, где выборка респондентов была столь же представительна, как и во Владивостоке, «оптимистов» оказалось на 14% больше, а «пессимистов» на 12% меньше, чем в столице Приморья (табл. 1).

Таблица 1

**Признание за Россией статуса тихоокеанской державы
(2010 г., по территориям, % от числа опрошенных)**

Территория (чел., = 100%)	Да	Нет	Разница между «да» и «нет»	Затруднились с ответом
Дальний Восток (829)	51	33	+18	15
Приморский край (364), в том числе:	44	38	+6	18
Владивосток (228)	45	39	+6	16
Усурийск (88)	40	38	+2	22
Магадан (74)	52	44	+8	4
Хабаровск (176)	59	27	+22	14
Биробиджан (63)	49	32	+17	19
Сахалин (88)	69	26	+43	2

Уже в ответе на первый вопрос проявились (а впоследствии не раз подтверждались реакцией респондентов на постановку других проблем) особенности взглядов и представлений различных групп населения. Среди таких особенностей — радикализм и «опережающий уровень оптимизма» самых молодых респондентов (среди тех, кому меньше 20 лет, считают Россию тихоокеанской державой 62%, не считают — 21%), высокий уровень сомнений лиц со средним образованием (почти треть опрошенных из этой группы — 31% — воздержались от ответа на первый вопрос), скептицизм тех, кто обозначил себя в анкетах как «руководители» и «заместители руководителей» (41% из них не считают Россию тихоокеанской державой).

Географическое положение России является для дальневосточников главным основанием называть её азиатско-тихоокеанской державой (рис. 1): 48% опрошенных выбрали этот ответ. Два следующих фактора (*экономическое присутствие* и *политическое влияние России* в регионе) равнозначны, поскольку находятся в пределах допустимой погрешности (2%). Каждый пятый респондент (21% опрошенных) по-прежнему уповает на военную силу как главный аргумент России в мире. Лишь 6% считают важнейшей общность российской культуры с культурами стран АТР.

Специальный анализ взглядов респондентов из выделенной нами группы оптимистов (тех, кто считает возможным называть Россию азиатско-тихоокеанской державой — таких

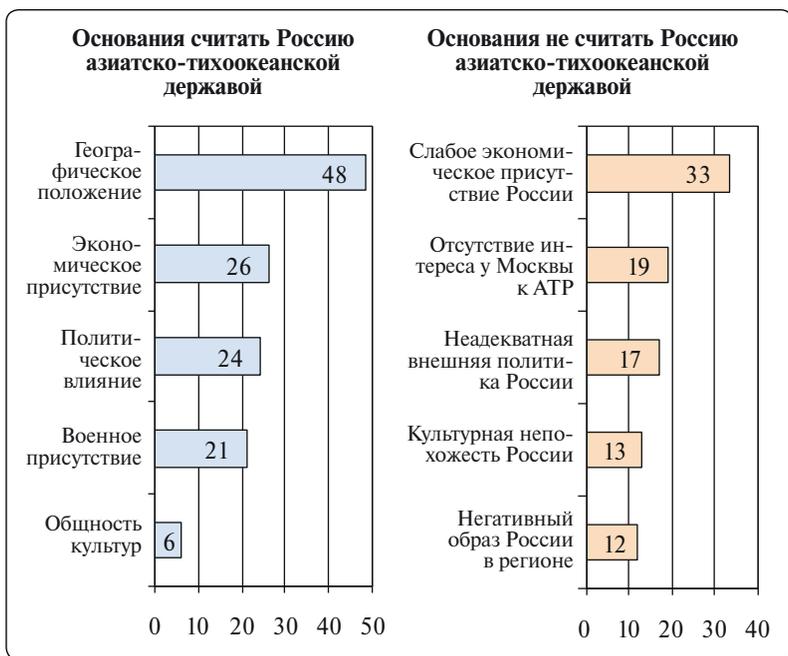

Рис. 1. Основания считать или не считать Россию азиатско-тихоокеанской державой (2010 г., Дальний Восток, до 3 ответов на каждый вопрос, % от числа опрошенных)

обнаружилось 51% от общего числа опрошенных, или 423 чел.) даёт следующие результаты: для 90% состава этой группы основным является *географическое положение России*, для 46% — её *экономическое присутствие в регионе*, 43% — *политическое влияние* и 40% — *военное присутствие*.

Для тех, кто не воспринимает Россию как азиатско-тихоокеанскую державу, самым важным критерием является негативная оценка внешней политики государства. В совокупности на этот фактор указали 36% респондентов: для 19% главным является *«отсутствие интереса к АТР со стороны российского руководства»*, ещё 17% не считают Россию тихоокеанской державой по причине *«неадекватной (или неправильной) внешней политики России»*. Критичнее всего эта политика оценивается в Приморском крае (23%) и во Владивостоке (21%), в то время как в Хабаровске недовольных российской внешней политикой обнаружилось 13%, в Магадане — 10%, а в Биробиджане — только 3% от общего числа опрошенных по территориям.

На втором месте среди причин не считать Россию тихоокеанской державой стоит оценка степени экономического присутствия России в регионе. Но в отличие от оптимистов скептики убеждены в слабом экономическом влиянии России в АТР. Столь противоречивые оценки уровня экономического присутствия России в АТР подтверждают гипотезу о слабой информированности и невнятных представлениях о состоянии экономического взаимодействия России со странами региона, характерных для большей части жителей Дальнего Востока.

Специальный анализ взглядов выделенной группы респондентов Дальнего Востока, не считающих возможным называть Россию азиатско-тихоокеанской державой (33% от общего числа опрошенных, или 281 чел.), показывает, что для 77% из них главным критерием для обоснования избранного решения является *слабость экономического присутствия России в регионе*. Второй по важности критерий — оценка качества российской политики (42% указали на *«неадекватную внешнюю политику России»* и 41% — на *«отсутствие интереса к АТР со стороны российского руководства»*). Третий по важности фактор — *«культурная непохожесть России»* — 34% респондентов этой группы.

Итак, для большинства дальневосточников Россия уже присутствует в Азии и на Тихом океане. Хотя политика Москвы, с точки зрения многих, пока далека от идеала. Что же ещё угрожает интересам и безопасности России на Востоке? Угроз, как оказывается, немало.

УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ИНТЕРЕСАМ РОССИИ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

«Наше Тихоокеанское побережье, — более 100 лет назад писал русский писатель и публицист А. Максимов, — принадлежит к наиболее важным владениям империи, и притом к наиболее уязвимым и угрожаемым со стороны наших врагов как явных, так и тайных»². С тех пор сменявшие друг друга угрозы безопасности этих владений со стороны «японского милитаризма», «американского империализма», «китайского национализма и антисоветизма» сформировали устойчивое представление власти и населения страны о непрочности российских позиций на Тихом океане. Идея уязвимости дальневосточных территорий дамокловым мечом висела над правителями России и СССР, несколько раз за последние полтора столетия вынуждая их предпринимать серьёзные усилия для укрепления своих тихоокеанских границ и вкладывать немалые средства в развитие Дальнего Востока³.

Распад СССР и разрушение «железного занавеса», сближение с США и Южной Кореей, стремительный переход от конфронтации к «стратегическому партнёрству» с Китаем, казалось бы, должны были разрушить уже ставший привычным для дальневосточников фантом внешней угрозы. Однако, как оказалось, подобные стереотипы не только очень живучи, но и с успехом подпитываются новыми страхами и предубеждениями. И, как свидетельствуют результаты наших исследований за последние полтора десятилетия, главную опасность для России и её владений на Тихом океане представляют сегодня, по мнению большей части самих жителей этих владений, Китай и... сама Россия.

Ретроспектива

В октябре 1994 г., когда мы сделали первые замеры восприятия дальневосточниками угроз интересам России на Тихом океане, 62% опрошенных жителей юга Дальнего Востока полностью или частично выразили своё согласие с тезисом о наличии китайской экспансии на Дальнем Востоке, рассматривая это явление как реальную опасность для России. Прочно утвердившееся в сознании граждан СССР в 1970-е годы представление о территориальных притязаниях Китая в начале 1990-х плавно трансформировалось в идею реализации этих притязаний через постепенное заселение китайцами Сибири и Дальнего Востока.

В то же время сама «китайская угроза» воспринималась тогда достаточно абстрактно и не соотносилась в сознании дальневосточников с не менее популярной в середине 1990-х годов идеей интеграции России в Северо-Восточную Азию. По крайней мере среди препятствий на пути к этой интеграции интересы Китая, как полагали дальневосточники, оказались на последнем месте (табл. 2). И тогда же проявилось, что для двух третей и более респондентов (от 64% в 1994 г. до 73% в 1997 г.) не какая-то внешняя сила, а сама Россия, конкретнее — *«нестабильная политическая ситуация»* в стране — являлась главным препятствием для развития сотрудничества России с её соседями в Азии. Поскольку же главные надежды на быстрое развитие региона дальневосточники в те годы связывали с потенциальными (но так и не ставшими реальными) японскими инвестициями и технологиями, то отсутствие мирного договора между Россией и Японией воспринималось как второе главное препятствие и угроза экономическим интересам России.

Уровень восприятия жителями Дальнего Востока перечисленных в таблице препятствий (угроз) наглядно воспроизвёл тенденции внутренней жизни России, международной политики и двусторонних отношений России со странами региона. В нём нашли отражение и рост неудовлетворённости населения характером и деятельностью российской власти (п. 1),

Таблица 2

Препятствия экономическому развитию и сотрудничеству стран зоны Японского моря (число ответов не ограничено, % от числа опрошенных)

	Препятствия	Октябрь 1994 г.	Сентябрь 1995 г.	Июль — август 1997 г.
1	Нестабильная политическая ситуация в России	64	69	73
2	Отсутствие мирного договора между Россией и Японией	41	49	38
3	Возможность создания ядерного оружия в КНДР	37	33	27
4	Разделение Корейского полуострова на два государства	22	23	21
5	Присутствие войск США в Японии и Южной Корее	13	18	23
6	Наличие японо-американского договора безопасности	5	9	9
7	Отсутствие у Китая непосредственного выхода к Японскому морю	4	10	11

и весенне-летнее 1997 г. потепление в отношениях с Японией (п. 2), и падение престижа США (п. 3, 5), и последствия пропагандистского аккорда Е. Наздратенко о линии проведения границы между Россией и КНР в Хасанском районе (п. 7)⁴. Однако по степени важности эти препятствия выстраивались в 1994—1997 гг. практически одинаково. При этом пятая часть опрошенных (22%) в 1994 г. и 18% в 1995 г. уклонялась от ответов за абстрактным «*трудно сказать*».

В начале XXI в. выводы, касающиеся оценок дальневосточниками угроз и шансов Тихоокеанской России в Восточной Азии и АТР, мы делали преимущественно на основе ответов респондентов на два вопроса: «*Откуда исходят главные угрозы интересам России и её дальневосточным территориям?*» и «*С какими странами и территориями вашему краю/области следует развивать отношения в первую очередь?*»

Ведя исследование, мы также не удержались от соблазна проверить, существует ли образ «внешнего врага» как источника

внутренних проблем. В ходе опроса 2002 г. респондентам был задан вопрос о «виновных в наших бедах и неурядицах». При возможности выбрать не более пяти из предложенных 16 вариантов ответов 12% респондентов списали российские беды на происки «США и американского империализма». Практически столько же (10%) обвинили коммунистов в лице КПРФ, «приезжих из республик Кавказа» (11%), КПСС и «международный заговор против России» (по 13%). Ещё 4% сослались на «приезжих из Китая». Куда больше голосов набрали ответы «мы сами» (46%), Б. Ельцин (36%), М. Горбачёв (30%) и «мафия» (31%). Очевидно, что «внутренний враг» кажется россиянам куда страшнее внешнего. Сразу вспоминается известное высказывание Г. Явлинского, что 90% угроз безопасности России приростает из пределов Садового кольца.

В 2003 г., отвечая на вопрос о главных угрозах интересам России и её дальневосточных территорий, 46% респондентов выделили «экспансионистскую политику Китая». Далее угрозы распределились в следующем порядке: спор из-за Курильских островов с Японией (40%); стремление США к гегемонии (35%); неправильная политика Москвы (30%); конфликт на Корейском полуострове (12%). 9% посчитали, что угроз России в регионе не существует, а 8% признались, что не имеют на этот счёт никакого мнения.

Ранжирование восприятия угроз по их источникам на разных территориях Дальнего Востока представляется весьма любопытным (рис. 2).

В Приморском крае практически на одном уровне оказались угрозы со стороны КНР и Японии (по причине Курильской проблемы). Хабаровчане были более всего озабочены угрозой со стороны Китая (54%), тогда как «гегемонизм» США, курильская проблема и политика российского центра как угрозы интересам России были оценены практически равнозначно. Жители Амурской области ощущали себя в наибольшей безопасности: каждый пятый вообще заявил, что какие-либо угрозы отсутствуют. Для респондентов Биробиджана политика Пекина и Москвы выглядела одинаково опасной (по 48%).

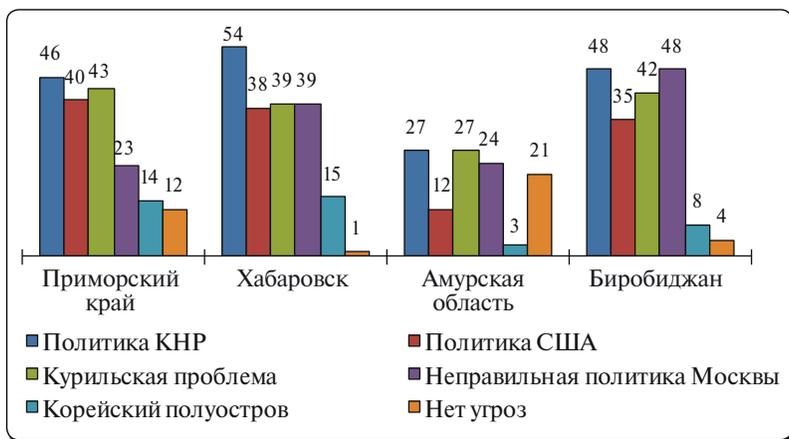

Рис. 2. Оценка угроз интересам России на Дальнем Востоке (2003 г., по территориям, число ответов не ограничено, % от числа опрошенных)

Удивило беспечное отношение дальневосточников к ситуации на Корейском полуострове. Объясняется это, с одной стороны, слабой информированностью населения о политике Пхеньяна, с другой — стереотипами мышления, в которых абстрактные «гегемония США» и «неправильная политика Москвы» выглядят страшнее, чем потенциальная война с непредсказуемыми последствиями в нескольких сотнях километров от российской границы.

Не удалось выявить какие-либо отличительные особенности и устойчивые тенденции в оценке угроз в зависимости от возраста и профессиональной принадлежности респондентов. Очевидно было одно: те, кому за 60, главную опасность видели в «агрессивности США» и претензиях Японии на Южно-Курильские острова. Для всех остальных угроза со стороны Китая стояла на первом месте.

В ходе опроса 2008 г., отвечая на аналогичный вопрос об угрозах интересам России на Тихом океане, 47% респондентов поставили «галочку» в графе «недостаточный учёт интересов дальневосточного региона центральными властями», что вывело неадекватную политику Москвы в регионе на первое

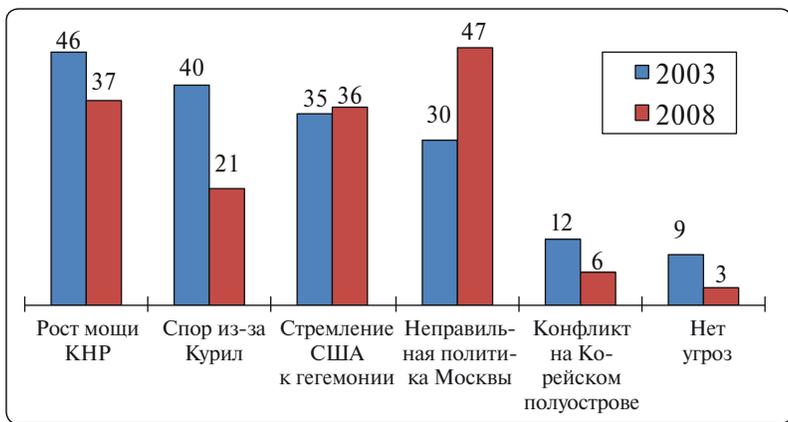

Рис. 3. Оценка угроз интересам России на Дальнем Востоке (2003, 2008 гг., число ответов не ограничено, % от числа опрошенных)

место среди всех реальных и мнимых угроз. На втором—третьем местах оказались «рост экономической и военной мощи КНР» и «стремление США к гегемонии» (рис. 3).

Впервые рокировка между традиционно первой «китайской угрозой» и «неправильной политикой Москвы» была отмечена летом 2006 г. в ходе опроса в Приморском крае. Тогда 33% молодых людей от 20 до 30 лет поставили этот фактор на первое место, отодвинув на второе «спор из-за Курильских островов с Японией». Политика КНР оказалась у них лишь на четвертой позиции, после «стремления США к гегемонии». В 2008 г. тенденция нашла своё продолжение. У 20-летних жителей юга Дальнего Востока на первом месте также оказался «недостаточный учёт интересов Дальнего Востока центральными властями» (45%), на втором — «рост экономической и военной мощи КНР» (42%), на третьем — «стремление США к гегемонии» (33%).

Похоже, что дальневосточники устали ждать пока российский центр повернётся лицом к Тихому океану. Более того, громко и ясно объявленные президентом планы по переустройству восточных районов России возымели, похоже, обратный эффект, усилив неверие населения в искренность намерений центральной власти. Опрос проводился весной—летом 2008 г., че-

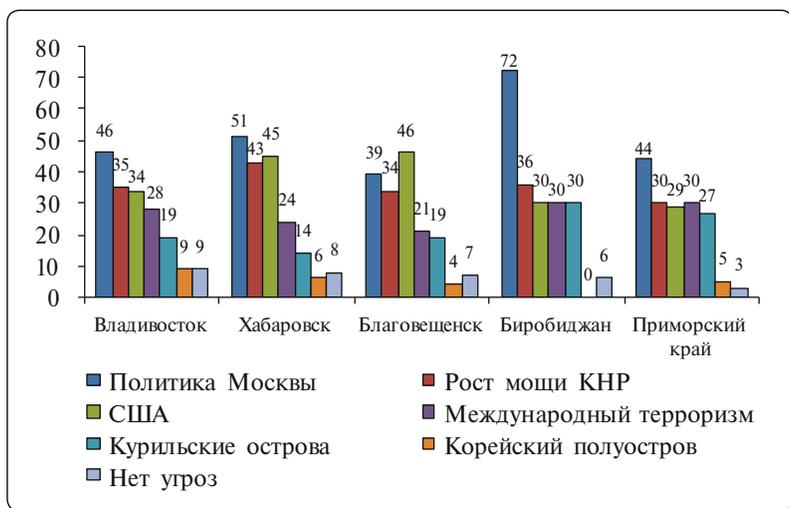

Рис. 4. Оценка источников угроз (2008 г., по территориям, число ответов не ограничено, % от числа опрошенных)

рез год после решений Совета безопасности (декабрь 2006 г.), серии заседаний правительства с дальневосточной повесткой дня и широко афишируемых поездок президента, премьера и ряда высокопоставленных чиновников в регион. В результате политика Кремля вышла на первое место в качестве «главной угрозы» на всех территориях, за исключением Благовещенска.

Более всего политикой Кремля были озабочены, как и в 2003 г., в г. Биробиджане, самом проблемном из региональных центров юга Дальнего Востока. Китай традиционно вызывал наибольшие опасения в Хабаровске, США — в том же Хабаровске и Благовещенске (рис. 4).

Ради справедливости отметим, что неудовлетворённость населения региона политикой центра — явление не новое. В первой половине 1990-х оно носило не менее ярко выраженный характер. По утверждению авторов аналитического обзора «Кому принадлежит власть в России?», отношение регионов к Москве в то время характеризовалось как «зависть, перешедшая в ненависть». По их сведениям, 49% опрошенного

в регионах населения винили Москву во всех пагубных явлениях российской жизни, 64% относились к ней негативно, а 60% видели реальные шаги управления только в руках местных администраций⁵. Барственно-чванливое (по определению главы администрации Хабаровского края В. Ишаева)⁶ отношение Москвы к нуждам провинции не добавляло столице авторитета. Неудивительно, что в те годы лишь 13% жителей Приморья считали возможным отдать право решения вопросов об участии края в международных экономических программах центра, считая его прерогативой местной власти и населения⁷.

Ненависть к Москве закреплялась популистскими действиями местных руководителей, в частности, главы администрации Приморского края Е. Наздратенко, чей имидж «державника» и патриота был создан на базе кампании против демаркации российско-китайской границы в варианте Соглашения о её восточном участке от 19 мая 1991 г. Как отмечал по этому поводу М. Райан, подоплёкой спора вокруг демаркации российско-китайской границы являлась «...незаконченная борьба за разделение политической и экономической власти между Москвой и местными властями. На карту были поставлены такие весомые вещи, как доходы от налоговых поступлений и направления экономической политики. Чтобы укрепить свои позиции в споре, местные чиновники сражались с центральным правительством по проблемам, имевшим высокое эмоциональное и символическое содержание: твёрдость в отстаивании национальных интересов; защита российской земли и патриотических участков; защита конституционных прав субъектов Российской Федерации участвовать в формировании политики...»⁸

Сформировавшееся к концу 1990-х разочарование местного населения в способности региональных властей вывести их территории из глубокого кризиса совпало с приходом к власти в Кремле молодого и энергичного В. Путина и вызвало повышение авторитета центра, что и было зафиксировано в ходе опроса 2003 г. Но через пять лет весы качнулись в обратную сторону — и уже до критической отметки восприятия политики Москвы как угрозы.

Современность

В последующие два года (2009—2010), несмотря на начало реализации масштабных экономических проектов на восточном побережье России и подчёркнутое внимание центральных властей к Дальнему Востоку, пессимистические настроения его жителей и низкий уровень доверия к власти сохранились. Более того, публичное признание властью угрозы потери Дальнего Востока, широко растиражированное СМИ, кажется, только укрепило уныние и растерянность его жителей.

Как показали результаты исследования 2010 г., более половины дальневосточников (57%) реально опасаются, что Россия может потерять Дальний Восток. Только четверть респондентов (25%) считают, что угрозы не существует. Затруднились с ответом 18% опрошенных (на 2% больше, чем тех, кто затруднился с определением принадлежности России к АТР). Причём стойкий пессимизм характерен для респондентов всех возрастов, за исключением самых молодых — лиц в возрасте до 20 лет (рис. 5), уровня образования и профессий. Согласных с существованием угрозы в 2,2—3 раза больше чем тех, кто считает, что угрозы не существует. О её наличии в одинаковой

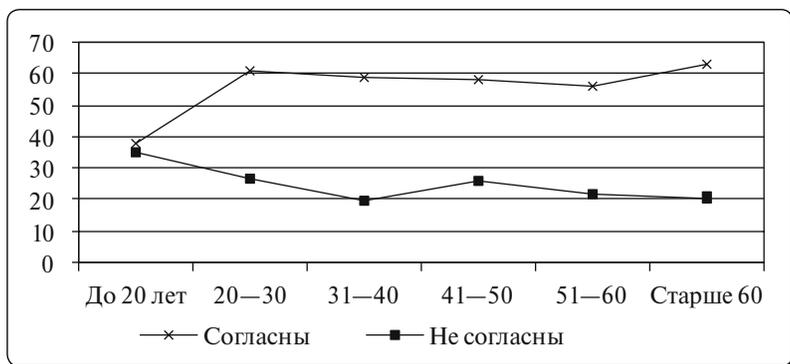

Рис. 5. Отношение дальневосточников к тезису о наличии угрозы потери Россией Дальнего Востока (2010 г., по возрасту респондентов, % от числа опрошенных по возрастным группам)

степени говорят в различных районах Тихоокеанской России: 63% респондентов в Биробиджане, 62 — в Магадане, 60 — в Хабаровске, 58 — во Владивостоке, 56% — в Уссурийске.

Наличие угрозы требует идентификации её источников. На заседании Совета безопасности РФ в декабре 2006 г., где впервые в этом столетии высшее руководство страны прямо заявило о возможности потери Дальнего Востока, Президент РФ В. Путин сделал акцент на внутренних факторах. По его утверждению, «убыль населения, глубокие диспропорции в структуре производства и внешнеэкономических связей» Дальнего Востока, его слабая привязанность к общероссийскому экономическому, информационному, транспортному пространству представляют собой «серьёзную угрозу для наших политических и экономических позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе, для национальной безопасности ... России в целом»⁹.

Нами были выделены и предложены респондентам семь угроз, способных привести к столь печальному для России результату. Три из них носят чисто внутренний (*ослабление экономических связей дальневосточных территорий с Сибирью и европейскими районами России, безразличие Москвы к интересам Дальнего Востока, сепаратистские настроения на Дальнем Востоке*), две — внешний (*процессы глобализации, политика пограничных с Россией государств*) и две — смешанный характер (*сокращение числа россиян и рост зарубежной миграции на ДВ, снижение уровня военного присутствия России в регионе*).

Полученные ответы (рис. 6) показывают, что представления жителей Дальнего Востока об угрозах целостности российской территории несколько отличаются от тех, которые обозначило руководство страны. У дальневосточников главные опасности потери Россией Дальнего Востока ассоциируются сегодня с тремя факторами:

- *изменение этнической структуры населения Дальнего Востока;*
- *политика соседних государств, нацеленная на отторжение этой территории от России;*
- *безразличное отношение Москвы к Дальнему Востоку.*

Рис. 6. Источники угроз для России потерять Дальний Восток (2010 г., Дальний Восток, до 3 ответов, % от числа опрошенных)

Анализ взглядов дальневосточников на угрозы территориальной целостности России ещё раз подтверждает, что центр преувеличивает опасность разрыва экономических связей Дальнего Востока с европейской частью страны и его сближения с соседними экономиками, видя в них предпосылку для политического дрейфа региона в Азию. В ещё большей степени он подтверждает непопулярность идей «дальневосточного сепаратизма», о котором периодически поговаривают московские политики.

Действительно, лозунги регионализма, создания Дальневосточной республики (или ещё более мелких республик, например, Приморской) были весьма популярны на Дальнем Востоке в начале 1990-х гг., но рассматривались они тогда преимущественно не через призму «республиканской независимости» — отделения от России и превращения в самостоятельных политических субъектов на карте Восточной Азии, а в плане обладания ими лишь большей экономической и политической самостоятельностью в составе Российского государства (что в то время с лихвой обеспечивалось статусом республики).

Регулярные замеры «градуса сепаратизма» в Приморском крае, которые делались нами в 1996—2002 гг., показывают, во-первых, поступательный рост числа респондентов, выступавших за сохранение статуса Приморского края (с 57% в 1996 до 71% в 2002 г.) и небольшое количество сторонников его отделения от России (рис. 7), во-вторых, снижение доли населения, ратовавшей за большую самостоятельность края не только в политике, но и в экономике (рис. 8).

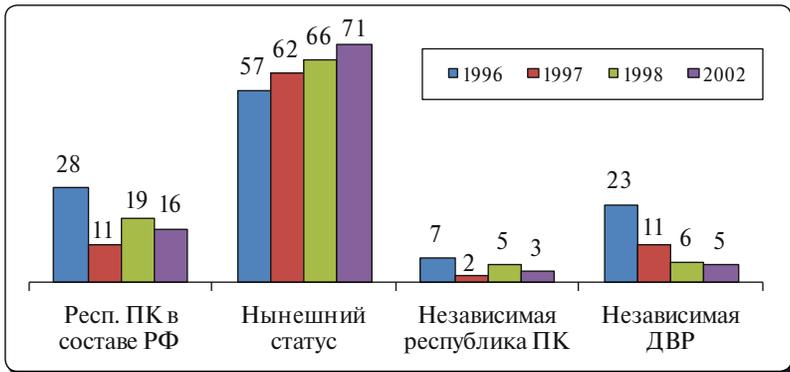

Рис. 7. Предпочитаемый статус Приморского края (ПК) в будущем (% от числа опрошенных)

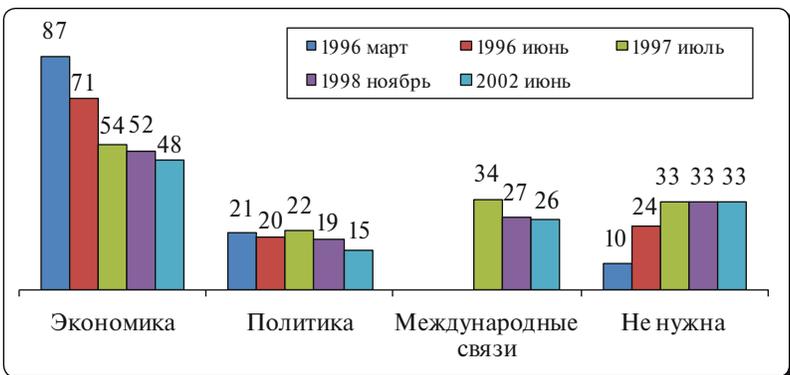

Рис. 8. Необходимость большей самостоятельности Приморья (% от числа опрошенных)

Любопытно, однако, что самыми большими радикалами, выступавшими за независимость Приморья, оказались в марте 1996 г. респонденты из законодательной и исполнительной власти края, а консерваторами — представители деловых кругов (рис. 9). Хотя экстремизм власти был временным и объяснялся, по-видимому, последствиями выборов в Думу РФ в декабре 1995 г. (где победили коммунисты) и неопределённостью с выборами президента страны, назначенными на июнь.

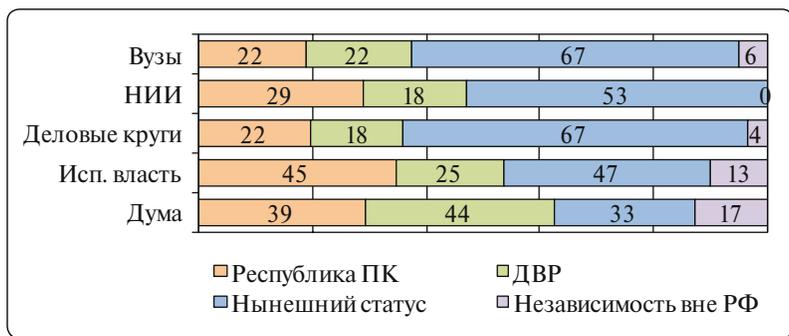

Рис. 9. Предпочитаемый статус Приморского края (ПК) в будущем (март 1996 г., по виду деятельности респондентов, % от числа опрошенных)

Идеи сепаратизма не пользовались спросом в городах Дальнего Востока и в более позднее время. В 2002 г. за неизменность статуса их края (области) в составе Российской Федерации высказались 81% опрошенных жителей г. Хабаровска, 69% — Владивостока, 83% — г. Благовещенска и 88% — г. Дальнереченска. Сторонников независимости было в этих городах соответственно 4, 9, 12 и 5% от общего числа респондентов.

Комментариев и расшифровки требует также тезис о «политике приграничных государств» как угрозе суверенитету России. Для выяснения, какие государства АТР дальневосточники рассматривают как проблемные для России, в анкете 2010 г. им был предложен вопрос: «Существует ли угроза безопасности России со стороны КНР, США, Японии, Южной и Северной Кореи?» (рис. 10). Ответы на этот вопрос показывают, что за «политикой

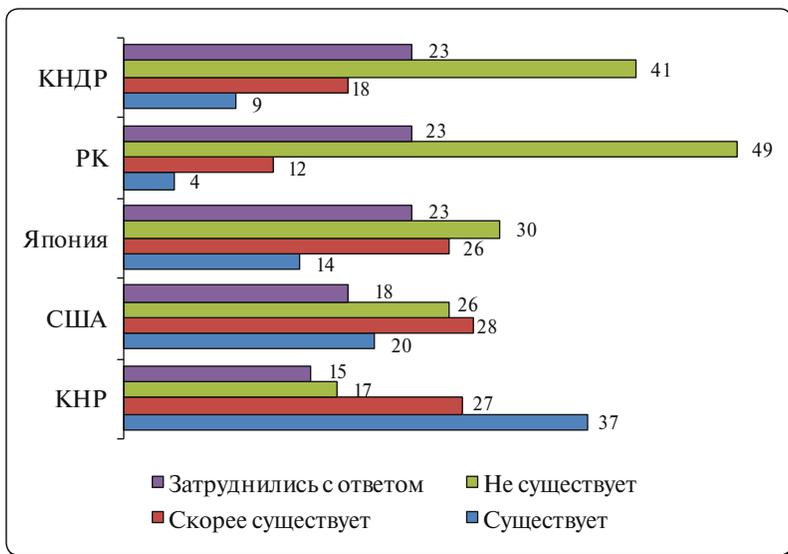

Рис. 10. Существует ли угроза безопасности России со стороны КНР, США, Японии, Южной и Северной Кореи? (2010 г., Дальний Восток, % от числа опрошенных)

приграничных государств» дальневосточники усматривают прежде всего действия КНР, США и Японии. Отталкиваясь от ответов респондентов, можно с уверенностью утверждать, что двое из трёх жителей Дальнего Востока (64% респондентов) рассматривают Китай как главную угрозу безопасности России на её восточных рубежах. Напомним, что в 1994 г. почти столько же (62%) признавали факт «китайской экспансии». У половины дальневосточников (48%) в сознании по-прежнему присутствует синдром «американской угрозы», а существование «курильской проблемы» оставляет актуальной и «угрозу со стороны» Японии (40% респондентов региона). Наименьшую опасность (только для 16% респондентов) из всех восточноазиатских соседей России представляет Южная Корея.

По территориям Дальнего Востока уровень представлений о наличии угроз и их характере неодинаков (рис. 11). «Китайская угроза» значительно серьезнее воспринимается в Хаба-

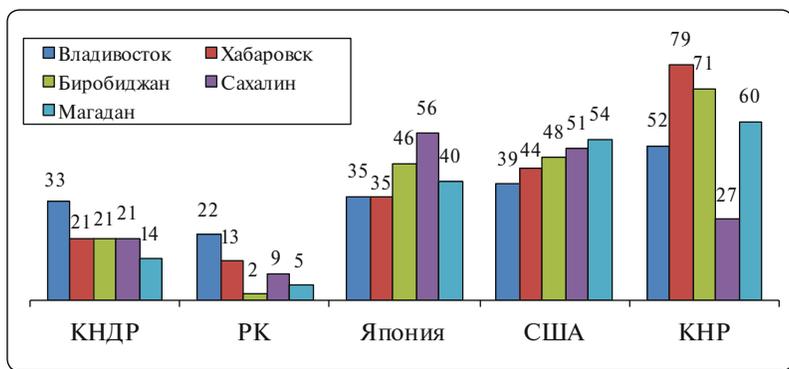

Рис. 11. Оценка соседних государств как источника угроз безопасности России (2010 г., % от числа опрошенных по территориям)

ровске (79% от числа опрошенных) и Биробиджане (71%), чем в Южно-Сахалинске (27%). Легко объяснимо, почему «японская угроза» острее всего ощущается на Сахалине (56% респондентов острова). Близость Владивостока к Северной Корее заставляет жителей города опасаться и развития событий на Корейском полуострове.

Очень своеобразным является восприятие угрозы со стороны Северной Кореи жителями Приморского края. Летом 2010 г. лишь 12% опрошенных приморцев согласились с утверждением, что угроза со стороны КНДР существует, а 21% — что она *«скорее существует»*. За год до этого, в июне 2009 г., вскоре после проведения Пхеньяном (25 мая) очередного испытания ядерного устройства в непосредственной близости от границы Приморского края, с угрозой со стороны КНДР были согласны в три раза больше респондентов — 38%. Ещё 27% были уверены, что угроза *«скорее существует»*. Очевидно, что опасность ядерного конфликта на полуострове волнует жителей Приморья значительно больше, чем военное противостояние между Севером и Югом.

Однако в целом по региону этот конфликт, как показывают ответы на следующий вопрос *«Откуда исходят главные угрозы безопасности России и её дальневосточным территориям»*

на Тихом океане»? (рис. 12), находится у дальневосточников на последнем месте среди всех выделенных нами угроз. В первой тройке вновь оказываются: *рост числа мигрантов, политика Москвы и китайский фактор*. Кроме того, становится очевидным, что поставленные перед необходимостью выбора между «внешними» и «внутренними» угрозами респонденты склоняются в пользу большей важности и актуальности последних, подтверждая тем самым хорошо известный со времён древнекитайских полководцев тезис о том, что безопасность государства обеспечивается прежде всего его эффективной внутренней политикой¹⁰.

Место проживания респондентов, как и ранее, сказывается на оценке ими угроз (табл. 3). Рост мощи КНР более всего тревожит жителей Биробиджана (81% респондентов), Хабаровска (68%) и менее всего — Сахалина (27%), для которых самой серьёзной угрозой остаётся «спор из-за Курильских островов»

Рис. 12. «Откуда исходят главные угрозы безопасности России и её дальневосточным территориям на Тихом океане?» (2010 г., Дальний Восток, не более 5 ответов, % от числа опрошенных)

Таблица 3

Главные угрозы безопасности России и её дальневосточным территориям на Тихом океане (2010 г., не более 5 ответов, % от числа опрошенных по территориям; город = 100%)

Угрозы	Приморье	Владивосток	Хабаровск	Биробиджан	Магадан
Рост экономической и военной мощи Китая	51	54	68	81	66
Увеличение численности мигрантов из соседних государств	56	49	48	54	56
Недостаточный учёт интересов ДВ территорий федеральной властью	45	51	66	46	69
Распространение ядерного оружия	30	31	15	25	16
Спор из-за Курильских островов с Японией	19	21	25	33	30
Стремление США к гегемонии	19	22	17	25	30
Конфликт на Корейском полуострове	19	24	10	14	6
Международный терроризм	18	18	10	29	19
Нет угроз	12	9	1	3	3

с Японией» (48% респондентов острова). «Конфликт на Корейском полуострове» более актуален для жителей Владивостока (24%), чем для сахалинцев (11%) и магаданцев (6%). Последних в наибольшей степени волнует «недостаточный учёт интересов дальневосточных территорий федеральной властью» (69%).

Обращает на себя внимание, что жители Приморья, где проблема оттока населения менее остра, чем в других районах Дальнего Востока, озабочены зарубежной миграцией более других (56% респондентов края против 51% по региону). Сказываются, видимо, раскрученная ранее местными и центральными СМИ страшилка «китайской демографической экспансии» и заметно преувеличенные представления приморцев о численности китайских мигрантов в крае (об этом — в главе 3).

Попутно заметим, что в подходе к большинству рассматриваемых нами проблем, связанных с вопросами безопасности, различие во взглядах респондентов обусловлено не их полом,

возрастом, местом проживания или занятием, а уровнем образования, т.е. прежде всего степенью их информированности и способностью анализировать противоречивую информацию, получаемую из СМИ. В частности, «увеличение численности мигрантов из соседних государств» больше волнует лиц со средним образованием (60% опрошенных из этой группы населения), чем с высшим (47%), в то время как «рост экономической и военной мощи Китая» больше беспокоит лиц с высшим (64%), чем со средним (44%) образованием.

Поскольку восприятие населением тех или иных «угроз» в значительной степени носит эмоциональный характер и зачастую определяется тональностью средств массовой информации в преддверии и во время опросов, события на международной арене способны вносить в это восприятие крайне резкие и существенные изменения. Так и произошло в начале лета 2009 г., вскоре после проведения КНДР очередного испытания ядерного устройства.

Опрошенные 10—20 июня 2009 г. жители г. Владивостока (248 респондентов) и с. Анучино (30) однозначно поставили на первое место среди угроз безопасности России в Восточной Азии «создание ядерного оружия в КНДР» (53% от общего числа респондентов). На втором месте оказалось «стремление США к гегемонии» (41%), третье—пятое места (с учётом возможных погрешностей) поделили «международный терроризм» (31%), «недооценка интересов ДВ центральными властями» (30%) и «отсутствие мирного договора между Россией и Японией» (29%). «Рост экономической и военной мощи КНР» как угрозу России отметили только 25% опрошенных.

Таким образом, устрояя США, Японию и Южную Корею наличием у неё «оружия возмездия», КНДР моментально оказалась в числе государств, которое дальневосточники стали воспринимать как угрозу своей безопасности (рис. 13).

Любопытно, что одинаковое число респондентов были уверены в существовании угрозы со стороны КНДР и США: твёрдо убеждены в этом были по 38% и с определённой долей сомнения — 27 и 31% соответственно. Опасения в адрес США связаны были, видимо, не столько с мыслью о прямой угрозе со стороны самой мощной державы мира, сколько с пред-

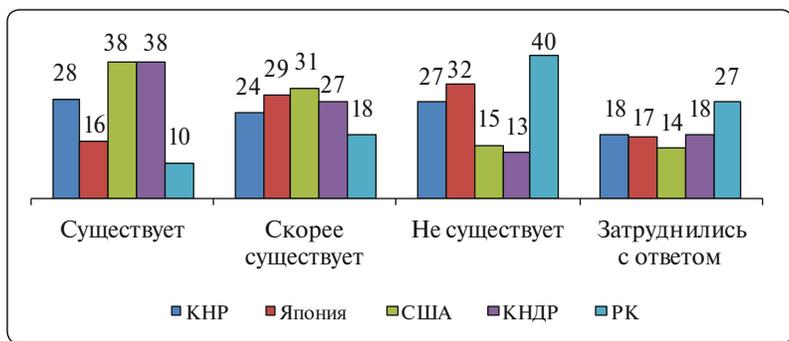

Рис. 13. «Существует ли угроза безопасности России со стороны следующих государств?..» (июнь 2009 г., Владивосток, % от числа опрошенных)

ставлениями о последствиях для России возможной попытки США решить проблему Пхеньяна силовым путём.

Кроме того, результаты этого опроса подтверждают, что значительная часть россиян (если экстраполировать данные, полученные во Владивостоке, на всю Россию, то более половины) по-прежнему ощущает себя в атмосфере «осаждённой крепости», окружённой многочисленными врагами.

Однако в отличие от прежних времён ставка в борьбе с угрозами сегодня делается не на наращивание силы, игру мускулами, а международное сотрудничество. Делая выбор между ответами на вопрос «*Что является самым важным для обеспечения безопасности Дальнего Востока России?*», 75% жителей Владивостока в 2009 г. склонились к невоенным способам решения проблемы. Ответы распределились следующим образом:

- «военное строительство и укрепление обороны Дальнего Востока» — 25% опрошенных;
- «развитие экономического сотрудничества со странами региона» — 26%;
- «налаживание дружественных двусторонних отношений» — 25%;
- «создание системы коллективной безопасности в Восточной Азии» — 24%.

Таким образом, обобщение ответов респондентов на несколько вопросов, связанных с оценкой угроз безопасности России и её дальневосточных территорий, позволяет чётко сформулировать представления жителей Дальнего Востока в этой области. Они выделяют три очевидные угрозы:

- рост экономической и военной мощи КНР¹¹;
- сокращение численности россиян на Дальнем Востоке и заселение его мигрантами из соседних государств (главным образом из Китая);
- безразличие Москвы к интересам Дальнего Востока, её неадекватная реальным и потребностям региона политика в АТР и на Дальнем Востоке России.

Фактически три угрозы можно свести к одной: это страх перед дальнейшим ростом политического и экономического влияния Китая на территории Сибири и Дальнего Востока и неспособностью российского правительства найти правильное решение этой проблемы в интересах как России, так и дальневосточных территорий.

ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И РЕАКЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Ответы респондентов на вопросы об угрозах безопасности России и её дальневосточным территориям уже позволили выяснить, что одной из главных угроз респонденты считают качество российской политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в особой степени — отношение российского центра к дальневосточным территориям. Сведение этих вопросов в одну таблицу кажется показательным (*табл. 4*).

Даже сделав поправку на «местный эгоизм» дальневосточников и традиционно критическое отношение провинции к столице как таковой, отметим, что треть дальневосточников констатирует «безразличие Москвы» к их нуждам, а половина — «недостаточный учёт их интересов».

Активное внимание к Дальнему Востоку, демонстрируемое Кремлём и правительством в последние несколько лет, внедрение «вертикали власти» и «суверенной демократии», при кото-

Таблица 4

Сводная таблица оценок качества российской политики (территория = 100%)

Оценка	ДВ	ПК	Владивосток	Хабаровск	Биробиджан	Магадан
Препятствия к присутствию России в АТР (рис. 1)						
Неадекватная внешняя политика России	17	23	21	13	3	10
Отсутствие интереса со стороны российского руководства к АТР	19	22	22	15	22	38
Угрозы потери ДВ (рис. 6)						
Безразличие Москвы к интересам Дальнего Востока	34	31	36	40	35	51
Угрозы безопасности России и ДВ (рис. 12)						
Недостаточный учёт интересов дальневосточных территорий федеральной властью	50	45	51	66	46	69

рых Москва возложила на себя ответственность за выбор губернаторов, а значит, за характер и качество местной власти, её шаги по развитию восточных районов России, в частности, принятие новой программы развития Дальнего Востока и Забайкалья и подготовка Владивостока к Саммиту АТЭС 2012 г., казалось, должны были укрепить эти настроения. Однако результаты исследования 2010 г. дали противоположные результаты.

Прежде всего оказывается, что сама правительственная программа развития региона и стоящие за ней цели воспринимаются сегодня многими его жителями критически. Практически половина дальневосточников не верит в искренность заявлений правительства. Если тезис о «сохранении Дальнего Востока в составе России» ещё вызывает какие-то эмоции (его считает главным каждый пятый житель региона — 21% опрошенных), то в желании Москвы «превратить эту территорию в экономически развитый регион» убеждены лишь 14%. А каждый второй (49%) усматривает за этой политикой не более чем интересы крупного российского и зарубежного бизнеса (рис. 14).

Самыми доверчивыми представляются жители ЕАО, в которой только 33% опрошенных согласились с тезисом, что

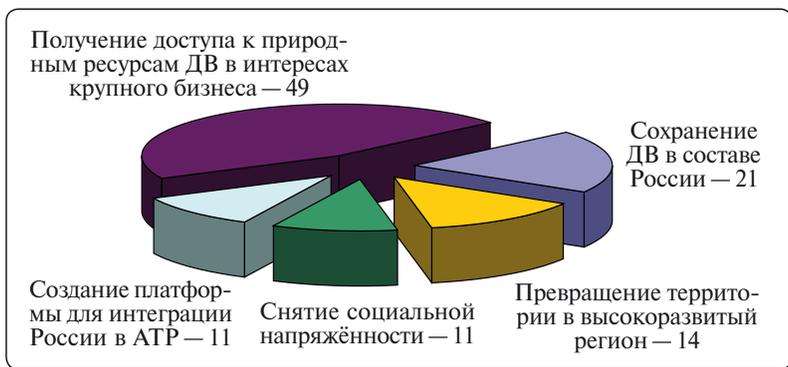

Рис. 14. «Каковы цели руководства России при реализации программы развития Дальнего Востока?» (2010 г., Дальний Восток, один ответ, % от числа опрошенных)

главной целью правительства является обеспечение доступа к природным ресурсам Дальнего Востока крупному российскому и иностранному капиталу. В Магадане, Хабаровске и Владивостоке таких оказалось много больше — соответственно 57, 54 и 49%.

Более всего верят в то, что правительство желает превратить Дальний Восток в высокоразвитый регион страны, сахалинцы и благовещенцы (26—27% опрошенных), тогда как во Владивостоке, Хабаровске, Магадане и Уссурийске в этом убеждены только от 9 до 14% респондентов.

Одной из главных причин столь высокой степени скептицизма дальневосточников является крайне низкий уровень их доверия к Российскому государству так таковому и его бюрократии. На вопрос «Верите ли Вы в способность нынешней власти улучшить социально-экономическое положение края (области) и его жителей?» положительный ответ дал лишь один из пяти респондентов региона (21%). Не верят в способность власти 56%, затруднились с выбором ответа 22%.

Степень пессимизма жителей Приморского края, Магадана и Хабаровска (не верят во власть соответственно 62, 58 и 56% респондентов этих территорий) значительно выше, чем у жителей Биробиджана (35%) и Южно-Сахалинска (44% «песси-

мистов»). Особый скептицизм проявляют жители нестоличных (в масштабе территорий) городов. К примеру, в г. Уссурийске (Приморский край) оптимистов оказалось только 11% от числа респондентов. Жители Владивостока более позитивны, вероятно, благодаря тому, что ежедневно ощущают на себе попытки власти что-то изменить в развитии региона. Но и среди них энтузиастов не более 21%.

В этой безрадостной картине есть только один просвет — настроения самой молодой части респондентов: студентов и особенно тех, кому ещё не исполнилось 20 лет. Верят в способность власти улучшить социально-экономическое положение территории 35% студентов и 38% молодых людей в возрасте до 20 лет. Пессимистов среди тех и других — по 43% от числа опрошенных.

В целом же настроения дальневосточников можно назвать, как минимум, тревожными, а как максимум, — серьёзно угрожающими безопасности существования государства. Здесь кажется вполне уместным вспомнить рассуждения Конфуция об основах стабильности государственной власти и самого государства: «Можно отказаться от оружия... Можно отказаться от пищи... Но без доверия [народа] государство не сможет устоять»¹².

МИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ

В свете сокращения численности населения Дальнего Востока, с одной стороны, и наличия грандиозных проектов его социально-экономического развития — с другой, важное значение имеет выявление миграционных настроений жителей региона. Изучение этого вопроса мы предприняли в начале нового века. В мае 2003 г., проводя пилотажный опрос на тему «Интересы населения и роль администрации Приморского края в их реализации», мы получили одну очень тревожную цифру: почти две трети (62%) опрошенных выразили готовность покинуть край, если бы им представилась такая возможность. Полномасштабный опрос лета того же года подтвердил эти настроения приморцев: остаться в крае выразили желание лишь 34% его жителей (табл. 5).

Таблица 5
Миграционные настроения жителей Приморского края (лето 2003 г., % от числа опрошенных)*

	Хотят остаться в крае	Готовы выехать из края в регионы (города)				Не дали ответа
		Москва	Европейская Россия	Сибирь, ДВ	за пределы России	
Все респонденты (=100%)	34	12	18	5	25	6
По возрасту, лет						
до 20	21	7	12	7	35	18
20—29	31	14	12	7	33	5
30—39	26	11	25	4	30	4
40—49	40	13	16	3	23	5
50—59	45	10	24	4	14	3
старше 60	49	11	15	11	4	10
По уровню образования						
Среднее	49	5	11	8	13	14
Среднее специальное	31	12	21	5	28	3
Незаконченное высшее	29	13	5	4	43	6
Высшее	30	15	28	3	22	2

По роду деятельности							
Студенты	31	9	6	3	34	17	
Рабочие	30	10	13	13	35	0	
Интеллигенция	32	16	25	3	16	8	
Служащие	35	9	19	4	26	7	
Предприниматели	22	12	16	2	43	5	
Военнослужащие	31	14	31	14	7	3	
Пенсионеры	54	20	17	8	2	0	
По месту проживания							
Владивосток	17	18	25	3	29	8	
Усурийск	48	9	10	5	24	4	
Находка	34	11	17	4	28	6	
Спасск	54	7	10	6	17	5	

* У рабочих и пенсионеров сумма процентов превышает 100, так как некоторые респонденты не ограничились одним ответом.

Опрос 2003 г. также показал, что более всего были настроены на выезд из края самые молодые (не выразили желания покинуть Приморье только 21% респондентов в возрасте до 20 лет) и жители Владивостока (намеревались остаться в крае только 17%). Более привязаны к месту своего жительства пожилые люди, лица со средним образованием, пенсионеры, жители глубинки, но и среди них половина готова искать лучшей жизни, покинув Приморье. Две трети жителей края полагали, что жизнь за пределами России (куда хотели бы выехать 25% общего числа опрошенных), в европейской части страны и даже в Сибири значительно лучше и привлекательнее, чем на берегах Тихого океана¹³.

Исследование 2010 г. также продемонстрировало крайне высокий уровень миграционных настроений дальневосточников: покинуть регион при наличии у них таких возможностей готовы 61% его жителей (*табл. 6*), при этом каждый третий (33%) намерен сменить место жительства в самой России, а чуть больше четверти (28%) респондентов — вообще покинуть её пределы. «Патриотов» — тех, кто предпочитает остаться в своём крае, оказалось 39% от общего числа респондентов.

Таблица 6

**Миграционные настроения дальневосточников
(2010 г., % от числа опрошенных; территория = 100%)**

Настроения						
	ДВ	ПК	Владивосток	Хабаровск	Биробиджан	Магадан
Намерены остаться в своём крае («патриоты»)	39	42	36	28	44	53
Готовы переехать в пределах России («мигранты»)	33	29	31	37	37	45
в том числе:						
в Европейскую часть России	21	18	21	22	24	27
в Москву	7	7	7	9	3	8
в другие районы Сибири и Дальнего Востока	5	4	3	6	10	10
Готовы выехать за пределы России («эмигранты»)	28	29	33	36	33	6

Более всего «патриотов» обнаружилось в Магадане: жить на Колыме и далее намерены более половины (53%) опрошенных, а выехать за рубеж на постоянное жительство — только каждый двадцатый (6%), в пять—шесть раз меньше, чем среди жителей других территорий. Почему — это, видимо, вопрос для специального исследования.

В то же время даже в более благоприятном (исходя из климатических условий) для жизни Приморском крае намерены остаться только 42% респондентов (во Владивостоке — 36%), а при наличии возможности край готовы покинуть 6 из 10 его жителей! Не хотели бы уехать из Хабаровска только 28% опрошенных горожан. Это означает, что, несмотря на оптимистические заявления властей, проблема удержания населения в регионе далека от разрешения. Очевидно, что миграционный отток населения с Дальнего Востока сократился совсем не по причине патриотизма или удовлетворённости дальневосточников условиями своей жизни. Социальные связи, социально-психологические установки, жильё, финансовые ограничения, привязанность к работе — вот что пока сдерживает немалую часть жителей региона от выезда за его пределы¹⁴.

Анализ внутренней структуры группы потенциальных «мигрантов», проделанный на основе материалов опроса 2010 г., не выявляет полярных результатов ни по полу, ни по возрасту, ни по уровню образования и характеру занятий респондентов. Их несколько больше среди женщин (36% от всех опрошенных лиц этого пола), чем среди мужчин (30%). Более всего склонны к переезду в пределах России лица в возрасте от 31 до 40 лет (37% опрошенных этой категории); в наименьшей степени среди всех возрастных групп — молодёжь до 30 лет (30%). Среди респондентов с незаконченным высшим и средним специальным образованием потенциальных «внутренних мигрантов» больше (по 35%), чем среди тех, кто имеет только среднее образование (29%). Наконец, более всего склонны думать о смене места жительства в пределах России представители интеллигенции (36% респондентов этой группы), студенты (35%) и руководители предприятий (34%); в наименьшей степени — ИТР (28%) и пенсионеры (29%).

Две трети из числа «внутренних мигрантов» (64%) хотели бы вернуться на «историческую Родину» — в европейские районы России, 20% — в Москву и лишь 16% — перебраться в другие районы Сибири и Дальнего Востока.

Структура «эмигрантов» более контрастна. Их почти поровну среди мужчин (29%) и женщин (27%). Наибольший процент — среди лиц в возрасте от 20 до 30 лет (38% этой группы респондентов), наименьший, что вполне ожидаемо, — среди старших возрастных групп (14% старше 60 лет и 18% — от 51 до 60 лет). Среди тех, кто имеет высшее образование, потенциальных эмигрантов на 10% больше, чем среди тех, кто ограничился средним специальным (32% против 22%). В промежутке находятся лица со средним (25%) и незаконченным высшим (28%) образованием. Больше всего «эмигрантов» среди руководителей (35%), предпринимателей и студентов (по 33%); меньше всего — среди пенсионеров (16%) и военнослужащих (23%).

Очевидно, что на отъезд из региона ориентированы самые образованные, работоспособные и креативные слои местного общества¹⁵.

Наконец, «патриотов» среди мужчин на 4% больше, чем среди женщин (41 и 37% соответственно). Более всего «прикипели» к Приморью респонденты в возрасте от 51 до 60 лет (56% из этой возрастной группы) и старше 60 лет (51%). В самом активном возрасте (от 20 до 40 лет) «патриотов» почти в два раза меньше: 30—31%. Более всего склонны остаться в родном крае те, кто имеет среднее (46%) и среднее специальное (43%) образование, тогда как среди имеющих высшее образование их 35%, а незаконченное высшее — 37%. Соответственно, если более половины (55%) пенсионеров не собираются двигаться с насиженного места, то среди руководителей фирм и компаний и студентов таких обнаруживается только 31 и 32% соответственно. Доля «патриотов» среди других категорий населения: военнослужащие — 46%, ИТР — 43, рабочие — 40, предприниматели — 39, представители интеллигенции — 36%.

Сопоставление результатов опросов за последние 16 лет в двух дальневосточных столицах — Хабаровске и Владивостоке — выявляет поучительную динамику эмиграционных на-

строений горожан. Обработка данных, полученных при ответах жителей этих двух городов на вопрос: «Куда бы Вы переехали жить постоянно?» в ходе опросов 1995—2010 гг., позволяет вывести индекс их эмиграционных настроений (рис. 15). Расчёты сделаны по формуле: $N = \text{сумма процентов положительных ответов по странам, делённая на 3}$.

В обоих городах довольно сильным было желание уехать навсегда за пределы России в середине 1990-х, во времена политической нестабильности и острейшего экономического кризиса в стране. Низшей точкой эмиграционных настроений жителей Владивостока и Хабаровска стали 1998—2000 гг. — период сильнейшего обнищания населения. К тому времени большинство желавших и способных это сделать уже покинули Россию, а у оставшихся было мало надежд на возможность эмиграции.

Выбор приоритетных направлений потенциальной эмиграции в Хабаровске и Владивостоке одинаков: Австралия, Канада, Германия, США (рис. 16). К 2008 г. в каждом из городов сформировалась небольшая группа людей, готовых выехать на постоянное место жительства в КНР (3—4%), Индию (1—2%) и даже КНДР (1—2%). Хотя упоминание последнего направления можно рассматривать либо как эпатаж части респондентов, либо как вызов в адрес российских и местных властей, не способных создать приемлемые условия жизни на территории собственного государства.

Рис. 15. Индекс эмиграционных настроений жителей Владивостока и Хабаровска (вертикаль — %, горизонталь — годы)

По мере повышения уровня благосостояния дальневосточники стали больше думать и о возможности эмиграции. В 2002 г., среди ответов в анкете был такой: «никуда не поеду», его выбрали 34% жителей Хабаровска и 47% — Владивостока. В то же время, если во Владивостоке к 2008 г. «выездные» настроения по сравнению с периодом 2002—2003 гг. усилились, то в Хабаровске, напротив, снизились. Являются ли причиной столь противоположных тенденций различные результаты социально-экономического развития двух городов в последнее десятилетие? — на этот вопрос может ответить только специальное исследование.

Подготовка Владивостока к саммиту АТЭС-2012 повлияла на настроения горожан, но не в той степени, чтобы забыть о существующих проблемах.

Более детальный анализ взглядов респондентов в группах «патриотов», «мигрантов» и «эмигрантов» показывает, что главной причиной, толкающей людей на выезд из региона, является неверие в благоприятные перспективы Дальнего Востока России.

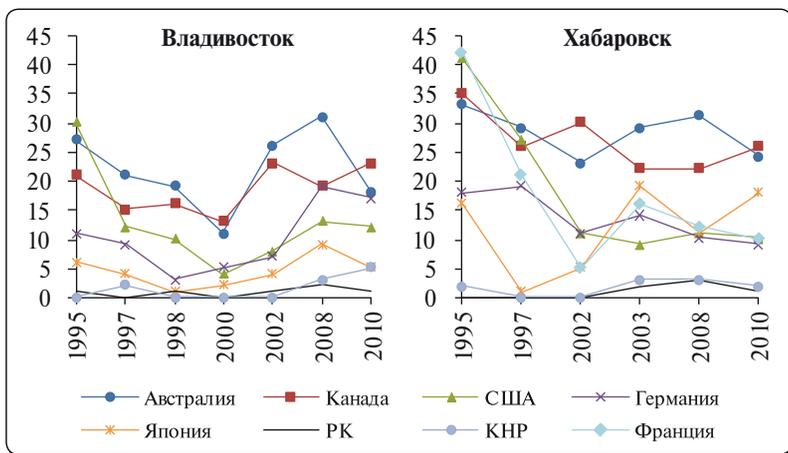

Рис. 16. Степень привлекательности стран мира для эмиграции дальневосточников (Владивосток, Хабаровск, по годам, % от числа опрошенных)

- ¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. С. 161.
- ² Цит. по: Барсуков И. Графь Николай Николаевич Муравьёв-Амурский. Хабаровск: Приамур. геогр. о-во, 1999. Кн. 1. С. 615. Репр. изд.
- ³ См.: Ларин В.Л. Азиатско-Тихоокеанский регион в начале XXI века: вызовы, угрозы, шансы Тихоокеанской России. Владивосток: ДВО РАН, 2010. С. 46—47.
- ⁴ В это время администрация Приморского края развернула пропаганду против реализации Российско-китайского договора 1991 г. о границе, одним из аргументов которой было получение в результате этого соглашения Китаем выхода к морю и нанесение тем самым мощного удара по Транссибу и портам Приморского края. Результаты воздействия этой пропаганды оказались, как показал опрос, минимальными.
- ⁵ Известия. 1994. 14 июля.
- ⁶ Там же. 1993. 30 июля.
- ⁷ См.: Ларин В.Л., Плаксен Е.А. Приморье: перспективы развития через призму общественного мнения // Россия и АТР. 1993. № 1. С. 16.
- ⁸ Rajan M. The Strategic Convergence Between Russia and China // Survival. 1997. Vol. 39, N. 2. P. 103, 104. Подробнее см.: Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 196—210.
- ⁹ Путин В.В. Вступительное слово на заседании Совета Безопасности. 20 декабря 2006 г. http://www.kremlin.ru/appears/2006/12/20/1548_type63374type63378type82634_115650.shtml.
- ¹⁰ В качестве примера приведём сентенцию второго (наряду с Сунь-цзы) из известнейших военных стратегов древнего Китая У-цзы (конец V — начало IV в. до н.э.), рассуждавшего о крепости государства: «Когда государь умеет умных ставить наверху, а неразумных помещать внизу, его лагерь уже тем самым будет прочен. Когда весь народ спокоен на своих полях и в своих домах, когда он питает добрые чувства к чиновникам, оборона уже тем самым крепка. Когда народ считает своего государя хорошим, а соседние государства дурными, сражение уже тем самым выиграно» (У-цзы. Трактат о военном искусстве. Перевод и комментарии Н.И. Конрада // Конрад Н.И. Избранные труды. Синология. М.: Наука, 1977. С. 320).
- ¹¹ По данным Фонда «Общественное мнение», проводившего опросы в России в 2006—2009 гг., от 39 до 44% респондентов выражали согласие с тезисом, что усиление Китая угрожает интересам России. Не видели в этом угрозы от 36 до 39%, оставшиеся 17—23% затруднились с ответом. См.: Российско-китайские отношения и визит

В. Путина в Китай. Опрос 24—25 октября 2009 г. 100 населённых пунктов, 44 субъекта РФ, 2000 респондентов. <http://bd.fom.ru/pdf/d43kitay.pdf>.

- ¹² Полностью рассуждения Конфуция об управлении государством представлены в следующем изложении: «Цзы-гун спросил об управлении государством. Учитель ответил: „[В государстве] должно быть достаточно пищи, достаточно оружия и народ должен доверять [правителю]“. Цзы-гун спросил: „Чем прежде всего из этих трёх [вещей] можно пожертвовать, если возникнет крайняя необходимость?“ Учитель ответил: „Можно отказаться от оружия“. Цзы-гун спросил: „Чем можно прежде всего пожертвовать из [оставшихся] двух вещей, если возникнет крайняя необходимость?“ Учитель ответил: „Можно отказаться от пищи. С древних времён ещё никто не мог избежать смерти. Но без доверия [народа] государство не сможет устоять“» (Конфуций. Лунь юй = Беседы и суждения // Древнекитайская философия: собр. текстов в 2 т. М.: Мысль, 1972. Т. 1. С. 160).
- ¹³ Интересно, однако, что среди тех респондентов, кто в ходе этого опроса назвал КНР страной, которая вызывает у них наибольшие симпатии, остаться в крае выразили намерение более половины (57%). В Москву хотел бы уехать каждый десятый, за пределы России — 29%.
- ¹⁴ Эти факторы убедительно доказаны в ходе социологического обследования 2009 г. в Хабаровском крае. См.: Скрипник Е.О. Миграционные намерения городского населения Хабаровского края // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 52—54.
- ¹⁵ Наши исследования подтверждаются результатами интернет-опроса, проведённого компанией «Восток—Медиа» в Приморье в апреле 2010 г. Из принявших в нём участие 3782 пользователей сети не выразили желания уехать из края только 19% ответивших, которые полагают, что им «и в Приморье хорошо». 41% выразили желание «поселиться в Европе или США — поближе к цивилизации», 24% сменили бы место жительства на Москву или Центральную Россию, 14% мечтают «переехать в Азию — там жизнь дешевле». <http://www.vostokmedia.com/?polls;12>.

ВНЕШНЕЕ ОКРУЖЕНИЕ: ОБРАЗЫ, ФАНТАЗИИ, ФОБИИ

В любом социуме, взаимодействующем с «внешним миром», существуют свои представления об этом мире, симпатии и антипатии к государствам и континентам, этносам и культурам. Пристрастие или нелюбовь дальневосточного сообщества к тем или иным странам и народам в определённой степени (хотя в основном опосредованно) влияют на формирование региональной внешней политики, характер и глубину региональных и приграничных связей, отношения между людьми, организациями, городами, территориями.

СИМПАТИИ И ПРИОРИТЕТЫ ЖИТЕЛЕЙ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Определить основные векторы зарубежных симпатий и приоритетов дальневосточников позволяют ответы на несколько вопросов, которые присутствуют во многих анкетах 1995—2010 гг.

Первый среди них — о приоритетах — состоит из четырёх подвопросов.

- 1. Какие страны вызывают у Вас наибольшие симпатии?*
- 2. Куда бы Вы хотели съездить в качестве туриста?*
- 3. Где бы Вы хотели временно поработать?*
- 4. В какую страну Вы хотели бы переехать на постоянное жительство?*

Отвечая, каждый респондент из предложенного ему перечня стран мог выбрать не более трёх. Полученные ответы выявляли победителей, призёров и аутсайдеров в каждой из

«номинаций» (исходя из набранных ими голосов), а суммирование этих голосов (или баллов) позволило составить шкалу «страновых пристрастий» жителей юга Дальнего Востока. В дальнейшем мы не раз будем прибегать к этому способу выявления степени симпатий респондентов к тем или иным государствам мира и именовать такую сумму «индексом симпатий». Результаты опросов 2008 и 2010 гг. представлены в *табл. 1*.

Безусловный фаворит 2008 г. — Австралия (три первых места, одно четвёртое и в сумме 132 балла). На второй позиции — Япония (три вторых места, одно седьмое и 107 баллов), на третьей — Франция (те же 107 баллов, но лишь одно первое и одно третье место). За ними со значительным отрывом следуют Германия и Великобритания. В 2010 г. тройка лидеров осталась прежней, только Австралия и Япония поменялись местами, а на четвёртую позицию, почти догнав Францию, переместилась Канада.

Сопоставление результатов опросов за последние 16 лет показывает, что шкала приоритетов зарубежных государств у дальневосточников менялась незначительно (*рис. 1*). Первые

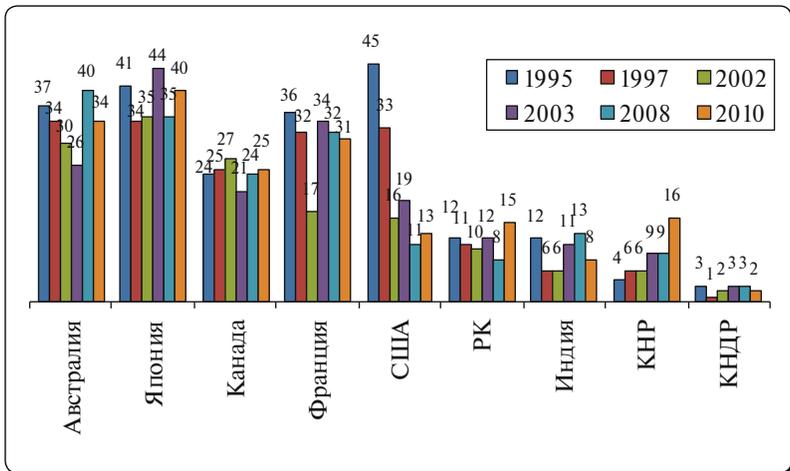

Рис. 1. Страны, вызывающие наибольшие симпатии у жителей юга Дальнего Востока (% от числа опрошенных)

Таблица 1
Шкала приоритетов жителей юга Дальнего Востока (по итогам опросов 2008/2010 гг., до грёх ответов,
% от числа опрошенных)

№	Страны				Индекс симпатий (%, или баллы)
	Вызывающие наи- большие симпатии	Привлекательные для туризма	Привлекательные для временной работы	Привлекатель- ные для постоянного проживания	
1	Австралия (40/34)	Франция (42/33)	Австралия (28/17)	Австралия (29/18)	Австралия (132/100)
2	Япония (35/40)	Япония (37/37)	Япония (25/20)	Канада (20/21)	Япония (107/104)
3	Франция (32/31)	Индия (36/31)	США (23/23)	Германия (16/13)	Франция (107/81)
4	Великобритания (25/17)	Австралия (35/31)	Канада (22/21)	Франция (16/8)	Германия (77/74)
5	Германия (25/26)	Великобритания (22/18)	Германия (19/18)	США (13/10)	Великобритания (77/60)
6	Канада (24/25)	Германия (17/17)	Великобритания (18/16)	Великобритания (12/9)	Канада (66/80)
7	Индия (13/8)	КНР (14/20)	Франция (17/9)	Япония (10/7)	США (57/57)
8	США (11/13)	США (12/11)	КНР (9/9)	КНР (4/3)	Индия (52/42)
9	КНР (9/16)	Канада (10/13)	РК (6/7)	РК (3/3)	КНР (36/48)
10	РК (8/15)	РК (10/13)	Индия (2/2)	Индия (1/1)	РК (27/38)
11	КНДР (3/2)	КНДР (6/5)	КНДР (2/1)	КНДР (1/0)	КНДР (12/8)

две позиции стабильно, хотя и с переменным успехом, занимали Япония и Австралия. За ними следовали Франция и Канада.

Если в 1995 г. 41% опрошенных жителей региона называли Японию страной, вызывающей у них наибольшую симпатию, то в 1997 и 2000 гг. таковых было 34%, а в 2002 и 2008 гг. — по 35%. Аномалия 2003 г. (высокие 44%) также находит своё объяснение: обнадёживающие визиты премьер-министра Японии Дз. Коидзуми в Хабаровск (январь) и министра иностранных дел Ё. Кавагучи во Владивосток (июнь).

Уровень популярности других азиатских стран АТР вплоть до 2010 г. не превышал 13%. Республика Корея в этот период набирала от 8 до 12% голосов, КНДР — от 1 до 3%. От 4 до 9% опрошенных высказывали своё расположение к Китаю, от 6 до 13% — Индии.

Опрос 2010 г. продемонстрировал некоторое повышение симпатий жителей Дальнего Востока к восточноазиатским соседям (за исключением Северной Кореи). Респондентов, симпатизирующих Китаю и Южной Корее, в 2010 г. было выявлено на 7% больше, чем в 2008 г. (соответственно 16% и 15% от общего числа опрошенных). Доля респондентов, выразивших наибольшие симпатии Японии, увеличилась на 5%. Яркое выраженный характер эта тенденция приобрела в Приморском крае: по сравнению с результатами, полученными в ходе исследований 2002 и 2008 гг., приморских респондентов, назвавших КНР страной, вызывающей у них наибольшие симпатии, стало больше на 15—19%, Республику Корея — на 6%, а Японию — на 13—14%.

Такое своеобразное «мягкое голосование» выявляет приоритеты симпатий, но отнюдь не проявляет антипатии россиян. Если кто-то из респондентов выделял Японию, Австралию или Францию, это совсем не означало, что ему не нравились Канада или Китай. Подобный выбор лишь свидетельствует, что первые три были ему намного интереснее. В случае, если респондентам ставился прямой вопрос об их отношении к КНР и не было выбора альтернативных стран, результаты оказывались иные. Например, в октябре 1994 г., отвечая на вопрос о восприятии Китая, 48% респондентов со-

общили, что относятся к Китаю «хорошо», 4% — «очень хорошо», 32% — «безразлично» и лишь 13% — «плохо».

Стабильное отношение дальневосточников к большинству стран региона особенно заметно на фоне падения рейтинга США. Доля населения, называвшего США страной наибольших симпатий, сократилась с 45% в 1995 г. до 16% в 2002 г. и 11% в 2008 г. Эйфория в отношении Соединённых Штатов, царившая в российском обществе в первой половине 1990-х годов, быстро развеялась. Незаметно, чтобы на восприятии россиянами Америки сказалась «перезагрузка» в двусторонних отношениях: симпатизирующих США дальневосточников оказалось в 2010 г. только 13%.

Туристической «Меккой» дальневосточникам представлялись Франция, Япония и Австралия (рис. 2). Там хотел бы побывать каждый третий респондент. Поступательно рос интерес к туризму в Индию (до 36% в 2008 г.) и одновременно падал — к поездкам в США (с 40% в 1995 г. до 11—13% в 2003—2010 гг.). Заметно (особенно в последние два года) возросла туристическая притягательность Китая: в 2010 г. до 20% по всему региону, а по Владивостоку — до 29%.

Однако реалии жизни существенно отличались от настроений и возможностей жителей Дальнего Востока. Если верить опросам, то лиц, желавших посетить Японию, было в 2,5—3 раза больше, чем тех, кто хотел бы поехать туристом в Китай, однако размеры туристических потоков были несопоставимы и явно не пользу Японии. Соотношение числа приморцев, посетивших по линии туризма в 2002 г. Китай (384 тыс. чел.) и Японию (2,6 тыс. чел.), было 148:1. В 2006 г. пропорция немного изменилась: 769 тыс. приморцев побывали в КНР и 10,3 тыс. — в Японии, но плотность потоков (75:1) по-прежнему различалась весьма значительно (табл. 2).

Конечно, нужно учитывать такое явление, как деловой туризм, нацеленный преимущественно на КНР («челночная» торговля), и всё, что с ним связано, а также определённый туристический поток из Дальнего Востока в Европу через туристические организации Европейской России, прежде всего Москвы. Однако дальневосточный туризм в Японию был

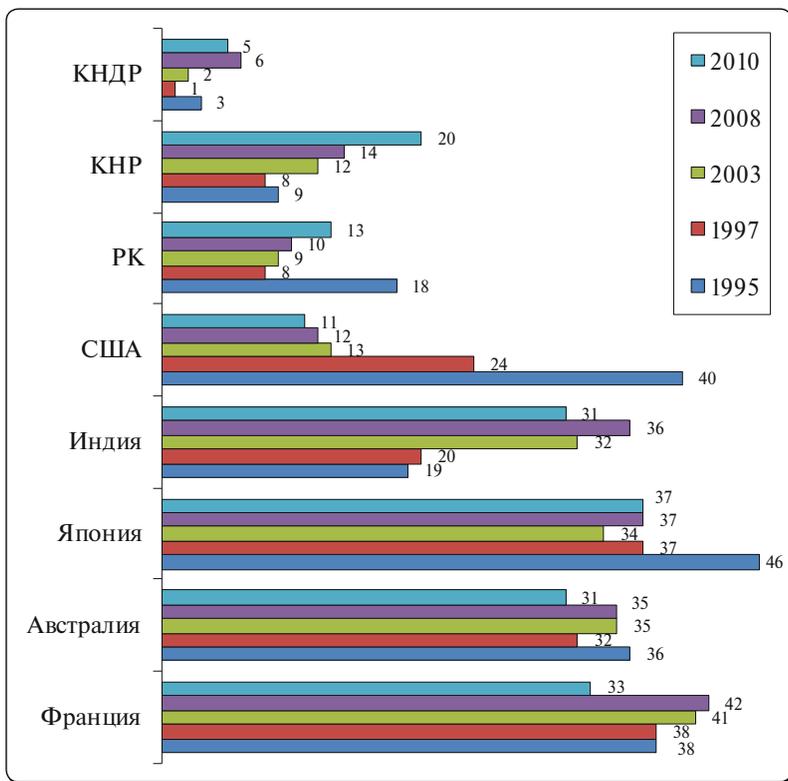

Рис. 2. Страны мира, предпочтительные для туризма
(Дальний Восток, % от числа опрошенных)

также в значительной степени деловым и связанным с покупкой подержанных автомобилей, и не случайно количество туристов из Приморья в Японии сократилось в 2009 г. (после введения высоких ввозных пошлин на подержанные автомобили) по сравнению с 2008 г. в два раза. Так что здесь мы лишь констатируем сам факт массового индивидуального обмена жителей российского Дальнего Востока с одним азиатским соседом и минимального — с другими странами мира, а также то, что, по большому счёту, желания дальневосточников по-прежнему не совпадали с их возможностями.

Таблица 2

Выезд российских туристов за рубеж через туристические организации Приморского края
(чел./% от общего числа туристов)*

Страны	Годы									
	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	
КНР	419 562/97,3	363 611	441 801	614 013	702 952	768 733/96,9	934 192	1 138 867	351 637/91,1	
Япония	3 341/0,8	2 610	7 208	11 238	12 152	10 271/1,3	9 619	10 939	4 988/1,3	
РК	6 991/1,6	6 282	7 148	9 628	11 502	11 050/1,4	10 165	13 739	22 618/5,8	
КНДР	69/0,02	68	12	111	242	209/0,03	291	206	164/0,04	
Прочие	1 115/0,28	1 853	695	1 409	1 296	2 664/0,37	9 734	15 434	6 649/1,7	
Всего	431 078	380 424	459 864	636 409	728 144	793 226	964 001	1 179 185	386 056	

* По данным департамента туризма Приморского края.

Вектор возможного поиска временной работы за рубежом у жителей Дальнего Востока также был ориентирован преимущественно на страны европейской культуры. Австралия, Канада, США в этом списке явные лидеры (*рис. 3*). В 2008 г. там хотели бы временно поработать от 22 до 28% опрошенных, в то время как на Корейском полуострове — от 2 до 6%. Из азиатских стран определённую конкуренцию англосаксонским странам как виртуальное место трудовой деятельности составляла Япония. Заметна и возросшая в последние годы притягательность Китая, уже предоставляющего россиянам не только достойно оплачиваемые рабочие места, но и более благоприятные, чем в России, условия для проживания¹.

Но вот перебраться на постоянное жительство в Японию выразили желание не более 10%, а в Китай — 4% (2008 г.) респондентов (*рис. 4*). Самыми предпочтительными направлениями в последние годы считались Австралия и Канада, в меньшей степени — страны Западной Европы и США. Страны Восточной Азии по-прежнему представляются дальневосточникам очень далёкими в культурном и психологическом отношении, чтобы устраивать там свою жизнь.

Выбор стран, вызывающих наибольшие симпатии, в определённой степени зависит от места проживания респондентов. Шкала приоритетов по территориям (Австралия, Япония, Франция) в целом совпадает, в то же время каждая из них имеет своё «лицо» (*рис. 5*).

По результатам опроса 2008 г., на безоговорочное первое место в Благовещенске с 44% вышла Франция, а Китай набрал вдвое больше голосов, чем во Владивостоке и Приморском крае и в 5 раз больше, чем в Хабаровске. В Биробиджане Австралия оказалась далеко впереди конкурентов, а Китай не котируется. В городах и посёлках Приморья симпатии поровну поделили Австралия, Франция и Япония. Владивосток вообще более сдержан в проявлении своих эмоций, чем другие города Дальнего Востока.

Любопытно, что виртуальные симпатии и прагматические интересы дальневосточников совпадают не всегда: в 2010 г. желающих временно поработать в США (23% респондентов)

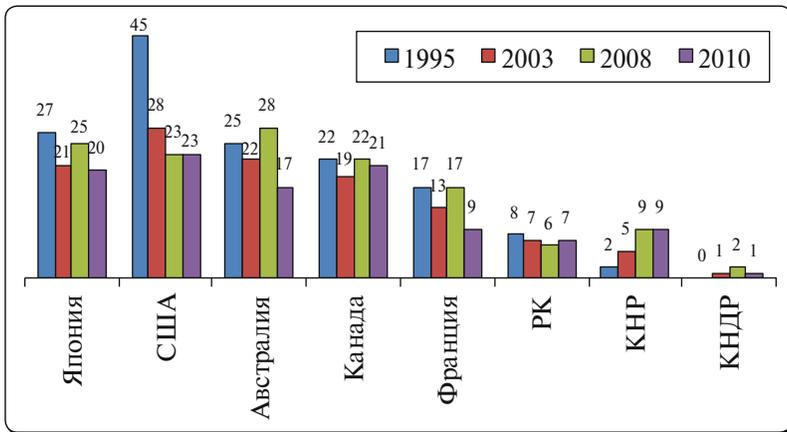

Рис. 3. Страны, предпочтительные для временной работы (Дальний Восток, % от числа опрошенных)

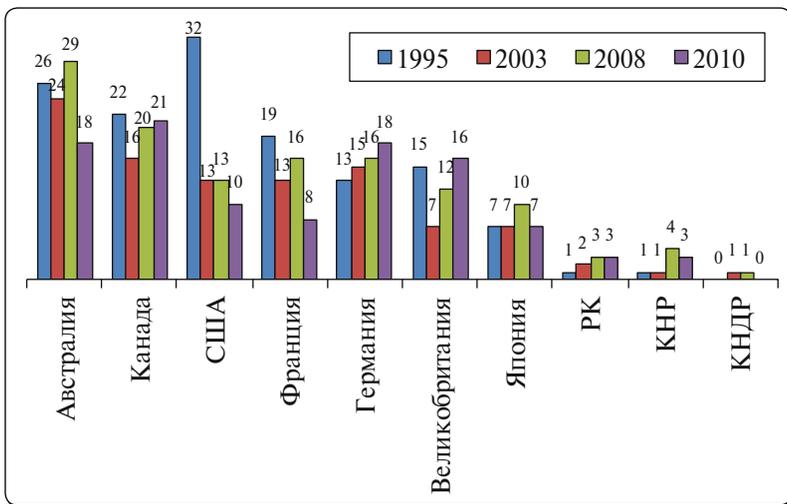

Рис. 4. Страны, предпочтительные для эмиграции (Дальний Восток, % от числа опрошенных)

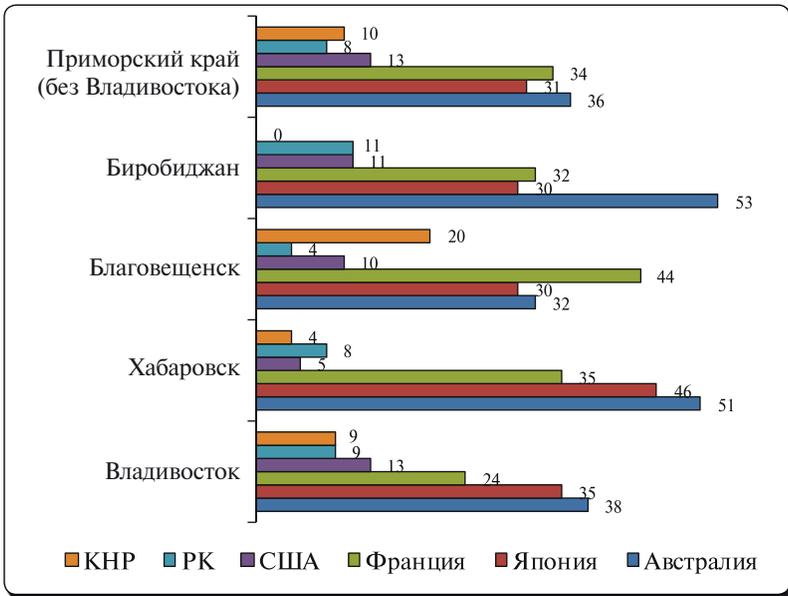

Рис. 5. Страны, вызывающие наибольшие симпатии (2008 г., юг Дальнего Востока, % от числа опрошенных по территориям)

оказалось почти в два раза больше, чем выражающих симпатии этой стране (13%).

Более детально отношение дальневосточников к странам мира будет рассмотрено в следующих главах.

ПРИОРИТЕТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

При всех симпатиях к Австралии и странам Западной Европы, описанных в первом разделе этой главы, с одной стороны, и страхах относительно «жёлтой (китайской) опасности», о которой мы говорили в предыдущей главе, с другой — дальневосточники оказываются исключительно прагматичными в выборе потенциальных партнёров для сотрудничества.

И в 1990-е годы, и в первые годы нового столетия результаты всех анкетирований вне зависимости от того, как были сформулированы в них вопросы, выводили Японию на неоспоримое первое место. Эта страна была главной надеждой жителей региона в развитии международного сотрудничества. Однако затем Китай начал медленно, но верно оттеснять Японию с первых позиций.

Летом 2003 г. 60% жителей Приморского края признали существование социально-экономической зависимости их территории от Японии и почти столько же (59%) заявили, что из зарубежных стран именно с Японией нужно в первую очередь развивать отношения. На зависимость края от Китая тогда указали три четверти опрошенных (73%), но необходимым и важным развивать с ним отношения посчитало вдвое меньшее число респондентов (36%). Зависимость от США и Южной Кореи была оценена приблизительно одинаково (соответственно 45 и 43%), а в развитии отношений Корея оказалась более привлекательной (40% против 30% у США).

Добавление российских территорий в перечень государств и регионов, с которыми стоило бы развивать отношения, снизило количество приморцев, ориентировавшихся на Японию, до 49%, а на Китай — до 27%. Однако на Европейскую Россию оказались нацелены и того меньше — 24%, на сибирские и дальневосточные районы — 22% респондентов.

На обширной территории юга Дальнего Востока (рис. 6) сторонников первостепенного развития отношений с Японией в 2003 г. оказалось почти столько же, сколько в Приморском крае — 48%. Треть опрошенных дальневосточников (33%) полагала необходимым ориентироваться на связи с Китаем, почти столько же (32%) — на сибирские и дальневосточные территории, 28% — на Южную Корею. Особых надежд они не питали ни в отношении Европейской России (20%), ни США (13%), ни Австралии (9%). О других государствах и районах мира вспомнили лишь 3% респондентов. Возможность дачи инициативных ответов респонденты также практически не использовали.

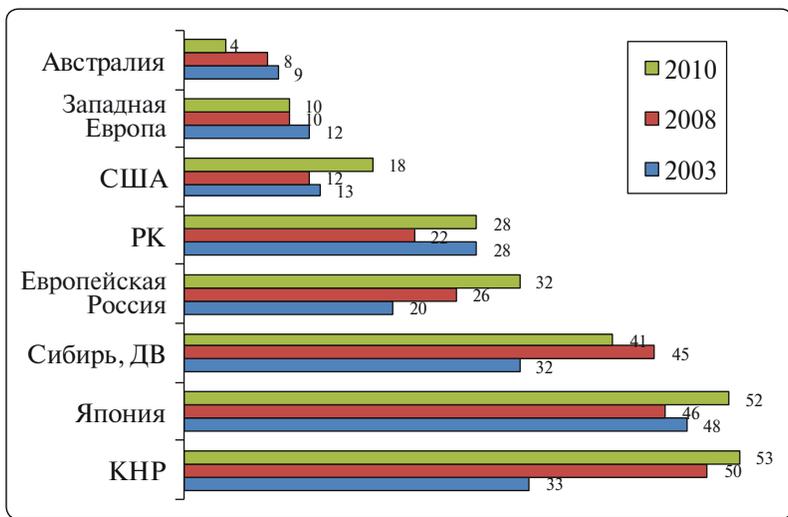

Рис. 6. Приоритетные страны и территории для развития отношений (Дальний Восток, до трёх ответов, % от числа опрошенных)

На Россию как на её европейскую часть, так и на близкую Сибирь, с надеждой смотрели прежде всего респонденты старшего поколения — пенсионеры, а также домохозяйки и сельские жители. Однако только у 60-летних и соответственно пенсионеров Сибирь «победила» (с небольшим перевесом) Японию (44% против 40% — у 60-летних и 41% против 32% — у пенсионеров). Япония стала безусловным приоритетом для юношей и девушек в возрасте до 20 лет — 63% опрошенных (США оказались на второй позиции с 28%), и от 20 до 30 лет (53%). Сибирь и Дальний Восток, а также КНР набрали по 34%.

Опрос в Приморском крае в июле 2006 г. не изменил порядок географических приоритетов жителей края, разве что Китай сравнялся по числу сторонников с Японией (рис. 7). Но самое интересное, что Китай стал безусловным приоритетом для опрошенных молодых людей в возрасте до 20 лет: 46% от их числа заявили, что в первую очередь край должен развивать

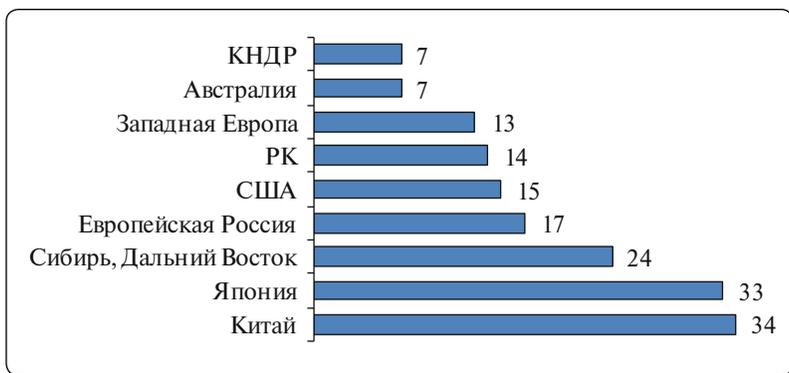

Рис. 7. Приоритетные направления развития отношений для Приморского края (июль 2006 г., число ответов не ограничено, % от числа опрошенных)

отношения с КНР, а на второе место они поставили Европейскую Россию (33%). Повзрослевшие за три года (со времени предшествующего опроса) молодые люди также немного изменили свои симпатии: сторонников японского направления среди 20—30-летних осталось 43%, тогда как китайского — увеличилось с 24% в 2003 г. до 32% в 2006 г.

Тенденция получила развитие в конце десятилетия. В 2008 г. уже на юге Дальнего Востока впервые на общее первое место, оттеснив на вторую строчку Японию, вышел Китай. Половина из 815 опрошенных жителей юга Дальнего Востока заявили, что именно с КНР необходимо развивать связи в первую очередь. У Японии сторонников оказалось на 4% меньше. Практически столько же голосов (45%) набрали сибирские и дальневосточные территории, далее с большим отрывом следовали европейские области России (26%), Южная Корея (22%), США и КНДР (по 12%). Сравнение полученных результатов с данными 2003 г. показывает заметный рост рейтинга Китая, укрепление позиций сибирских и дальневосточных территорий и Европейской России. Остальные изменения оказались в пределах допустимых погрешностей².

Приоритеты населения дальневосточных городов, особенно в отношении Китая и Японии, не совпадают и в значительной степени определяются их географическим положением и широтой связей с внешним миром (табл. 3).

Таблица 3

Приоритетные направления развития отношений (2008, 2010 гг., территория = 100%, до трёх ответов, % от числа опрошенных)

Приоритетные направления сотрудничества	Владивосток		Хабаровск		Биробиджан		Магадан
	2008 г.	2010 г.	2008 г.	2010 г.	2008 г.	2010 г.	2010 г.
Китай	49	63	52	51	55	54	35
Япония	53	57	52	49	47	35	51
Сибирские и дальневосточные территории	40	36	55	44	64	54	74
Республика Корея	30	32	27	22	19	8	14
Европейские районы России	23	28	30	31	30	41	49
США	12	18	9	15	19	10	7
КНДР	15	3	6	7	5	8	1
Западная Европа	10	7	6	8	0	11	3
Австралия	12	4	3	5	2	2	4

Закономерно, что портовый Владивосток в большей степени, чем другие территории, был ориентирован на зарубежье. Благовещенск не строил больших иллюзий в отношении Японии и Южной Кореи и делал ставку на КНР и дальневосточных соседей. Сибирские и дальневосточные территории выглядели, как главная надежда жителей Магадана, Хабаровска и Биробиджана. Австралия (при самом высоком к ней уровне общих симпатий) набирала по разным территориям от 2 до 12% голосов, Западная Европа — от нуля (Биробиджан) до 15% (Приморский край), США — от 6% (Биробиджан) до 16% (Приморье). Таким образом, Китай и в силу его географической близости, и по причине мощного экономического потенциала стал одним из самых желаемых партнёров для всех территорий.

Сравнение результатов опросов за последние годы показывает, что внутрирегиональные связи в пределах Дальнего Востока становятся более важным приоритетом и для региона в целом, и для некоторых территорий — Магадана, Благовещенска, Биробиджана — в особенности. Обращает на себя внимание и постепенное осознание дальневосточниками значимости отношений с европейскими территориями России.

Любопытны возрастные предпочтения респондентов (рис. 8). Если в отношении Китая, Европейской России и упоминавшихся в анкетах Австралии, Индии, КНДР мнения представителей различных возрастных групп в основном совпадают, то в отношении США, Южной Кореи, Японии и Сибири они заметно расходятся, формируя несколько пирамид с широким (Япония, США) и узким (Сибирь, Южная Корея) основанием. В 2010 г. среди респондентов старше 50 лет сторонников первостепенного развития отношений с сибирскими и дальневосточными территориями оказалось в два раза больше, чем среди самых молодых. Отношение к США — прямо противоположное.

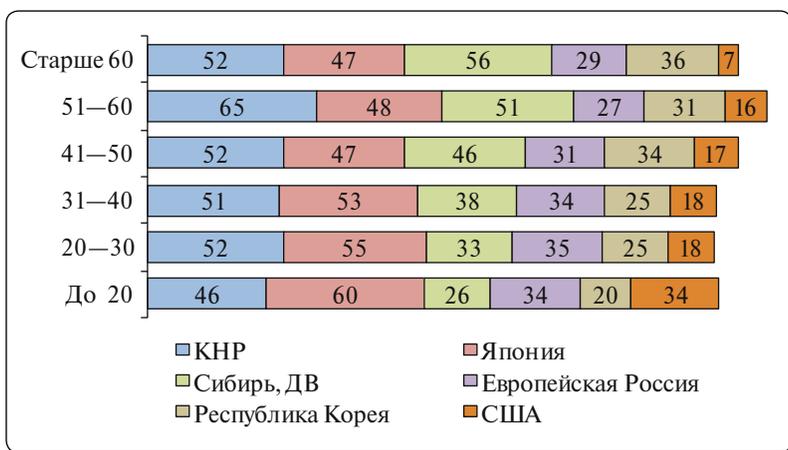

Рис. 8. «С какими странами и территориями Вашему краю (области) следует в первую очередь развивать отношения?» (2010 г., по возрастным группам, до трёх ответов, % от числа опрошенных)

СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

Современное состояние отношений России со странами Северо-Восточной Азии дальневосточники рассматривают оптимистично (рис. 9). В 2008 г. как «хорошие» отношения России с Китаем оценивали 44% респондентов (в том числе как «очень хорошие» — 4%), с Японией — 33% и США — 17%. «Плохими» их считали соответственно 4, 5 и 14%. Видно, что за последние пять лет заметных изменений в оценках не произошло. Все они находятся в пределах допустимых погрешностей. При этом отношения с Китаем и Японией дальневосточники оценивали в 2008 г. всё же чуть более оптимистично, чем за пять лет до этого, а с США — несколько хуже.

Каждый четвёртый респондент в 2008 г. признался, что не имеет представления ни о состоянии, ни о перспективах отношений России с обеими Кореями. В то же время каждый третий (32%) назвал «хорошими» отношения с Южной Кореей, каждый четвёртый (23%) — с Северной.

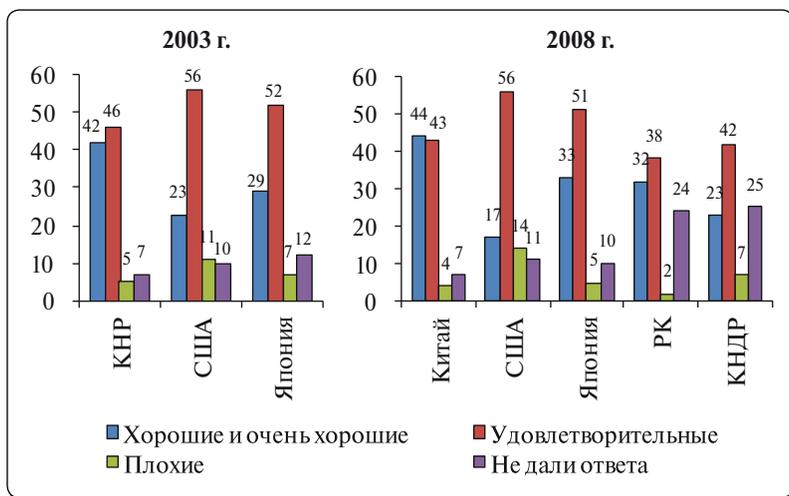

Рис. 9. Оценка состояния отношений России со странами АТР (юг Дальнего Востока, один ответ, % от числа опрошенных)

С ещё большей уверенностью дальневосточники смотрели на будущее международных отношений в Северо-Восточной Азии (рис. 10). В 2008 г. более половины из них (54%) оценили перспективы взаимодействия с Китаем как «хорошие» (в 2003 г. — 48%), а 50% такую же оценку дали будущим связям с Японией (в 2003 г. — 44%). Большие ожидания были связаны и с Южной Кореей, и даже с КНДР. А вот то, что отношения с США будут безоблачными, предполагали только 26% населения (в 2003 г. — 32%).

Традиционно на положительную оценку отношений с Японией не влияет практически однозначный и диаметрально противоположный японскому подход дальневосточников к способам решения курильской проблемы, на протяжении уже шести десятилетий являющейся камнем преткновения в российско-японских отношениях. В 2008 и 2010 гг. от 65 до 68% респондентов высказались против передачи Итурупа, Кунашира, Шикотана и Хабомаи Японии и только 2—5% — за возврат одного, двух или всех островов (подробнее об этом см. в главе 5).

По-разному смотрели на отношения с соседями жители крупных городов Дальнего Востока (табл. 4). В 2008 г. жители

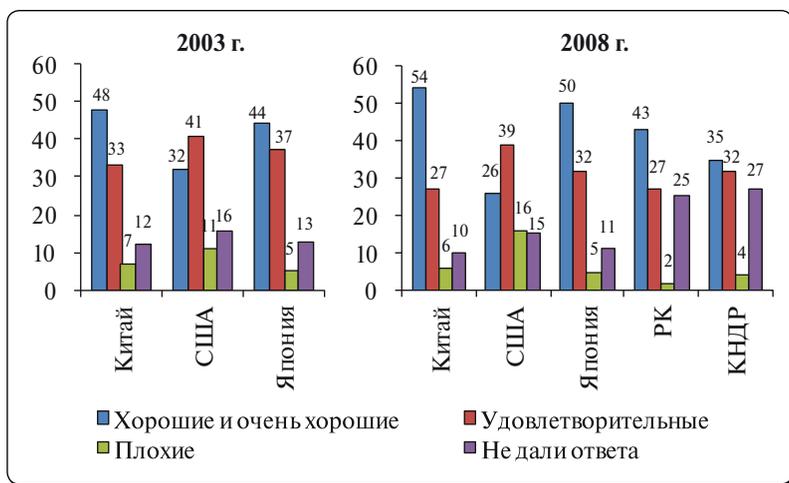

Рис. 10. Оценка перспектив отношений России со странами АТР (юг Дальнего Востока, один ответ, % от числа опрошенных)

Таблица 4

Оценка перспектив отношений России со странами АТР (2008 г., по городам Дальнего Востока,
% от числа опрошенных)

Страна	Оценка	Владивосток	Хабаровск	Благовещенск	Биробиджан	Средний по ДВ
Япония	Хорошие	36	40	34	51	50
	Удовлетворительные	51	46	33	28	32
	Плохие	5	4	14	0	5
КНР	Не смогли оценить	8	10	19	21	13
	Хорошие	47	48	46	55	54
	Удовлетворительные	43	34	25	30	27
	Плохие	4	8	15	4	6
	Не смогли оценить	6	10	14	11	13
США	Хорошие	18	20	17	13	26
	Удовлетворительные	54	41	41	51	39
	Плохие	5	22	25	21	16
РК	Не смогли оценить	23	17	17	15	19
	Хорошие	37	40	31	37	33
	Удовлетворительные	38	34	27	19	27
	Плохие	2	2	7	0	2
	Не смогли оценить	23	24	35	44	28
КНДР	Хорошие	40	31	28	19	35
	Удовлетворительные	32	42	28	28	32
	Плохие	3	3	9	9	4
	Не смогли оценить	25	24	35	44	29

Благовещенска оказались самыми глубокими пессимистами во взглядах на будущее России в регионе, показав наибольший процент негативных оценок. Биробиджанцы — оптимисты в оценке перспектив отношений с Японией и Китаем, но имеют весьма смутные представления о взаимодействии России со странами Корейского полуострова. Владивосток и Хабаровск дали во многом схожие оценки по всем странам.

Респонденты различных возрастов и занятий оценивали состояние и перспективы международных отношений России приблизительно в одном диапазоне. Особенно это было характерно для взглядов на отношения России с США и государствами Корейского полуострова. Тем не менее существовали и определённые отличия.

Рабочие — самые осторожные в своём восприятии Китая, хотя и среди них «хорошими» назвали отношения с этой страной 35% опрошенных. Они же наряду с военнослужащими и пенсионерами наименее уверены в перспективах российско-китайских связей, если слово «наименее» применимо к цифре в 47—48% респондентов, назвавших эти перспективы «хорошими». Самые большие оптимисты — предприниматели и студенты. 70% первых и 60% вторых уверены, что будущее отношений России с Китаем — самое благоприятное.

Разброс во взглядах на связи с Японией значительно шире. Если 45% респондентов от 20 до 30 лет поставили текущему состоянию российско-японских связей оценку «хорошо», то среди лиц старше 50 лет таковых было только 19%, а от 40 до 50 лет — 25%. Та же картина наблюдалась в отношении будущего: среди 20-летних его видели благоприятным 65%, тогда как среди 50-летних — почти вдвое меньше. Только 19% пенсионеров и такой же процент домохозяйек назвали его «хорошим». Однако и отрицательных оценок («плохие») оказалось не более 10% (предприниматели, пенсионеры о современных отношениях и те же предприниматели — о перспективах). Остальные укрылись за формулировками «удовлетворительные» и «трудно сказать».

В оценке отношений с США, Южной и Северной Кореями очевидна одна общая тенденция: те, кому нет 40 лет, смотрели на них более оптимистично, чем уже перешагнувшие этот рубеж.

«ЗАПАД» И «ВОСТОК» В РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ

Отношение индивидуума и социума в целом к тем или иным странам и народам мира определяется комплексом объективных и субъективных факторов. Один из основных — этнокультурный, который является производным от ощущения ими степени своей культурной близости к этим этносам и культурам (или отдалённости от них). Даже просто сравнивая себя с китайцами, корейцами, японцами, россияне подсознательно проявляют свою европейскую природу, собственную ментальность, психотип и общественные ценности, кардинально отличающие их от аборигенов Восточной Азии.

Таблица 5 представляет жителей Восточной Азии и самих россиян такими, какими их видят дальневосточники. Опросы последнего десятилетия дают одну и ту же картину. Китайцев считают трудолюбивыми, хитрыми и предприимчивыми, и в то же время наименее ответственными, вежливыми и честными, нежели те народы, с которыми их сравнивают. Японцы неизменно вежливы, трудолюбивы, ответственны, в то время как корейцы трудолюбивы, предприимчивы и также вежли-

Таблица 5

Типичные черты жителей Восточной Азии в представлении дальневосточников (1997/2003/2008 гг., до трёх качеств по каждому этносу, % от числа опрошенных)

Типичные черты	Китайцы	Японцы	Корейцы	Русские
Трудолюбие	83/65/71	66/48/51	75/49/46	20/20/16
Ответственность	8/7/10	36/37/38	20/23/21	9/9/16
Предприимчивость	34/48/46	34/29/24	31/31/26	18/16/20
Вежливость	7/9/11	52/60/57	14/24/31	4/7/16
Честность	4/2/1	7/13/12	8/7/6	13/20/21
Хитрость	40/41/47	22/11/12	15/17/15	10/15/18
Щедрость	1/2/1	1/2/2	3/2/3	65/47/52
Агрессивность	20/21/35	7/4/6	7/6/7	11/12/16

вы. Сами себя россияне считают прежде всего щедрыми (52% по данным опроса 2008 г.), но значительно менее трудолюбивыми, предприимчивыми и ответственными по сравнению со своими азиатскими соседями.

Существенных временных сдвигов в оценках немного, но они кажутся симптоматичными. Во-первых, заметно вырос показатель агрессивности, приписываемой китайцам (с 20—21% в 1997 и 2003 гг. до 35% в 2008 г.). Это закономерно. Многие туристы отмечали рост агрессивности китайских торговцев и преступности против россиян в приграничных городах Китая. Во-вторых, вырос с 14% в 1997 г. до 31% в 2008 г. показатель «вежливости» у корейцев. Сказываются опыт общения с северо-корейскими рабочими и южнокорейскими бизнесменами.

Любопытно, что в 2008 г. затруднились дать характеристики корейцам 29% дальневосточников, русским — 19, японцам — 15, а китайцам — всего 6%. Получается, мы думаем, что знаем китайцев даже лучше, чем самих себя. Большое заблуждение.

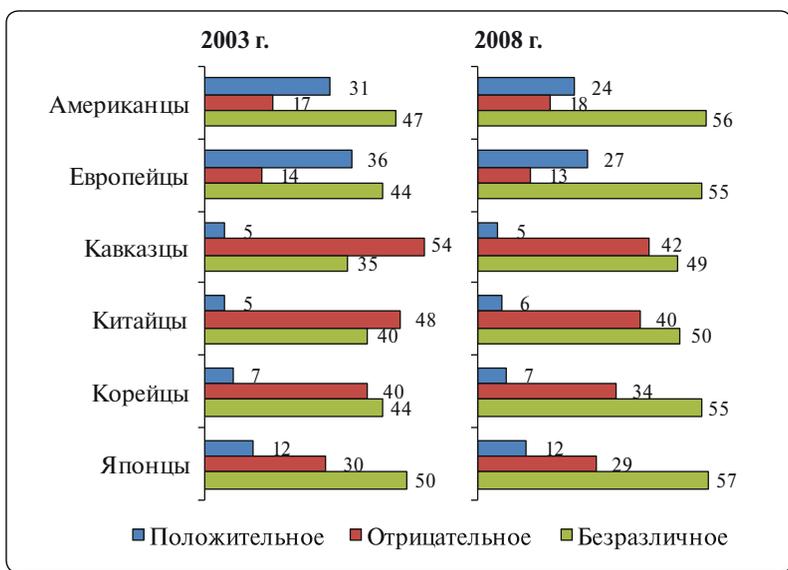

Рис. 11. Отношение жителей юга Дальнего Востока к возможному браку своих родственников с иностранцами (% от числа опрошенных)

Исходя из качеств, которыми дальневосточники наделяют своих соседей и самих себя, они делают предпочтение не только в выборе друзей, но и потенциальных членов семьи. Отвечая на вопрос о возможном отношении к браку своих родственников с гражданами зарубежных государств (*рис. 11*), жители Дальнего Востока отдают очевидное предпочтение носителям близкой им западной культуры — европейцам и американцам. Позитивно настроены на брак своих родственников с европейцами и американцами 28 и 25% опрошенных, тогда как с китайцами — 6%, корейцами — 7, а японцами — 12%.

Аналогичные результаты были получены во время опроса на территории Приморского края в 1998 г. Тогда с одобрением отнеслись бы к браку своих родственников с гражданами КНДР и КНР по 2% опрошенных, не одобрили бы этого брака соответственно 49% (КНР) и 46% (КНДР) опрошенных, признали это личным делом вступающих в брак по 36%, затруднились с ответом по 9% респондентов.

В то же время в последнее время дальневосточники стали относиться к межнациональным бракам немного терпимее. Если в 2003 г. отрицательно восприняли бы брак своих родственников с китайцами, корейцами и представителями Кавказа соответственно 48, 40 и 54% респондентов, то в 2008 г. против брака с китайцами высказались 40%, корейцами — 34, а с представителями Кавказа — 42%, т.е. на 6—12% меньше. В то же время на 8—12% увеличилось число опрошенных, которые заявили, что выбор спутника жизни — это личное дело их родственников.

Эти результаты подтверждаются ответами на вопросы анкет 2003 и 2008 гг., которые являются прямым тестом на степень толерантности россиян к неевропейским народам и культурам: «*Ощущаете ли Вы своё превосходство*» и «*Возникает ли у Вас чувство отторжения при общении*» с китайцами, японцами, корейцами?

В 2003 г. мнения распределились почти поровну: 29% респондентов сообщили, что они «*ощущают своё превосходство*» над китайцами, «*не задумывались*» над этим 32%, ответили «*нет*» 38% опрошенных. Каждый третий респондент (34%)

также признался, что *«испытывает отторжение»* при общении с китайцами. Для 39% подобные чувства незнакомы, а 26% не отмечали их у себя.

Сопоставимые цифры были получены в ходе опроса 2008 г.: *«испытывают чувство превосходства»* над китайцами 28% респондентов и отторжения (при общении с ними) — 29%. Учтём, что далеко не каждый россиянин готов признаться в своём неприятии другой культуры или высокомерном отношении к её представителям. Существует определённое чувство внутреннего стыда, которое заставляет некоторых из них уклониться от честного ответа даже в анонимной анкете. В результате *«спрятались»* за обтекаемой формулой *«не задумывались»* или уклонились от ответа при оценке своих отношений с китайцами от 37 до 42% респондентов, а с японцами — без малого половина опрошенных дальневосточников (рис. 12).

В то же время отношение дальневосточников к корейцам и японцам иное. В наличии чувства превосходства над первыми признались 14%, над вторыми — 9% респондентов, чувства отторжения к ним испытывают соответственно только 10 и 6%.

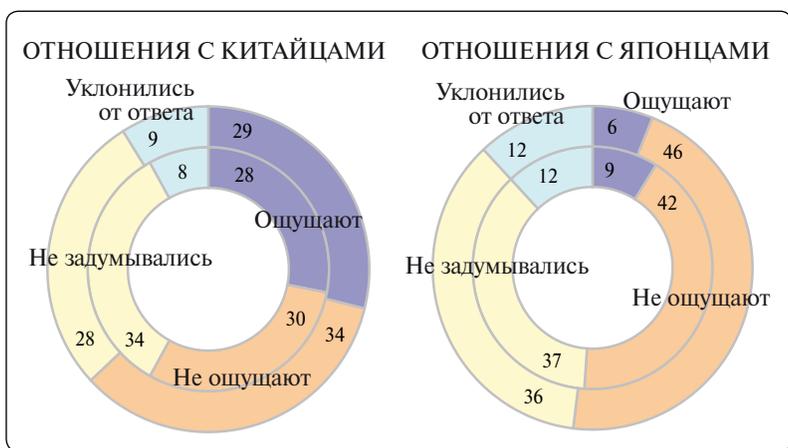

Рис. 12. Ощущения дальневосточников при общении с жителями Восточной Азии (внутренний круг — чувство превосходства, внешний — чувство отторжения. 2008 г., юг Дальнего Востока, % от числа опрошенных)

Есть ещё одна интересная особенность этой проблемы. Если в отношении к китайцам какие-то гендерные различия не обнаруживаются, то в отношении к японцам и корейцам они налицо. Тех, кто ощущает превосходство над корейцами и японцами, среди мужчин в два раза больше, чем среди женщин (19% против 9% — над корейцами и 12% против 6% — над японцами). Та же картина среди тех, кто испытывает отторжение при общении с ними. В отношении японцев разница также в 2 раза (8% у мужчин против 4% у женщин), корейцев — в 1,7 раза (12% против 7%).

Разница в восприятии представителей трёх азиатских государств и отношении к ним убеждает, что в основе неприязни китайцев — не цвет лица и разрез глаз, не расовая нетерпимость и «великорусский шовинизм», о котором уже иногда пишут китайские и западные исследователи³. Главные причины этих чувств, по ощущениям самих респондентов, кроются в манерах поведения жителей Азии (27% респондентов), их внешнем виде (11%) и языке (7%). Каждый пятый из опрошенных (19%) признался, что эти чувства он испытывает подсознательно. Корни проблемы — в той среде, с которой преимущественно приходилось сталкиваться жителям российского приграничья — жителями окраинных территорий Китая, выходцами из села, рабочими, мелкими торговцами и предпринимателями из бывших крестьян, явно не самой культурной частью китайского общества. Неудивительно, что их манеры раздражали, отталкивали, вызывали негативные чувства и отрицательные эмоции. Отсюда недовольство жителей российского приграничья тем, что китайцы «ведут себя, как дома», «как хозяева», «громко разговаривают, матерятся, плюются», «на рынке ведут себя безобразно, некорректно». «Постоянно на рынке они грязные, что-то жуют вонючее», а поэтому «всегда вызывают чувство брезгливости»⁴. Как написал в 1994 г. в инициативном ответе один из респондентов, «их нечистоплотность и наглость раздражают». Наблюдаемые дальневосточниками манеры поведения и внешний вид этих китайцев автоматически экстраполировались на образ всех жителей КНР. А уже вевшийся в подсознание россиян страх перед «жёлтой угрозой» питал их

инстинктивное неприятие «носителей» этой угрозы. Японцев, главной чертой характера которых дальневосточники называют «вежливость», и корейцев, которые давно уже — благодаря значительной корейской диаспоре — вписались в дальневосточное сообщество, воспринимают иначе.

Анализ взглядов группы респондентов, выразивших негативное отношение к бракам с китайцами, корейцами и японцами, позволил предположить, что как минимум четвертая часть жителей юга Дальнего Востока (по нашим оценкам, 27—28%) вообще настроена против браков с представителями азиатских культур, а 12—15% населения — к межнациональным бракам в принципе. Из тех 238 респондентов, что (по результатам опроса 2008 г.) отрицательно восприняли бы брак своих родственников с японцами, 95% аналогично отнеслись бы к их свадьбе с корейцами, 96% — с китайцами, 49% — с американцами и 42% — с жителями европейских государств. Из 322 противников российско-китайских браков отрицательно к бракам с корейцами относятся 80%, японцами — 71%, американцами — 40% (табл. 6).

Таблица 6

**Отрицательное отношение к межнациональным бракам
(2008 г., юг Дальнего Востока, чел., % от численности группы)**

Гипотетические партнёры по браку	В целом, респонденты (815 чел. = 100%)		Отрицательно — с китайцами (322 чел. = 100%)		Отрицательно — с японцами (238 чел. = 100%)	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Китайцы	322	40	322	100	228	96
Корейцы	277	34	258	80	226	95
Японцы	236	29	229	71	238	100
Американцы	147	18	129	40	117	49
Европейцы	106	13	103	32	100	42

41% респондентов, что отвергают браки с китайцами, считают себя выше их, у 40% граждане КНР вызывают отторжение. Причины отторжения для каждого третьего (33%) из этой категории респондентов — это манеры поведения жителей

Поднебесной; каждый четвёртый (24%) сослался на подсознательное их неприятие; 16% объяснили это внешним видом китайцев, а 9% — трудностями языкового общения.

В группе респондентов, кто не приемлет браки с жителями Страны восходящего солнца, чувство отторжения к японцам испытывают только 13%. Однако к китайцам неприязненные чувства обнаружили уже 39% из них, а к жителям Кавказа — 43%. В своём превосходстве над японцами уверены 18%, тогда как над китайцами — 39, корейцами — 22, жителями Кавказа — 30%. Главное, что влечёт за собой неприятие и отторжение — манеры поведения представителей азиатских народов (29%). Каждый четвёртый опрошенный (24%) заявил об их подсознательном неприятии.

Отношение дальневосточников к той или иной стране и её гражданам не всегда тождественно. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос анкеты 2008 г.: *«Изменилось ли за последние 10 лет Ваше отношение к Китаю и китайцам, Японии и японцам?»* Приблизительно равное количество респондентов ответили, что их отношение к Китаю и Японии улучшилось (соответственно 35 и 30%). Хуже стали относиться к Китаю 14% опрошенных (разность между «лучше» и «хуже» составила +21%), к Японии — только 4% (разность +26%). Тем не менее убеждённости респондентов в улучшении отношения к этим странам недостаточно, чтобы изменить рейтинг их популярности: и у Китая, и у Японии он остался на уровне 2003 г.

Всего 4% опрошенных признались, что стали хуже относиться к японцам, тогда как улучшилось отношение у 25% (что даёт +21%). Изменили своё отношение к китайцам в худшую сторону 27% респондентов, в лучшую — только 19% (—8%). От 10 до 14% опрошенных затруднились с ответом. Оставшиеся заявили, что их взгляды не изменились.

Среди респондентов, многократно (более 5 раз) бывавших в Китае (а таких обнаружилось 17% от числа опрошенных, или 141 чел.), лучше стал относиться к этой стране каждый второй (50%), хуже — в три с лишним раза меньше (15%). К самим же китайцам стали относиться как хуже, так и лучше почти равное число респондентов этой категории — соответственно 28

и 26%. Очевидно, что частые поездки в Китай благоприятно сказываются на образе этой страны в сознании россиян, но вот восприятие и понимание её повседневной жизни и бытовой культуры, как и самих китайцев, для многих жителей Дальнего Востока является трудной задачей. В результате проблема межкультурного общения и межкультурных контактов остаётся в российско-китайских отношениях одной из ключевых.

Пять лет назад самооценки дальневосточников относительно динамики их восприятия Китая и китайцев были схожи: тогда об улучшении своего отношения к КНР заявили 34% респондентов, об ухудшении — 9%, к китайцам соответственно стали лучше относиться 15%, хуже — 23% (те же 8%, что и в 2008 г.) опрошенных жителей региона.

Как показывает анализ, симпатии в разной степени зависят от личного знакомства с той или иной страной. В 2006 г. из тех опрошенных жителей Приморья, кто никогда не бывал в КНР, наибольшие симпатии к этой стране испытывали 7%; из тех, кто бывал 1—2 раза, — 5%, 3—5 раз — 8% и бывал многократно — 5% (табл. 7). Напротив, более близкое знакомство с Японией снижает уровень симпатий к ней: только 20% из тех, кто побывал в этой стране многократно, назвали её страной, вызывающей наибольшие симпатии, тогда как среди посещавших страну 1—2 раза таких насчитывается 43% (подробнее о влиянии этого фактора на восприятие Японии см. главу 5).

Таблица 7

**Доля лиц, бывавших в Китае и Японии,
выразивших наибольшие симпатии к этим странам
(2006 г., Приморский край, чел., в скобках — %)**

Количество посещений страны собственных симпатий, раз	Всего посетили КНР	Симпатии к КНР	Всего посетили Японию	Симпатии к Японии
0	269 (44)	18 (7)	447 (73)	110 (25)
1—2	135 (22)	7 (5)	92 (15)	39 (43)
3—5	104 (17)	8 (8)	12 (2)	3 (25)
Многократно	104 (17)	5 (5)	31 (5)	6 (20)

Таким образом, если отношение к Японии и японцам на юге Дальнего Востока является однозначно положительным, то к КНР и её гражданам — очень противоречивым.

Интересен анализ структуры условно выделенных групп сторонников тех или иных государств, т.е. пристрастий тех людей, которые свои главные симпатии выразили Японии, КНР, США и Южной Корее. Полное представление об этом дают таблицы, составленные по материалам опроса 2008 г.

Первая из них (*табл. 8*) показывает, как выразили свои симпатии к этим странам различные группы населения Дальнего Востока. Вторая (*табл. 9*) раскрывает внутреннюю структуру участников каждой группы, симпатизирующих той или иной стране.

Таблица 8

Структура симпатий к КНР, Японии, РК и США по группам населения (2008 г., юг Дальнего Востока, % от числа опрошенных)

Категории опрошенных	КНР	Япония	РК	США
Мужчины	10	35	9	10
Женщины	7	36	6	13
Возраст				
До 20 лет	6	33	16	27
21—30	11	40	9	11
31—40	6	35	6	14
41—50	8	41	6	8
51—60	10	32	8	10
Старше 60 лет	8	23	5	6
Род деятельности				
Студенты	9	34	11	17
Рабочие	9	36	8	11
Интеллигенция	10	43	8	9
ИТР	8	36	7	11
Предприниматели	20	37	3	10
Военнослужащие	9	34	6	13
Пенсионеры	10	19	3	8
Домохозяйки	0	23	12	23
Доля посещавших страну/более 3 раз	56/32	16/5	12/4	Нет данных

Таблица 9

Структура групп респондентов, выразивших симпатии странам АТР (2008 г., юг Дальнего Востока, % от численности каждой группы)

Категории опрошенных	Доля в общей численности (815 чел. = 100%) респондентов	КНР (72 чел.)	Япония (269 чел.)	РК (64 чел.)	США (92 чел.)
Мужчины	49	56	49	58	45
Женщины	48	40	48	39	54
Возраст					
До 20 лет	8	6	7	16	18
21—30	25	32	28	28	24
31—40	17	13	17	13	21
41—50	20	17	22	16	14
51—60	17	18	15	17	14
Старше 60	10	7	6	6	5
Род деятельности					
Студенты	13	14	12	19	20
Рабочие	15	15	15	16	14
Интеллигенция	23	26	28	23	18
ИТР	19	17	19	17	20
Предприниматели	4	8	4	2	3
Военнослужащие	6	6	6	5	7
Пенсионеры	11	13	6	5	8
Домохозяйки	3	0	2	5	7
Доля посещавших страну/более 3 раз	Нет данных	78/57	28/8	22/11	Нет данных

Очевидно, что среди лиц, симпатизирующих Японии, почти поровну мужчин и женщин. К Китаю и Республике Корея лучше относятся мужчины, а к США — женщины. Среди молодых людей в возрасте до 20 лет преобладают поклонники США и Кореи. Возраст трети респондентов, симпатизирующих Китаю, — от 20 до 30 лет. Наименее склонны расточать кому-либо свои симпатии — пенсионеры и домохозяйки. Последние наряду с молодёжью до 20 лет и студентами — наибольшие сторонники Америки и в то же время плохо приемлют Китай. Интеллигенция предпочитает Японию, бизнесмены — Китай.

Зарубежные симпатии и приоритеты дальневосточников наряду с оценкой внутренней ситуации в России и на Дальнем Востоке являются главными мотивами, влияющими на их оценку состояния и перспектив отношений России с зарубежными государствами.

-
- ¹ По разным оценкам, сегодня в Китае постоянно живут и работают 10—15 тыс. граждан РФ.
  - ² Летом 2010 г. эти тенденции подтверждены интернет-опросом, проведенным компанией «Восток-медиа». На вопрос «По вашему мнению, с кем из соседей по дальневосточному региону надо дружить России?» из 5472 интернет-пользователей 37% выбрали ответ «со всеми», 23% — «с Китаем», 18% — «с Японией», 4% — «только с демократическими странами». США, РК и КНДР соответственно назвали 5, 3 и 2%. Заявили, что им «всё равно» 4% респондентов. <http://www.vostokmedia.com/?polls;19>.
  - ³ См., к примеру, статью цзилинского учёного Юй Гочжэна, который писал о «глубинных культурно-психологических факторах», обусловивших, по его мнению, нынешнее сугубо пренебрежительное, высокомерное и негативное отношение россиян к китайцам в России. В перечне этих факторов — великорусский шовинизм, расизм, агрессивность, подозрительность, высокомерное отношение к чужим культурам и нетерпимость к другим народам. В совокупности это представляется как типичные черты национального характера русских (Юй Гочжэн. Элосы юаньдун дицью юй чжунго гуаньсидэ чжиюэ иньсу фэньси = Анализ факторов и условий отношений Дальнего Востока России с Китаем // Дуньюу чжунья яньцзю. 2002. № 4. С. 60—65). Американский исследователь Дж. Мольц обнаружил даже «антииностранные и антиазиатские тенденции в региональной культуре» Дальнего Востока (Moltz J. C. Regional Tensions in the Russo-Chinese Reapproachment // Asian Survey. 1995. Vol. 35. N. 6. June. P. 513).
  - ⁴ Китайцы — гости, но с хозяйскими замашками (Амурская правда. 1997, 6 дек.). Аналогично, как на людей «второго сорта», смотрят на китайцев и в Иркутске (см.: Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? М.: Наталис, 2000. С. 148—155).

КИТАЙ И КИТАЙЦЫ

Подводя итоги своим размышлениям о современном Китае, российско-китайских отношениях, внешней политике обоих государств, один из ведущих российских китаеведов В.Г. Гельбрас пришёл к выводу, что «Китай превратился в один из конституирующих факторов существования и развития России»¹. С ним нельзя не согласиться, особенно если речь идёт о Тихоокеанской России.

К началу XXI в. Китай стал органической составляющей не только экономической, политической, культурной жизни Дальнего Востока, Забайкалья, Восточной Сибири, но и частью общественного сознания россиян, проживающих вдоль протяжённой (свыше 4 200 км) границы с этим государством. Уже в начале 1990-х годов, когда на пустые прилавки городов и посёлков дальневосточных территорий мощным потоком хлынули продукты питания и ширпотреб из китайских приграничных провинций, сформировалась экономическая зависимость российского приграничья от соседней страны. Дальний Восток прочно «сел на иглу» китайских мяса, овощей, фруктов, стройматериалов, обуви, недорогой одежды и прочих необходимых и местной экономике, и рядовому обывателю товаров.

Важными элементами политического климата в регионе были процесс демаркации российско-китайской границы (вплоть до 1998 г.), а затем судьба неразделённых островов на реках Амур и Аргунь. Одновременно массовое китайское присутствие не только в приграничных Хабаровском и Приморском краях, Амурской, Читинской и Еврейской автономной областях, но и на отдалённых от Китая Сахалине, Камчатке, в Магадане оказывало соответствующее влияние на рынки труда, уровень цен, состояние правопорядка, настроения и общественное поведение населения этих территорий².

В начале 1990-х гг., к моменту фактического открытия границы между Россией и КНР, о Китае на Дальнем Востоке не знали почти ничего. В сознании населения мерцал расплывчатый образ многонаселённой и бедной страны, дополненный уже смутными воспоминаниями о «тёплой дружбе» 50-х и пограничных конфликтах конца 60-х гг. XX в. С 1992 г. начался процесс интенсивного движения через границу в обоих направлениях. Массовый индивидуальный, межличностный обмен вдоль линии российско-китайской границы дал возможность обеим сторонам сформировать достаточно устойчивые образы друг друга, представления о соседней стране и её жителях. Эти представления стали важной основой для принятия политических и экономических решений, связанных с российско-китайскими отношениями на региональном уровне, фоном приграничного взаимодействия между двумя странами.

Неудивительно, что проблема восприятия россиянами Китая и китайцев, как и взглядов самих китайских мигрантов на Россию и россиян, стала одной из активно изучаемых и обсуждаемых не только в дальневосточном научном сообществе, но и в столице. С конца 1990-х годов социологические опросы россиян о Китае и китайских мигрантах о России проводились регулярно, разными организациями и на различном уровне. Одним из самых фундаментальных стал опрос китайцев и россиян в Москве, Хабаровске, Владивостоке и Уссурийске, организованный московским Центром Карнеги осенью 1998 — весной 1999 г. Анализ его результатов прекрасно представлен в монографии В.Г. Гельбраса³. В 2000 и 2005 гг. социологическим изучением китайской миграции в Приморском крае занимался профессор М. Алексеев (США)⁴. Периодические опросы проводились учёными-демографами, политологами, социологами в Хабаровске⁵, Благовещенске⁶, Иркутске⁷, Владивостоке⁸. Наконец, моментальные срезы общественного мнения по узкому кругу вопросов делали общероссийские исследовательские организации, в частности, Фонд «Общественное мнение» и Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ)⁹.

В значительной степени результаты, полученные в ходе этих многочисленных опросов, совпадают, хотя есть и определённые различия, обусловленные временем их проведения, структурой и формулировкой вопросов, целями и задачами, которые ставили перед собой исследователи, а также их устоявшимися взглядами на проблему. Кое-кто видит то, что желает видеть.

Однако все эти опросы носили либо разовый, либо локальный, ограниченный пределами одной территории характер. Наши же исследования велись в течение полутора десятилетий. Некоторые темы ставились и отслеживались на протяжении всего этого времени, со времени первого опроса осенью 1994 г. и до последнего, проведённого летом 2010 г. и представленного в этой книге, что и позволяет нам говорить не только о состоянии общественного мнения на тот или иной период истории, но и о его динамике.

Четыре фактора определяли в 90-е гг. XX — начале XXI в. характер общественного мнения Тихоокеанской России в отношении Китая и его граждан: 1) развитие по нарастающей отношений между двумя государствами на высшем политическом уровне; 2) процесс российско-китайского приграничного взаимодействия, включая экономические связи и миграционную динамику вдоль линии границы; 3) риторика и политика региональных властей в отношении КНР; 4) настрой средств массовой информации.

Важнейшие шаги в создании благоприятной политической атмосферы для развития двусторонних отношений были предприняты в середине 1990-х. В *Совместной российско-китайской декларации* от 25 апреля 1996 г. стороны провозгласили «решимость развивать отношения равноправного доверительного партнёрства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке». Москва и Пекин заявили о неприятии политики «гегемонизма», отрицательном отношении к расширению НАТО на Восток, признании чеченской проблемы «внутренним делом России», а Тайваня и Тибета — неотъемлемыми частями Китая¹⁰.

16 июля 2001 г. Россия и КНР подписали *«Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой»*. Другим важным событием 2001 г. стало создание *Шанхайской организации сотрудничества* (ШОС). Руководители двух государств оценивали российско-китайские отношения как «лучшие за всю историю».

Приграничные связи имели преимущественно торгово-экономический характер. Экономические мотивы вели стороны к сближению. Территориальные и групповые экономические интересы и индивидуальные меркантильные соображения лежали в основе формирования региональной политики. Однако эти мотивы корректировались индивидуальными и групповыми предпочтениями, предубеждениями, страхами и фобиями.

Неприятие китайцев, непонимание реалий китайской провинции, с которой прежде всего и приходилось иметь дело приграничным властям, наплыв в Россию массы желтолицых «туристов» и рабочих и порождённый этим страх перед «китайской экспансией», невнятность российской политики в отношении КНР, непонимание перспектив развития восточных районов России и потенциальной роли в этом Китая, запутанность проблемы с демаркацией российско-китайской границы, узость политического мышления, отсутствие личной заинтересованности региональных и некоторых московских политиков и чиновников сделали многих из них если не недругами, то, по крайней мере, не сторонниками «Срединного государства»¹¹.

С середины 1992 г. российские СМИ начали эксплуатировать идеи «китайской экспансии» и «китайской угрозы». Уже в 1993 г. синдром «жёлтой опасности» начал серьёзно влиять как на восприятие Китая местными политиками и властями, так и на избираемую ими тактику в отношениях с соседними провинциями. Резкое (с лета 1995 г.) сближение России с Китаем, воплотившееся в договор об их «стратегическом партнёрстве», заставило региональных и федеральных чинов-

ников и прессу быть более взвешенными и осторожными в высказываниях, но не изменило их общего настроения. Упражнялись на этой ниве и некоторые деятели науки, далеко не всегда имевшие хотя бы минимальное представление о Китае, не считавшие своим долгом предупредить мир о грядущей угрозе¹².

В результате в 1990-е годы в дальневосточном обществе и стихийно, и сознательно формировались антикитайские настроения, которые создали общий фон российско-китайских приграничных связей и серьёзно влияли на их характер и развитие. Такая нездоровая психологическая атмосфера определяла отношение славянского населения региона к людям с иным цветом и овалом лица, разрезом глаз, манерами общения и поведения — китайцам.

Публикации прессы, заявления политиков, позиция ряда учёных, личный опыт россиян в своей совокупности создали общественное мнение о Китае и китайцах, о настоящем и будущем российско-китайских отношений, сформировали настроения масс, властей и бизнеса, которые играют всё большую роль и значение в трансформации уже сложившихся приграничных связей. Фактически именно им российско-китайские отношения, особенно на региональном уровне, обязаны высокой степенью идеологизации, сильным влиянием эмоций и стереотипов, перед которыми пасовали трезвый рассудок, прагматические интересы, реалистические подходы и рациональные решения.

КНР: ОБЩИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Как уже было показано в главе 3, на протяжении последнего десятилетия «зарубежные пристрастия» населения юга Дальнего Востока России были достаточно стабильными. Все эти годы Китай наряду с другими упоминавшимися в анкетах государствами Азии (КНДР, Республика Корея, Вьетнам, Индия) не фигурировал среди главных приоритетов жителей российского Дальнего Востока. Хотя половина населения при прямо

поставленном вопросе определяла своё отношение к Китаю как «хорошее» (по данным опроса 1994 г.), однако при наличии альтернативы оказывалось, что другие страны для многих респондентов были приятнее и ближе. При ответах на комплексный вопрос о выборе стран, вызывавших наибольшие симпатии, желательных направлениях туризма, временной работе и эмиграции, доля лиц, признававшихся в особых симпатиях к КНР ограничивалась пределами 4—6%. Чуть большим (5—9%) был процент людей, выбиравших Китай в качестве объекта туристических пристрастий. Желавших временно поработать в этой стране было не более 2% от числа опрошенных, а готовых эмигрировать туда — максимум 1%.

Определённый сдвиг в отношении дальневосточников к Китаю продемонстрировали опросы 2008 и 2010 гг. Процент симпатизирующих КНР вырос сначала до 9%, а потом до 16%, готовых посетить страну в качестве туристов — до 14 и 20%, соответственно временно там поработать — до 9% и даже выехать в Китай на постоянное жительство — до 3—4%. Вероятно, толчок к изменению отношения жителей Дальнего Востока к Китаю связан с результатами проведённого в 2007 г. Года Китая в России, в течение которого российские СМИ не только представили большое количество материалов о КНР, но и заметно изменили тональность в освещении китайской действительности и китайского присутствия в России. Дальнейший рост популярности и туристической притягательности КНР, вероятно, связан с проведением Олимпиады 2008 г. в Пекине, Экспо-2010 в Шанхае и впечатляющими экономическими достижениями страны.

Динамика изменения отношения к Китаю хорошо прослеживается на примере Приморского края, где опросы проводились наиболее регулярно. Хотя взгляды приморцев несколько отличаются от «среднедальневосточных», они полностью подтверждают отмеченные выше тенденции (*рис. 1*).

Структурный анализ результатов опроса 2010 г. свидетельствует, что среди дальневосточников-мужчин, симпатизирующих Китаю (19% от числа таких респондентов) больше, чем женщин (13%). Среди 40-летних их вдвое больше, чем среди

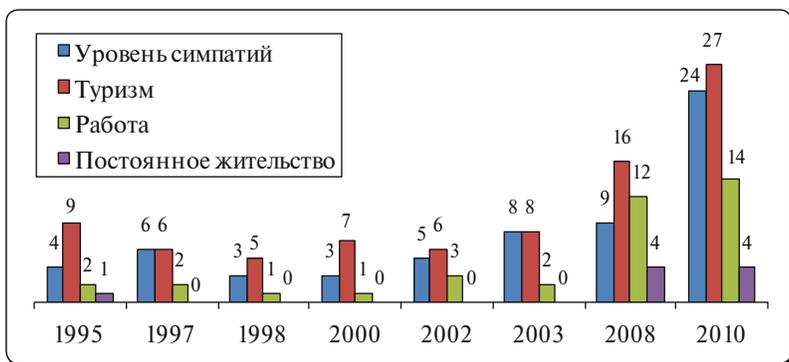

Рис. 1. Динамика отношения жителей Приморского края к Китаю (% от числа ответов)

молодых людей в возрасте до 20 лет (22% против 11% по этим группам). Наконец, Китай больше нравится лицам со средним (22%), чем с высшим (14%) и незаконченным высшим (13%) образованием. Профессиональный срез показывает, что наибольшими симпатиями Китай пользовался у руководителей и их заместителей (21% от числа опрошенных лиц этой категории в 2003 г. и 18% в 2010 г.), предпринимателей (20% в 2008 г. и 31% в 2010 г.), наименьшими — у домохозяек (близко к нулю в 2003 и 2008 гг.).

Если исходить из географии опроса, то наивысший уровень симпатий к этой стране, как правило, проявлялся на пограничных территориях. Например, в Благовещенске (20% от числа опрошенных в 2008 г.) или пос. Пограничном Приморского края (19% в 2003 г.). Это кажется естественным, поскольку жизнь и — главное — экономические интересы многих их жителей напрямую связаны с КНР. В то же время в Биробиджане, серьезно озабоченном проблемой «китайской экспансии», в 2010 г. симпатии КНР выразили только 6% респондентов.

Страной, куда бы они переехали на постоянное жительство, в 2003 г. Китай назвали трое рабочих, по одному представителю студенчества и интеллигенции и даже один военнослужащий. В 2008 г. такое намерение выразили уже 33 респондента, среди которых 8 студентов и столько же

представителей интеллигенции, а также 13 служащих. Не было среди желающих перебраться в КНР только военнослужащих и домохозяек. В 2010 г. среди 24 выразивших такое намерение респондентов больше всего оказалось ИТР (7) и студентов (5).

Наибольший процент лиц, готовых переехать в Китай, обнаружился в 2008 г. в Благовещенске (9% от числа опрошенных в этом городе). Действия администрации г. Хэйхэ, активно привлекающей благовещенцев в свой город, дали свои плоды¹³. А вот среди опрошенных респондентов в городах Биробиджане и Дальнегорске в 2008 г. и в Магадане в 2010 г. желающих жить в КНР не нашлось.

Причины выбора Китая в качестве объекта симпатий концентрируются в трёх сферах: экономические достижения страны (22% симпатизирующих Китаю указали на этот фактор в 2003 г.), его история (21%), культура и традиции (те же 21%). Для сравнения отметим, что экономические достижения США и Японии также являлись основным ориентиром для тех жителей Дальнего Востока, кто отдавал свои симпатии этим государствам. Хотя при этом качество китайских товаров респонденты оценивали очень низко, явно отталкиваясь от того, что они вынуждены были приобретать на китайских рынках российских и приграничных китайских городов.

Очевидно, что именно достижения КНР в сфере экономики изменили отношение дальневосточников к Китаю в начале XXI в. (что ярко продемонстрировали результаты опросов 2008 и 2010 гг.) и породили как рост общих симпатий, так и число лиц, желающих жить и работать в этой стране. А вот ссылки на историю и традиции Китая являются скорее отзвуком смутных представлений жителей региона о своём великом соседе, чем отражением конкретных знаний о нём. Простейший тест на знание истории и культуры страны, заложенный в анкеты 2003 и 2008 гг., — тому свидетельство.

В целом естественно было бы предположить, что немало жителей Дальнего Востока имеют хотя бы общие представления о современных политических и экономических реалиях соседей, тем более тех, к которым они питают особые симпатии. В определённой степени так оно и есть. По крайней ме-

ре, «отца» китайских экономических реформ Дэн Сяопина идентифицировали как политика почти половина опрошенных (45% в 2003 г. и 49% в 2008 г.). Каждый третий респондент (31%) в 2008 г. признал в Ху Цзиньтао политика. Самыми просвещёнными в этой области оказались хабаровчане: 67% опрошенных в 2008 г. правильно определили сферу деятельности Дэн Сяопина и 46% — Ху Цзиньтао.

Значительно хуже обстоит дело со знаниями по истории и культуре. Цинь Шихуана, первого правителя объединённого Китая, назвали правильно императором 14% опрошенных в 2003 г. и 24% в 2008 г., Лу Синя — писателем соответственно 9 и 18%, а Ци Байши — художником лишь 6 и 10%. При этом три четверти опрошенных правильно определили характер занятий Конфуция, что на 20% больше, чем в 1994 г. Можно предположить, что уровень познания Китая дальневосточниками постепенно растёт, хотя и очень медленными темпами. Однако даже в более просвещённых Хабаровске и Владивостоке Цинь Шихуана смог идентифицировать лишь один из четырёх, а Лу Синя — один из пяти респондентов.

Закономерно, что лица с высшим образованием обладают более глубокими представлениями о Китае, чем те, кто имеет аттестат школы или диплом техникума. Но и среди них треть опрошенных не знает Дэн Сяопина, 58% — Ху Цзиньтао, 68% — Цинь Шихуана, 11% — Конфуция. Любопытно также, что среди респондентов, которые негативно оценили нынешнее состояние российско-китайских отношений, лиц, способных идентифицировать Дэн Сяопина и Цинь Шихуана, оказалось вдвое меньше, чем среди тех, кто охарактеризовал состояние российско-китайских отношений как «хорошее».

Наверняка, в Европейской России или Сибири показатели уровня знаний населения о Китае будут ещё ниже. Но в данном случае речь идёт о жителях приграничья, которые в обычной жизни постоянно контактируют с китайцами, работают с ними, и в их сознании и подсознании уже прочно укоренился фактор соседства с Китаем. А плохое знание страны, её истории, традиций, менталитета её жителей — мощнейший барьер на пути к эффективному с ней сотрудничеству.

ОТНОШЕНИЕ К КИТАЙЦАМ

Присутствие граждан соседнего Китая на территории России стало для Дальнего Востока повседневностью. Соответственно должны были и уже сложились достаточно устойчивые представления о жителях Поднебесной.

Характер отношения дальневосточников к китайцам¹⁴ формировался под влиянием нескольких факторов. Первый — восприятие (или неприятие) самих китайцев как представителей иной расы и цивилизации, чуждой и малопонятной культуры. Второй — интерпретация политики Китая в отношении России. Третий — степень сложившейся зависимости — будь то территориальная или личная — от взаимодействия с этой страной. Можно привести четвёртый, пятый, шестой факторы, но совершенно очевидно, что отношение к китайцам — явление уникальное, не повторяемое в отношениях с каким-либо другим народом.

Восприятие китайцев

Немаловажное значение в формировании отношения населения к китайцам имели их этносоциальные характеристики, которые уже в начале 1990-х гг. прочно утвердились в сознании населения и впоследствии практически не подвергались каким-то заметным изменениям. Главное качество, которым дальневосточники наделяли китайцев — трудолюбие: свыше 65% опрошенных стабильно называли эту черту характера самой типичной для наших соседей. Также высоко оценивалась их предприимчивость. Среди прочих положительных качеств фигурировали вежливость (по разным опросам от 4 до 11%) и ответственность (5—10%). Однако на второе-третье места среди качеств, присущих китайцам, дальневосточники ставили хитрость, на четвёртое — агрессивность. Честность среди главных качеств китайцев назвали лишь от 1 до 4% опрошенных, щедрость — от 1 до 2% (рис. 2).

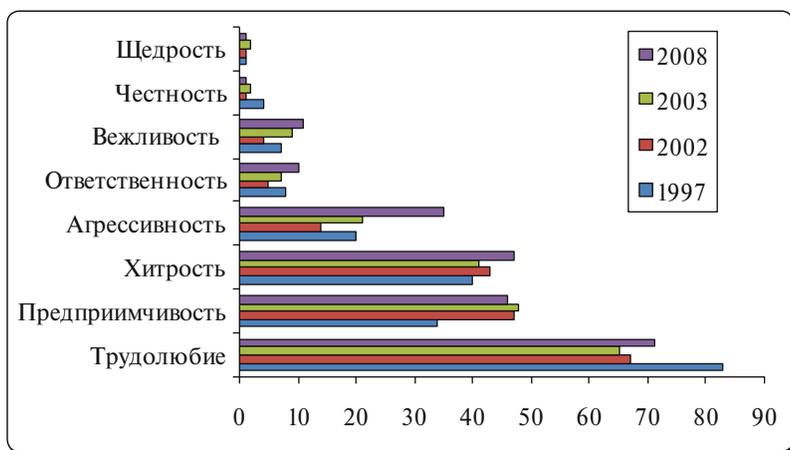

Рис. 2. Представления дальневосточников о наиболее характерных чертах китайцев (не более трёх качеств из предложенного списка, % от числа опрошенных)

Российское общественное мнение уже в начале 1990-х годов сформировало стереотип китайца как человека, в общем, малопривлекательного. По мнению жителей российского Дальнего Востока, в комплексе положительных черт (за исключением трудолюбия) китайцы заметно уступают и японцам, и корейцам, и русским. Поэтому уже в начале 1990-х гг. образовался диссонанс в отношении дальневосточников к КНР и китайцам. К стране относились заметно лучше, чем к её жителям (рис. 3).

Тогда же была выявлена существенная разница в восприятии китайцев лицами в возрасте до 40 лет, с одной стороны, и старшим поколением — с другой. Очевидно, в памяти последних воспоминания о «дружбе» и солидарности 1950-х годов играли существенную роль, в то время как для лиц среднего возраста определяющими моментами стали воспоминания о пограничных конфликтах конца 1960-х гг., а для молодёжи — шокирующие впечатления от знакомства с представителями «Срединного государства» в начале 1990-х. Молодёжь в возрасте до 20 лет неизменно оставалась самой

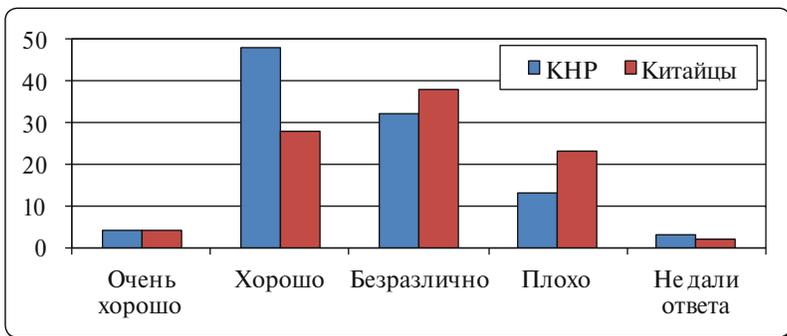

Рис. 3. Отношение дальневосточников к Китаю и китайцам (октябрь 1994 г., % от числа опрошенных)

категоричной и нетерпимой к китайцам. В то же время в отношении дальневосточников к самому Китаю существенных возрастных различий не наблюдалось ни в первой половине 1990-х гг. (рис. 4), ни в последующее время.

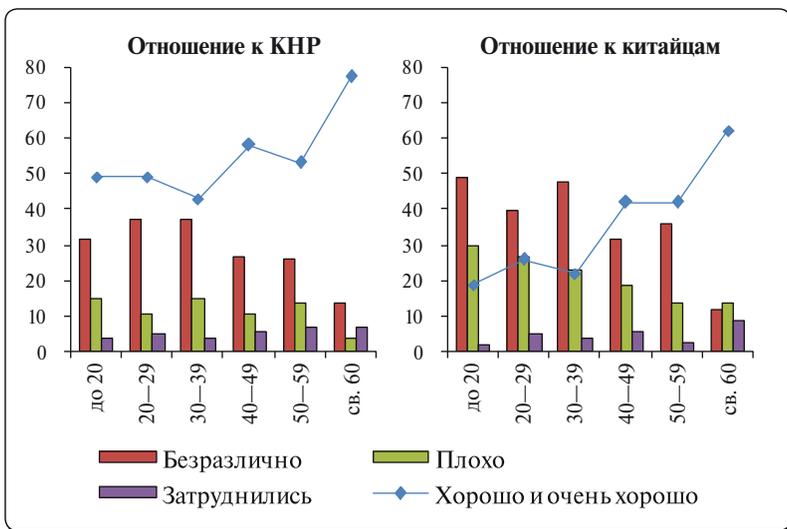

Рис. 4. Отношение дальневосточников к КНР и китайцам (1994 г., по возрасту респондентов, % от числа опрошенных)

Образ китайца, трудолюбивого, предприимчивого, хитрого, одинаков у россиян разных возрастов и уровня образования, мало зависит от места их проживания. Пожалуй, несколько положительнее он у жителей Благовещенска и в глазах представителей руководящего звена, наименее привлекателен для пенсионеров, военнослужащих и домохозяек. Этот образ коррелирует с представлениями дальневосточников о роли и месте китайцев на российском Дальнем Востоке на рубеже XIX—XX вв. То, что тогда они представляли собой одноликую и безропотную массу разнорабочих, мелких торговцев и слуг, в какой-то степени предопределило высокомерие в отношении китайцев, националистические настроения, характерные для немалой части населения региона.

В ходе опросов 2003 и 2008 гг. практически одинаковое число (29 и 28%) респондентов признали, что они *«ощущают своё превосходство»* над китайцами. Не задумывались над этим 32 и 34%, ответили «нет» (но были ли они до конца искренни?) 38 и 30% опрошенных. Каждый третий респондент (34% в 2003 г. и 29% в 2008 г.) также признался, что *«испытывает чувство отторжения»* при общении с китайцами. Незнакомы подобные ощущения 39% (в 2003 г.) и 34% (в 2008 г.) опрошенных; не замечали за собой таких наклонностей 26 и 28% соответственно.

Анализ возрастных отличий в отношении к китайцам в 2008 г. дал, в общем, ожидаемую палитру ощущений (см. рис. 5, б). Самыми нетерпимыми показали себя молодые люди, особенно те, кому ещё не исполнилось 20 лет. 41% опрошенных лиц этого возраста (и в 2003-м, и в 2008 г.) признались, что китайцы вызывают у них отторжение. По остальным возрастам разброс отрицательного восприятия в пределах 6%. Самой высокомерной (*«испытывают чувство превосходства над китайцами»*) также оказалась молодёжь: от 20 до 30 лет — 37%, менее 20 лет — 33%.

Аналогичный анализ, но проведённый по территориям (рис. 7), показал отсутствие заметных отличий в восприятии китайцев жителями разных городов, краёв и областей юга Дальнего Востока. Очевидно, что в основном определились в своих чувствах жители Амурской области и её столицы Благовещенска, в то время как до 40% приморцев, а также жителей Владивостока предпочли просто не думать об этом.

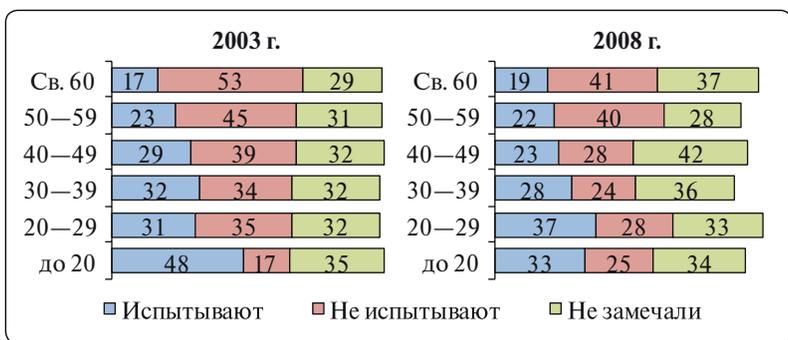

Рис. 5. Испытывали чувство собственного превосходства над китайцами (юг Дальнего Востока, по возрасту респондентов, % от числа опрошенных по возрасту)

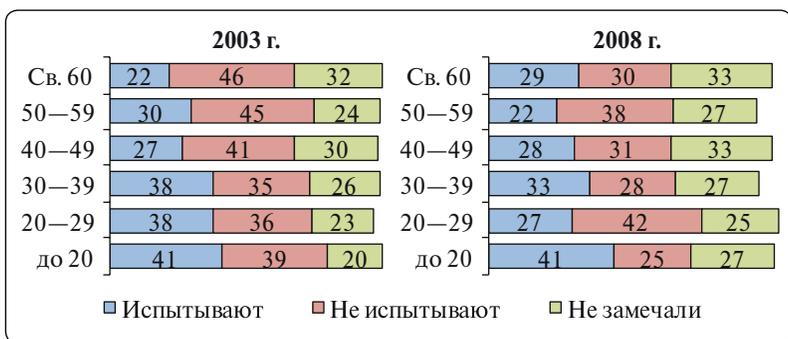

Рис. 6. Испытывали чувство отторжения к китайцам (юг Дальнего Востока, по возрасту респондентов, % от числа опрошенных)

В чём причины возникающего отторжения в общении между представителями двух соседних культур, корни противоречий, отчётливо проявляющиеся в общественном сознании дальневосточников? Каждый второй, кто испытывал это чувство, видел его истоки в манере поведения китайцев. Каждого третьего раздражал их внешний вид; 37% списали свои негативные чувства на подсознание; 7% видели причину в языке, а 2% — в чём-то ином. Более половины (54%) из тех, кто отторгал китайцев, ощущали своё превосходство над

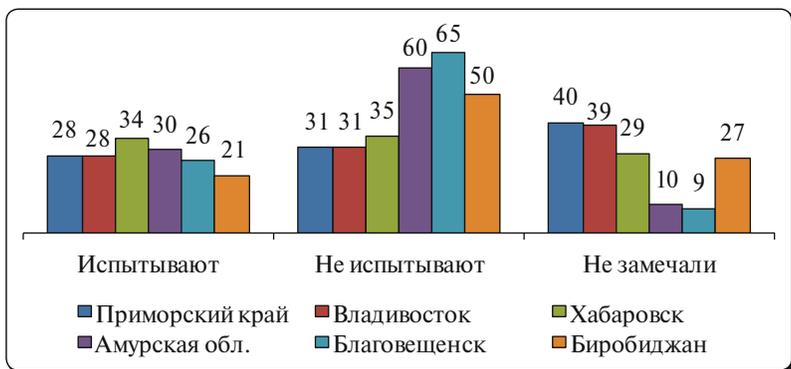

Рис. 7. Ощущение собственного превосходства над китайцами (2003 г., % от числа опрошенных по территориям)

ними, и почти 2/3, испытывавших превосходство, сознались в том, что им знакомо чувство отторжения.

Китайцы, проживавшие во Владивостоке, демонстрировали бóльшую терпимость по отношению к россиянам (но, возможно, были не столь искренними; их статус и местонахождение во время опроса нельзя не принимать во внимание). Среди опрошенных нами осенью 1994 и летом 1995 г. хорошо относились к России от 80 до 86%, к русским определили своё отношение как «хорошее» от 58 до 62%. При этом у работавших в Приморье китайцев Россия не пользовалась особой популярностью как место приложения своих сил: как привлекательное место для работы её выбрали только четверть опрошенных, отдав приоритет США, Великобритании, Франции, Канаде и Италии, а остаться на постоянное место жительства в ней хотели бы и того меньше — 18%. Интересно также, что в 1995 г. почти 2/3 опрошенных китайцев (64%) оценили отношение к ним со стороны россиян как «хорошее» и «удовлетворительное», что вполне сопоставимо с результатами, полученными в ходе опроса россиян осенью 1994 г.

Скрупулёзный анализ материалов 2003 г. показал, что среди лиц, негативно воспринимавших китайцев, преобладали те, кто симпатизировал странам Запада — Франции, США, а также Австралии. Казалось бы, есть основание говорить об

определённых расистских настроениях россиян, однако против этого выступает одно «но»: половина из тех, кто ощущает своё превосходство над китайцами, называет азиатскую Японию страной, вызывающей у них наибольшие симпатии.

Естественно, что на восприятии соседей сказывались не только глубокие культурные различия двух народов, прочувствованные населением уже на личном опыте общения. Пробудилась также историческая память: давали знать о себе советско-китайская конфронтация и антикитайская пропаганда второй половины 1960—1970-х годов. С большим трудом изживался образ Китая как страны экономически слаборазвитой и неспособной принести (в отличие от Японии или Южной Кореи) какую-либо практическую пользу дальневосточникам. Это был утилитарный, сугубо житейский, но глубоко укоренившийся подход к восприятию соседей.

Парадокс заключается в том, что более глубокое узнавание Китая и широкие контакты с его жителями вели к противоположным результатам в отношении россиян к стране и её жителям: к Китаю они относились всё лучше, а к китайцам — всё хуже. Именно узнавание китайцев «с культурной стороны» обусловило рост негативных эмоций среди дальневосточников. Каждый четвёртый (23% в 2003 г. и 27% в 2008 г.) из числа опрошенных признался, что его отношение к китайцам за последние 10 лет ухудшилось, и лишь 15 и 19% соответственно констатировали положительную динамику. При этом у 40% населения региона — устоявшиеся взгляды и на КНР, и на её граждан, а каждый десятый респондент не смог ответить на этот вопрос.

Положительная динамика восприятия Китая и отрицательная — китайцев прослеживается по всем территориям региона (табл. 1). Исключением стал г. Биробиджан, продемонстрировавший огромный перепад настроений его жителей в отношении китайцев. Но это явление стоит изучить более детально.

Возрастной срез отношения дальневосточников к китайцам (между «лучше» и «хуже») даёт только один результат со знаком «плюс» при сопоставлении положительных и отрицательных величин. Приходится он на 50-летних респондентов (табл. 2).

Таблица 1

Самооценка респондентами изменения своего отношения к КНР
и китайцам (2003, 2008 гг., по городам Дальнего Востока,
% от числа опрошенных)

Город	Год	Отношение									
		к КНР					к китайцам				
		лучше	хуже	разница	лучше	хуже	разница	лучше	хуже	разница	не изменилось к китайцам
Владивосток	2003	23	10	+13	10	22	-12	47	46		
	2008	31	10	+20	18	22	-4	44	43		
Хабаровск	2003	35	8	+27	14	21	-7	38	39		
	2008	35	19	+16	21	29	-8	41	39		
Благовещенск	2003	33	2	+31	7	11	-4	46	59		
	2008	42	12	+30	17	26	-9	33	38		
Биробиджан	2003	37	8	+29	25	13	+12	40	35		
	2008	43	15	+28	15	38	-23	34	36		
Дальний Восток	2003	34	9	+25	15	23	-8	41	40		
	2008	35	14	+21	19	27	-8	41	40		

Таблица 2

Самооценка респондентами изменения своего отношения к КНР и китайцам (2003, 2008 гг., по возрасту респондентов, % от числа опрошенных)

Возраст	Год	Отношение										
		к КНР					к китайцам					
		стало лучше	стало хуже	разница	стало лучше	стало хуже	разница	стало лучше	стало хуже	разница	не изменилось к КНР	к китайцам
До 20	2003	35	11	+22	15	20	-5				33	46
	2008	31	22	+9	16	41	-25				41	28
20—29	2003	35	12	+23	13	25	-8				40	38
	2008	36	16	+24	19	32	-13				37	37
30—39	2003	32	6	+26	16	23	-7				43	41
	2008	40	16	+24	22	27	-5				35	40
40—49	2003	41	6	+35	20	20	0				38	37
	2008	30	11	+19	14	23	-9				51	49
50—59	2003	32	7	+25	15	20	-5				46	43
	2008	42	7	+35	28	18	+10				39	40
Старше 60	2003	26	17	+9	14	26	-12				39	42
	2008	20	14	+6	10	27	-7				48	46

Наибольший разрыв между положительной и отрицательной тенденциями наблюдается у молодёжи до 20 лет (–25% в 2008 г.) и лиц старше 60 лет (–17%). Первые — молодёжь, которая строит своё восприятие, как правило, на опыте собственных поездок в Китай, вторые — это ещё 10 лет назад верившие в Китай, но разочаровавшиеся в надеждах 50-летние.

Роль цивилизационных различий как главной причины негативного отношения дальневосточников к китайцам подтверждается и анализом степени их готовности к межнациональным бракам. Резко негативный настрой населения на смешанные браки оставался фактически неизменным с 1997 г., хотя некоторая положительная динамика всё же присутствует: в 6 раз — с 1 до 6% увеличилась доля населения, положительно воспринимающая браки с китайцами (рис. 8). В последние го-

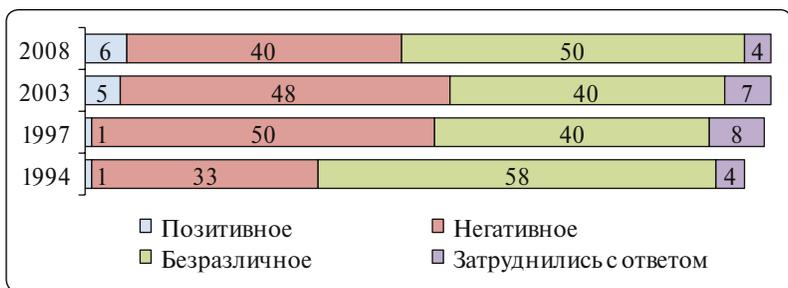

Рис. 8. Отношение жителей юга Дальнего Востока к возможному браку своих родственников с китайцами (% от числа опрошенных)

ды сократилось и число лиц, которые относятся к таким бракам однозначно негативно. Особенно это заметно по Владивостоку, где процент противников русско-китайских браков сократился с 61% в 2003 г. до 34% в 2008 г.¹⁵

Повышение степени толерантности в отношении межнациональных браков характерно для представителей всех возрастов (рис. 9). При этом молодёжь более демократична и терпима, а люди пожилого возраста настроены намного критичнее.

Результаты опроса 2008 г. также показали, что к бракам с китайцами негативнее относятся военнослужащие (60% против)

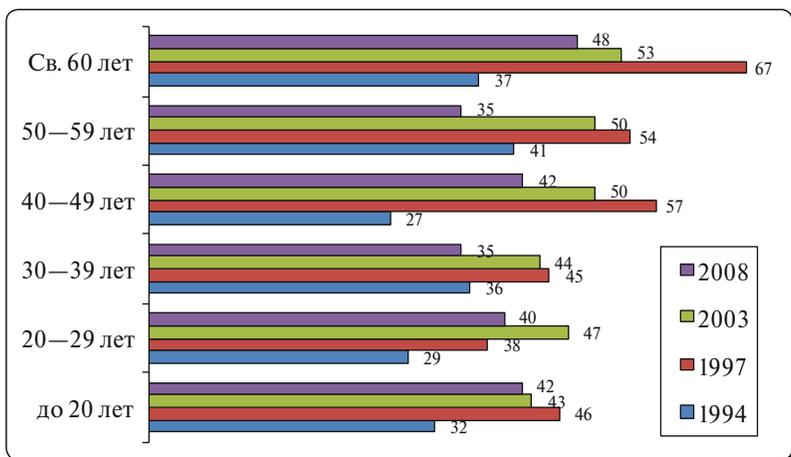

Рис. 9. Динамика негативного отношения населения юга Дальнего Востока к возможному браку своих родственников с китайцами (по возрасту респондентов, % от числа опрошенных)

и пенсионеры (52% против), а самые толерантные (естественно, относительно) — служащие, рабочие и студенты, среди которых высказались против таких браков 29, 33 и 36% соответственно. Наибольший процент лиц, относящихся к российско-китайским бракам положительно, среди студентов — 12%, тогда как среди служащих лишь 3%.

КИТАЙСКОЕ ПРИСУТВИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Китайская миграция — одна из основных проблем Дальнего Востока 90-х гг. XX — начала XXI в. Китайское присутствие являлось одним из самых привлекательных сюжетов для политиков, журналистов, учёных. Написано и сказано было много. Но пристальное изучение проблемы показывает, что о китайцах на Дальнем Востоке мы знаем очень и очень мало. Сюжет мифологизирован, политизирован, что сильно мешает и самому существованию мигрантов в России, и особенно эффективной их работе в интересах России. В оценках этого явления до-

минируют эмоции, заблуждения, предубеждения, разного рода страхи и «фобии». Причина в значительной степени заключается в том, что китайская диаспора в России, как и в любой иной стране, — это вещь в себе. Это структура для европейцев закрытая, настроенная на разрастание (что уже само по себе вызывает опасения местного населения), действующая на основах саморегулирования, упорно препятствующая разрушению своей культурной идентичности, а поэтому во многом для европейского сознания непонятная и потенциально опасная. Более того, за этой диаспорой возвышается уже не просто полуторамиллиардный, но экономически мощный и технически оснащённый Китай.

На рубеже XX—XXI вв. в России находилось (по заслуживающим доверия оценкам) от 300 до 400 тыс. китайцев. Из них от 50 до 70 тыс. осели в Москве, сильнее всего привлекавшей гастарбайтеров из ближнего и дальнего зарубежья¹⁶. На Дальнем Востоке, по нашим расчётам, в тот период проживало 25—30 тыс. китайцев. Среди них было 10—12 тыс. контрактных рабочих, от 10 до 15 тыс. торговцев, несколько сот студентов и столько же бизнесменов средней руки.

Однако массивная атака на сознание жителей Дальнего Востока (и страны в целом) со стороны политиков, силовых структур, СМИ привела к формированию искажённых представлений о масштабах китайского присутствия на восточных окраинах России. Пресса жонглировала цифрами в 40, 100, 150 тыс. китайцев, нелегально проникших в Приморье, и от 400 тыс. до 2 млн. — на Дальний Восток, о «жёлтой волне» китайцев численностью от 1 до 5 млн. человек, накрывшей Сибирь¹⁷. Стенания по поводу огромной массы китайцев, заполонивших Россию, стали сопровождаться рапортами местных властей и силовых структур о десятках тысяч задержанных и высланных из России нелегалов. В прессе активно муссировалась информация о депортированных из Приморья за 1993 г. 200 тыс. китайцах¹⁸.

Эти фактически «с потолка» взятые цифры кочевали по всем изданиям, российским и зарубежным, подпитывали фантазию российских ястребов и националистов, служили

посылками для выработки различных вариантов национальных стратегий и концепций обеспечения безопасности России, стимулом к развёртыванию политических кампаний на местах. Неудивительно, что у россиян сложилось стойкое убеждение в массовом расселении китайцев на российской территории. Эта мысль воспринималась априори, без критической оценки и даже попыток сопоставить цифры и данные. Результаты опроса 2003 г. показывают, насколько искажёнными являлись представления населения в этой области (табл. 3).

Таблица 3

Оценка респондентами доли китайцев в общей численности населения территорий Дальнего Востока (2003 г., по территориям; численность населения дана по переписи 2002 г.)

Территория	Численность населения, чел.	Предположительная доля китайцев в общей численности населения территории, %					
		до 5	5—10	10—20	20—30	свыше 30	не знают
Приморский край	2 120 000	18	28	21	7	3	23
Владивосток	615 000	13	32	20	6	3	24
Хабаровск	580 000	19	24	16	10	5	26
Амурская область	902 000	39	35	14	4	0	8
Благовещенск	210 000	33	39	9	2	0	17
Биробиджан	77 000	23	27	12	2	8	29

Если домыслы респондентов о предполагаемой доле китайцев от общей численности населения их территории, выраженные в процентах, перевести в конкретные цифры, то окажется, что, по представлениям 60% жителей Приморского края, на его территории проживало свыше 100 тыс. граждан Поднебесной. При этом каждый пятый респондент считал, что в крае находилось от 200 до 400 тыс. китайцев, а 7% определили их численность в пределах от 400 до 600 тыс. чел. Аналогичные, весьма завышенные оценки характерны и для других территорий Дальнего Востока. Разве что амурчане более трезво и осознанно оценивали ситуацию с китайской миграцией. Большинству же

опрошенных, напуганному непрерывными разговорами о китайской экспансии, даже не приходило в голову сопоставить предлагаемые проценты с тем, что они наблюдают на улицах собственных городов и посёлков. Ту же слепую убеждённость мы не раз обнаруживали в беседах со школьниками, студентами, представителями интеллектуальных профессий, т.е. с людьми, должными думать, сопоставлять, анализировать. Однако стереотипы, шаблоны, фобии оказались сильнее логики.

Искажённые представления о численности китайцев в Сибири и на Дальнем Востоке стали питательной средой для формирования стереотипа «китайской экспансии в России», якобы целенаправленно планируемой и организуемой Пекином¹⁹. Уже в октябре 1994 г., в пору нарастания антикитайской истерии в российских СМИ, полностью или частично выразили своё согласие с тезисом о наличии китайской экспансии почти 2/3 населения юга Дальнего Востока (62%). Полностью отвергли факт экспансии только 9%. Каждый четвёртый (26% респондентов) затруднился с ответом.

При этом в существовании данной опасности были наиболее убеждены представители интеллигенции (81% от числа опрошенных), ставшие, вероятно, жертвой собственного воспитания — привычки читать и в основном доверять всему тому, что пишет пресса, а наименее — молодёжь до 20 лет (46%), у которой в то же время рейтинг популярности китайцев является самым низким: хорошо к ним относилась только пятая часть молодых людей до 20 лет. Не менее любопытна и раскладка по уровню образования и возрасту респондентов (*рис. 10*).

Через 10 лет, в 2003 г., уверенных в экспансии Китая на Дальнем Востоке стало на 8% меньше (54%), не веривших в неё — больше на 9% (18% от числа респондентов). Затруднились с ответом 28%, практически столько же, сколько и в ходе предыдущего опроса. По территориям Дальнего Востока оценки отличались и весьма заметно (*рис. 11*).

Любопытно, что общероссийские замеры, проводившиеся в ноябре 2000 г. Фондом «Общественное мнение» и в 2005 г. ВЦИОМ, дали по Дальнему Востоку более высокие результаты. По утверждению Фонда «Общественное мнение»,

в Дальневосточном федеральном округе 80% населения были озабочены «притоком переселенцев из Китая на Дальний Восток» (по России — 60% респондентов)²⁰. ВЦИОМ выявил 81,4% жителей ДВФО, которые высказали такие опасения (по России — 65,8%)²¹.

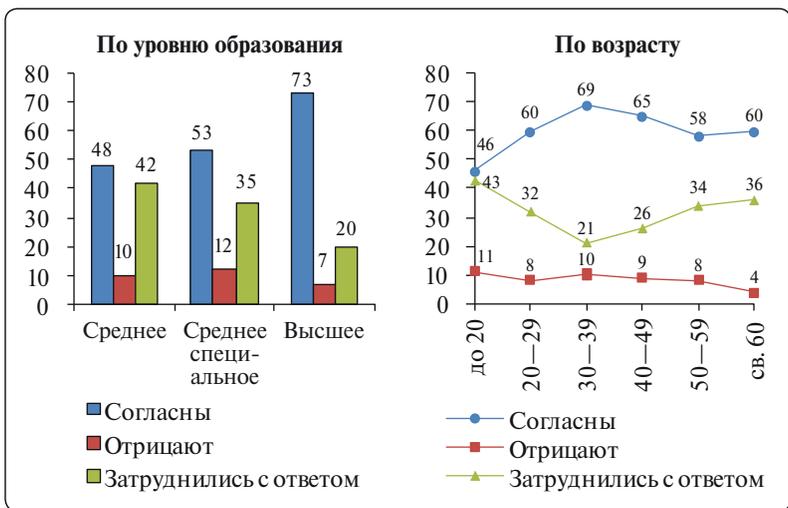

Рис. 10. Отношение к тезису о китайской экспансии на Дальнем Востоке (1994 г., юг Дальнего Востока, % от числа опрошенных)

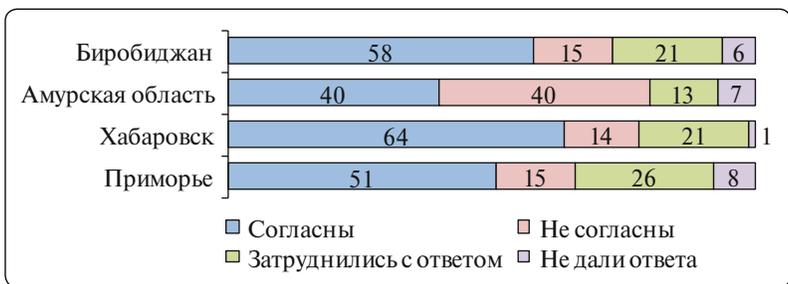

Рис. 11. Отношение к тезису о существовании китайской экспансии на Дальнем Востоке России (2003 г., % от числа опрошенных по территориям)

Значительная часть респондентов, кто в 2003 г. согласился с тезисом о китайской экспансии на Дальнем Востоке, понимала её как территориальную (40%), увязывая увеличение китайского присутствия в России с тайными планами аннексии её территории. В существовании демографической экспансии со стороны Китая были уверены 31% опрошенных, экономической — 27%, тогда как политической и культурной — по 4%; в наличии территориальной экспансии — без малого половина хабаровчан (49%) и жителей Биробиджана (44%), тогда как во Владивостоке и Благовещенске в это верил лишь каждый третий (соответственно 33 и 35% от числа опрошенных)²².

Представления об угрозах территориальной целостности России со стороны Китая подогревались (и продолжают подогреваться) из нескольких источников. Прежде всего непростым процессом демаркации российско-китайской границы в 1993—2008 гг., проходившей на основе *Соглашения о советско-китайской государственной границе на её Восточной части* от 16 мая 1991 г. С одной стороны, вокруг демаркации было разыграно немало политических спекуляций со стороны местных властей²³, с другой — Соглашение определило прохождение только 98% линии границы. Два её участка — о-в Большой на р. Аргуни и о-ва Большой Уссурийский и Тарабаров на Амуре (в районе Хабаровска) остались неразграниченными. Переговоры об их судьбе продолжались до октября 2004 г.²⁴, в то время как власти и общественные организации Хабаровского края предпринимали определённые шаги, чтобы сохранить острова за Россией. Неудивительно, что в ходе опроса 2003 г. три четверти (76%) хабаровчан выразили уверенность в наличии угрозы территориальной целостности России со стороны Китая. Во Владивостоке в этом были убеждены 58% населения, а в Благовещенске — только 29%, т.е. вдвое меньше.

Второй источник представлений о претензиях Китая на российскую территорию — неверие россиян в то, что Китай отказался от территориальных претензий. Дальневосточники знают, что на китайских картах Приамурье изображается как китайская территория, что китайцы отождествляют Россию (хотя и царскую, но всё же Россию!) с агрессором, отобравшим у Поднебесной часть её территории, и рано или поздно предъявят свой счёт.

Третий — агрессивная информационная атака со стороны российских и зарубежных китаефобов, убеждающих россиян и весь мир в агрессивной природе Китая (об этом мы писали в главе 1).

Наконец, никак не изживёт себя физико-демографическая теория, по которой разница демографических потенциалов вдоль линии российско-китайской границы («на севере — пусто, на юге — густо») приведёт к массовому «переливу» (по методу сообщающихся сосудов) китайцев на российскую территорию с последующим переходом этой территории под юрисдикцию Китая²⁵.

Таким образом, страх перед Китаем сильнее всего проявлялся в Хабаровском крае, затем следовали Биробиджан, Приморский край, Амурская область и Владивосток. Благовещенск, от которого до Китая рукой подать (рейсовый катер достигает противоположного берега Амура за 20 минут), выглядел самым благодушным из всех дальневосточных городов. Вырисовывается любопытная закономерность: чем меньше китайцев находится на территории, чем менее активные контакты (прежде всего экономические) поддерживает эта территория с соседним Китаем, тем сильнее страхи и фобии. Например, если в Биробиджане более трети населения (37% опрошенных в 2003 г.) были убеждены в наличии китайской экономической экспансии, то в Благовещенске, чья экономика теснейшим образом связана с КНР, лишь каждый пятидесятый (2%). В Хабаровске в китайской демографической экспансии убеждены 41% населения, однако в Благовещенске, где китайцев бывало в несколько раз больше, чем в столице Дальневосточного федерального округа, — почти в два раза меньше (22%), а в Приморье, которое ежегодно посещали свыше 200 тыс. граждан КНР, 31%.

С начала XXI в. важной, но не замеченной апологетами китайской угрозы для Дальнего Востока тенденцией стало снижение китайского присутствия в регионе. Пик китайской активности (прежде всего туристической) пришёлся на 2000 г. Тогда Приморский край посетили 442 тыс. китайцев, Амурскую область — 167 тыс. В дальнейшем поток заметно сокращался: в Амурской области в 2002 г. — до 112 тыс. чел., в Приморском крае в 2007 г. — до 182 тыс. (в 2,4 раза меньше, чем в 2000 г.).

С 2004 по 2008 г. более чем в три раза ослаб поток китайцев, въезжающих на Дальний Восток по туристической линии. В Приморском крае число туристов из КНР снизилось со 178 тыс. до 50,3 тыс. чел., в Амурской области — с 48 тыс. до 11,5 тыс. чел. И хотя в Хабаровском крае число китайских туристов осталось почти на уровне 2004 г. (12,3 тыс. в 2008 г. против 13 тыс. чел. в 2004 г.), а в Еврейской автономной области даже удвоилось (с 955 до 1900 чел.)²⁶, о каком-либо серьёзном влиянии китайского туризма на социально-экономическую обстановку в регионе говорить не приходится.

Эти тенденции не только опровергли прогнозы многих политологов и демографов, предрекавших рост китайского присутствия на Дальнем Востоке, но и сказались на уровне восприятия Китая как угрозы. Как уже отмечалось в главе 2, летом 2008 г. только 37% респондентов увидели угрозу интересам России и её дальневосточным территориям в росте экономической и военной мощи КНР. Хотя при этом Хабаровск, как обычно, показал самый высокий результат (43%).

Страхи, опасения, фобии самым непосредственным образом сказывались на отношении населения к пребыванию граждан КНР на российской территории.

Уже в 1994 г. только 5% опрошенных жителей Дальнего Востока одобрительно относились к нахождению китайцев на территории России, шестеро больше (33%) воспринимали это явление отрицательно, чуть более половины (53%) соглашались на присутствие китайцев, но только в качестве рабочей силы. Любопытен срез отношения к пребыванию китайцев в России граждан различных возрастов, образования и занятий. Самыми яркими противниками китайского нахождения в России были рабочие (49% опрошенных), лица с высшим образованием (39%). Терпимее всего — представители интеллигенции, лица старше 60 лет, пенсионеры (против — по 25%) и домохозяйки (против 23%). Эти категории населения в наибольшей степени пострадали от экономических реформ начала 1990-х: наличие китайских рынков с дешёвыми китайскими товарами, видимо, примиряло их с нахождением граждан КНР на территории России (*табл. 4*).

Таблица 4

**Противники пребывания китайцев на Дальнем Востоке России
(1994 г., юг Дальнего Востока, % от числа опрошенных)**

Возраст	%	Категория	%	Образование	%
до 20	31	Интеллигенция	25	Высшее	39
20—29	36	Военнослужащие	38	Среднее	33
30—39	35	Служащие	39	Среднее специальное	31
40—49	32	Работники НЭС	36		
50—59	34	Студенты	32		
Старше 60	25	Рабочие	49		
		Руководители НЭС	32		
		Домохозяйки	23		
		Пенсионеры	25		
		Работники села	31		

Не менее категорично население Дальнего Востока относилось к попыткам китайцев закрепиться на российской территории. Только 16% опрошенных считали «*нормальным*» их желание остаться на постоянное место жительства в России. 40% полагали это «*совершенно недопустимым*», 38% рекомендовали решать эту проблему «*с максимальной осмотрительностью*». Наибольшую терпимость в этом проявили, опять же, интеллигенция и пенсионеры. Половина опрошенных лиц этой категории оценили своё отношение к китайцам как «хорошее» и «очень хорошее». Четвёртая часть представителей интеллигенции (25%) считали допустимым разрешить китайцам постоянное жительство в России (при среднем значении в 5%). Радикально и даже антикитайски настроенными выглядели студенчество и рабочие. Треть этих категорий населения обозначили своё отношение к китайцам как «*плохое*» (при средних 23%), почти половина рабочих (49%) были категорически против постоянного проживания их в России.

В то же время отношение к пребыванию китайцев в России и их стремлению остаться здесь на постоянное жительство у россиян разного возраста (за исключением самого старшего поколения) было в принципе одинаковым (*рис. 12*).

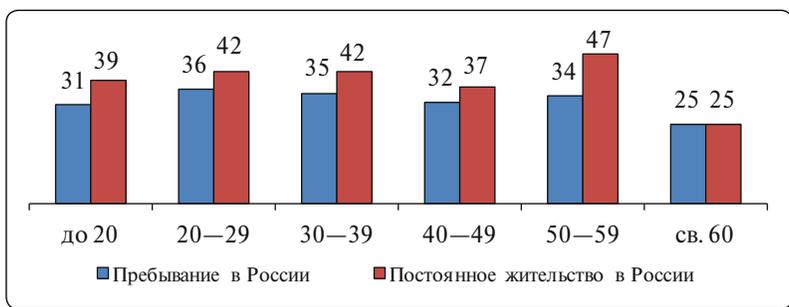

Рис. 12. Отрицательное отношение к нахождению китайцев в России (1994 г., юг Дальнего Востока, по возрасту респондентов, %)

В ходе следующего исследования, летом 1997 г., четверть (25%) опрошенных дальневосточников однозначно высказалась против присутствия китайцев на российской территории, 35% одобрили их пребывание «*временно для торговли*», 43% — «*временно для строительства, сельскохозяйственных работ и т.д.*». «*Безоговорочно одобрили*» нахождение китайцев в России только 4% респондентов. Годом позже, в ноябре 1998 г., безоговорочно согласились с присутствием китайцев те же 4% опрошенных, но выступили против (поскольку «*они отбирают рабочие места, создают конкуренцию*») уже 38%. Сказались, видимо, последствия дефолта августа этого года (рис. 13).

Таким образом, уже в начале 1990-х гг. на юге Дальнего Востока сформировался отрицательный настрой в отношении китайцев, который в немалой степени определял и отношения между двумя народами, и характер российско-китайских приграничных связей. Лишь 4—5% жителей Дальнего Востока готовы были безоговорочно принять китайцев на своей территории. И в начале XXI в. число настроенных категорически против пребывания китайцев в России осталось таким же, как в первой половине 1990-х годов: треть от общей численности населения. Остальные готовы были мириться с присутствием китайцев только в виде необходимой для территории рабочей силы.

Исследование 2003 г., в анкете которого вопрос об отношении к пребыванию китайцев в России был сформулирован

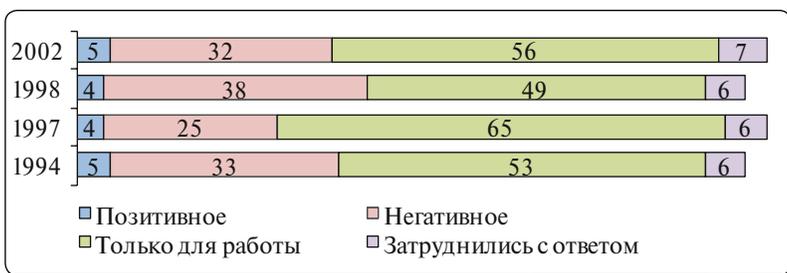

Рис. 13. Отношение к пребыванию китайцев в России (юг Дальнего Востока, % от числа опрошенных; вертикаль — годы)

несколько иначе, чем в прежних анкетах, тем не менее подтвердил, что россияне по-прежнему дифференцированно воспринимали пребывание в своей стране различных категорий китайцев. Однозначно отрицательно относясь к нелегалам (83% респондентов выступили против их пребывания на территории России) и положительно к туристам (75% «за»), жители Дальнего Востока разошлись во мнениях относительно рабочих, торговцев и бизнесменов (рис. 14).

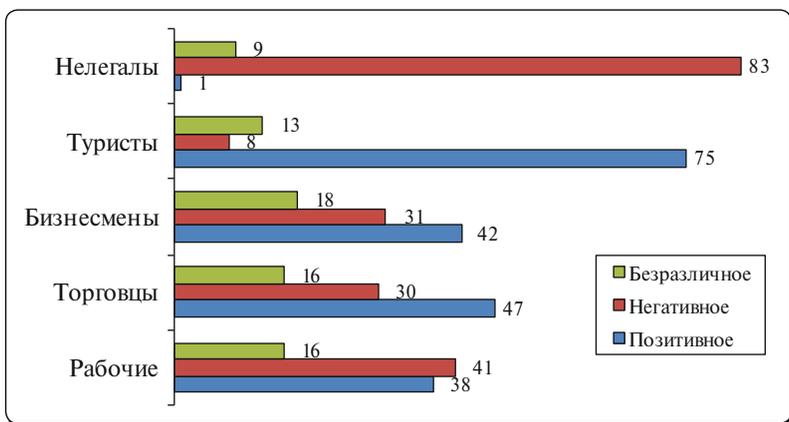

Рис. 14. Отношение к нахождению различных категорий китайцев на территории России (2003 г., юг Дальнего Востока, % от числа опрошенных)

Не обнаружилось заметной разницы в отношении к китайцам различных слоёв населения и территорий юга Дальнего Востока, разве что рабочие были настроены более негативно в отношении своих китайских коллег, опасаясь или чувствуя конкурентную угрозу с их стороны.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Как это ни парадоксально, но при довольно высокой доле населения юга Дальнего Востока, опасющейся китайской экспансии, и при стабильно невысоком уровне симпатий к КНР жители приграничья оптимистично оценивали состояние и перспективы российско-китайских связей. В отличие от отношения к китайцам, где доминировала отрицательная кривая, мнение жителей Дальнего Востока о Китае менялось в лучшую сторону. Экономические достижения КНР и стабильные межгосударственные отношения стали тому основой.

Данные опросов эти заявления подтверждают. Если в 1994 г. только четверть дальневосточников (26%) оценивала перспективы российско-китайских отношений как «хорошие», то через 10 лет, в 2003 г., их было на 22% больше (48%), а в 2008 г. — уже свыше половины от общего числа респондентов (54%). Количество пессимистов осталось прежним, а число неуверенных в будущем заметно сократилось (*рис. 15*).

Анализ взглядов разных поколений на будущее российско-китайских отношений показывает очень любопытные тенденции (*рис. 16*). Во-первых, у всех возрастных групп, за исключением 60-летних, прибавилось оптимизма. Во-вторых, значительно сократилось число лиц, не способных дать личную оценку этим отношениям. В-третьих, очевидны радикализм молодёжи, умеренность пожилых и в целом положительный настрой населения на российско-китайские связи.

В 2008 г. в благоприятных перспективах российско-китайских отношений были убеждены 57% жителей Владивостока

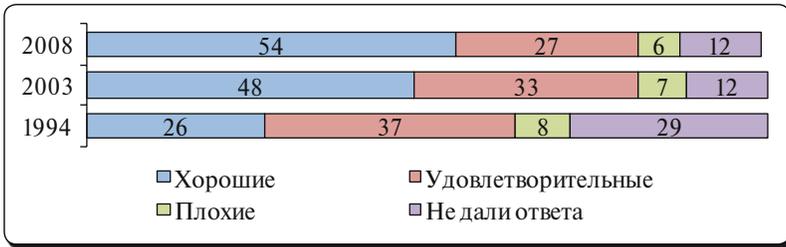

Рис. 15. Оценка перспектив российско-китайских отношений (юг Дальнего Востока, % от числа опрошенных, вертикаль — годы)

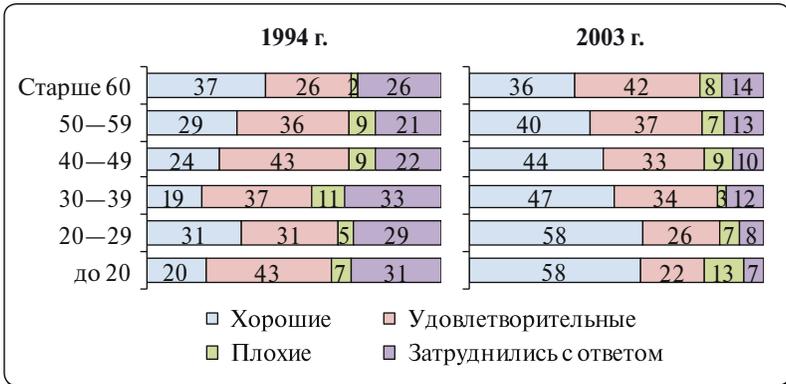

Рис. 16. Оценка перспектив российско-китайских отношений (юг Дальнего Востока, по возрасту респондентов — вертикаль, % от числа опрошенных)

и 55% — Биробиджана, тогда как в Хабаровске — 48, а в Благовещенске — 46%. Плохими назвали их 4% жителей Биробиджана, 7 — Владивостока, 8 — Хабаровска и 15% опрошенных жителей Благовещенска — самая высокая цифра для Дальнего Востока и для этого города тоже. Все предыдущие опросы характеризовали Благовещенск как самый толерантный по отношению к Китаю город²⁷.

В начале нового века у большинства жителей Дальнего Востока сложилось благоприятное впечатление и о современном состоянии российско-китайских отношений. В 2003 и 2008 гг.

«хорошими и очень хорошими» их признавали 42 и 44% респондентов, «удовлетворительными» — 46 и 43% и «плохими» — только 5 и 4%. Наиболее радужное представление о состоянии российско-китайских отношений имели в 2008 г. жители Биробиджана (51% респондентов оценили их как «хорошие» и 4% — как «плохие») и Владивостока (47 и 6% соответственно). В Хабаровске и Благовещенске «хорошими» назвали их по 40% опрошенных, «плохими» — 4 и 9%.

ВЦИОМ, проводя опрос среди населения России по российско-китайским отношениям, использовал несколько иные характеристики двусторонних связей. Однако полученные результаты вполне коррелируются с нашими. Опрос 1500 граждан России, проведённый центром в ноябре 2004 г. показал, что дружественным государством КНР считали 55% россиян (и такая же доля жителей Дальневосточного федерального округа), недружественным — 21% (28% жителей ДВФО). По сравнению с июнем 2001 г. число первых сократилось на 12%, вторых — увеличилось на 3%²⁸. В 2005 г. 15,4% россиян признали эти отношения дружественными, а 18,7% — хорошими, добрососедскими (что в сумме даёт 34,1%). По мнению 40,3% опрошенных, эти отношения — нормальные, спокойные (по нашим критериям — удовлетворительные). Тех, кто оценил их хуже, чем просто нормальные, оказалось 15,6%. Для 10,5% они были, скорее, прохладные, для 3,0% — напряжённые, для 2,1% — даже враждебные²⁹.

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ГЛАЗАМИ ИХ АКТИВНЫХ УЧАСТНИКОВ

В феврале—марте 2000 г. по инициативе и при поддержке Московского представительства Центра Карнеги мы провели исследование в приграничных городах Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая относительно ключевых проблем российско-китайских отношений. Исследование проводилось в форме экспертного опроса лиц, непосредственно причастных

к организации и развитию этих отношений. Результаты исследования опубликованы в совместной статье В. Ларина и А. Рубцовой³⁰, однако мы считаем вполне уместным обратиться к ним ещё раз, чтобы довести их до российского читателя.

На вопросы анкеты, ориентированной на специалистов, ответили в общей сложности 39 российских (города Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, Уссурийск, Дальнереченск, а также пос. Пограничный) и 33 китайских (Харбин, Дуннин, Суйфэньхэ и Хэйхэ) представителя власти, бизнеса, науки, образования и других сфер деятельности, а также 14 российских и 12 китайских респондентов, квалифицированных как эксперты. В анкетах не содержалось готовых ответов, они носили инициативный характер. Все опрошенные были осторожны в своих суждениях, особенно, когда вопросы касались деятельности властных структур. Однако в личных беседах и китайские, и российские участники проекта были более открыты, критичны и пессимистичны, чем в своих письменных ответах.

Взгляды из России и Китая

Россияне в зависимости от степени их вовлечённости во взаимодействие с Китаем продемонстрировали разное к нему отношение. Одни называли эти отношения *«хорошими»*, *«нормальными»*, *«дружественными»*, в то время как другие, особенно во Владивостоке, — *«к сожалению, пассивными»* и *«хаотичными»*, а в Благовещенске — *«вампирами»* (так трактовалось процветание соседнего Хэйхэ за счёт стагнирующего Благовещенска). Большинство проживавших вдоль линии границы россиян не видели иных преимуществ от соседства с Китаем, кроме как *«более удобные условия для торговли»* или наличие *«короткого транспортного плеча»*, снижавшего транспортные расходы при поездке в КНР.

Состояние российско-китайских приграничных связей большинство российских экспертов оценивали критично. Только двое имели о них благоприятные впечатления, охарактеризовав состояние отношений как *«позитивное»* и *«удовле-*

творительное». Остальные оценивали их уровень как *«весьма низкий и не соответствующий реальным возможностям»*. По их мнению, китайское присутствие на Дальнем Востоке порождало множество негативных последствий: повышение уровня преступности в регионе, браконьерство в тайге и на пограничных реках, вывоз из России твёрдой валюты, увеличение конкуренции на рынке труда. В то же время они предполагали, что китайская миграция не играла значительной роли в жизни российских городов и посёлков и что потенциал миграции не использовался эффективно.

Китайцы, напротив, напрямую увязывали соседство с Россией с благосостоянием своих территорий. Как они утверждали, близость к России давала шанс для *«развития культуры и всех сфер экономики»* и *«развития торговли»* (г. Хэйхэ). Уже тогда, за 9 лет до мощного удара, нанесённого на рубеже 2008—2009 гг. российскими властями по «челночной торговле», часть китайских экспертов предполагала, что эта торговля, на которой расцвели приграничные китайские города, обречена на гибель, что характер приграничных связей должен измениться. Они видели неизбежность перехода сторон к *«более цивилизованной торговле»*, предполагали, что этот переход будет политически и экономически выгоден для обоих государств, но вызовет большие социальные проблемы, поскольку в «челночный бизнес» были вовлечены десятки тысяч китайцев и россиян.

Очень небольшая часть респондентов имела представление об иных формах российско-китайского взаимодействия, кроме торговли. Если в Суйфэньхэ и Дуннине ещё вспоминали о культурном и спортивном обмене, то в Харбине и Хэйхэ мало кто слышал о нём. Для большинства российских участников проекта культурный обмен также был не более чем формулой, за которой не видели никаких результатов. Опрос подтвердил, что российско-китайское взаимодействие в области культуры было формализовано, охватывало узкие слои населения и не получало широкой поддержки со стороны властей. Соответственно, оно мало способствовало преодолению культурной пропасти между народами.

По-разному китайцы и россияне оценивали негативные стороны их географической близости. Для первых они заключались в быстром росте внутренней миграции, которая сопровождалась увеличением численности населения приграничных городов, порождая социальные проблемы и поднимая уровень преступности. Однако треть экспертов не видела никаких отрицательных сторон в близости к России. Для россиян главным негативом был рост китайской миграции в Россию, а также ущерб, наносимый естественным природным ресурсам Дальнего Востока вследствие хищнической деятельности китайцев в лесах и на реках региона. Тем не менее большинство жителей приграничных городов не видели ничего плохого в проживании граждан КНР в России, вблизи границы с Китаем.

Российские респонденты были единодушны в оценке важности китайской миграции для Дальнего Востока. Почти все, за исключением одного сотрудника миграционной службы, были против ужесточения мер для китайцев при пересечении границы, предполагая, что такие меры повредят самой России. Более того, один из сотрудников миграционной службы назвал китайскую миграцию *«благоприятным шансом для российского Дальнего Востока»*. Эксперты полагали, что нужен более жёсткий контроль над нарушителями миграционного законодательства, но «железный занавес» отвергали категорически.

Китайские предприниматели возлагали большие надежды на помощь и участие властей в развитии приграничного взаимодействия двух государств. Свыше половины китайских респондентов выразили желание, чтобы власти всех уровней оказывали содействие в решении существующих проблем. При этом позиции непосредственных участников взаимодействия и экспертов в этом вопросе полностью совпадали. И те, и другие писали о необходимости совершенствования законодательства и усиления роли властей. Однако они же ещё испытывали психологический дискомфорт на российской стороне, сталкиваясь с российской преступностью и осознавая разницу двух менталитетов — российского и китайского. Всё это рассматривалось как препятствия для развития отношений.

Абсолютно все российские участники проекта прямо или косвенно утверждали, что власти должны заняться созданием более благоприятных экономических и правовых условий для двусторонних отношений. Энергетика их предложений говорит сама за себя: «улучшить обустройство пограничных переходов», «создать благоприятные условия для инвестиций на приграничных территориях», «упростить пограничные и таможенные формальности», «снизить стоимость виз» и т.д.

ЧТО ВЛИЯЕТ НА ПРИГРАНИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ?

Многие эксперты и представители местных властей отмечали, что режим пересечения границы противоречит интересам их регионов. При ознакомлении с ответами респондентов также возникало ощущение, что единственным объединяющим две стороны началом были редкие встречи то на одной, то на другой стороне границы. Более того, кроссграничные контакты будто бы сводились к связям на сугубо профессиональном уровне: власти встречались с властями, торговцы — с торговцами, туристические компании — с туристическими компаниями. Пересечения были редкими. Как правило, они происходили в критических ситуациях, например в случае преступлений, когда требовалось вмешательство властей. Китайцы были более активны в этой области. Семь из 33 ответивших на анкету представителей китайских организаций указали, что они поддерживали отношения с российскими властями, главным образом с департаментами по внешним связям местных правительств. На российской стороне такие контакты были лишь у руководителей научных и образовательных структур, чьи интересы выходили за узкие профессиональные рамки.

Выделяя причины, мешавшие развитию приграничных связей, многие респонденты перечисляли широкий спектр проблем, начиная от высокой стоимости виз до культурных различий. Российские участники взаимодействия упирали на неадекватное законодательство, бюрократические препоны, пассивность

российского правительства, отсутствие правовой базы (табл. 5). Очень немногие говорили об отсутствии интереса к сотрудничеству и о разнице культур как препятствиях к развитию отношений. Российские эксперты были настроены критичнее, говоря о неадекватном законодательстве (100% экспертов), бюрократических препонах и отсутствии должной правовой базы.

В изложении китайцев препятствия к сотрудничеству варьировали от общих сентенций о неблагоприятной экономической ситуации в России и разнице в менталитете двух народов до обвинений россиян в шовинизме, некомпетентности и неэффективности работы. Китайские эксперты назвали конкретные барьеры: неадекватное законодательство, отсутствие должной правовой базы, экономическая несовместимость двух государств и проблемы преступности.

Таблица 5

Препятствия к развитию приграничного взаимодействия (количество ответов, % от числа опрошенных, по группам респондентов, — нет ответа)

Ответы	Представители организаций		Эксперты		Представители организаций + эксперты	
	РФ	КНР	РФ	КНР	РФ	КНР
Всего ответов	32 / 100	30 / 100	13 / 100	12 / 100	45 / 100	42 / 100
Несовершенное законодательство	21 / 66	19 / 63	13 / 100	—	34 / 76	—
Отсутствие правовой базы	8 / 25	14 / 47	8 / 62	—	16 / 36	—
Отсутствие экономического интереса	3 / 9	1 / 3	3 / 23	—	6 / 13	—
Пассивность России	14 / 44	9 / 30	8 / 62	—	22 / 49	—
Бюрократические препоны	18 / 56	9 / 30	9 / 69	4 / 33	27 / 60	13 / 31
Этнокультурный барьер	7 / 22	9 / 30	1 / 8	7 / 58	8 / 18	16 / 38
Язык	7 / 22	4 / 13	3 / 23	2 / 17	10 / 22	6 / 14
Экономическая несовместимость	5 / 16	14 / 47	4 / 31	9 / 75	9 / 20	23 / 55
Преступность	5 / 16	11 / 37	6 / 46	6 / 50	11 / 24	17 / 41
Прочее	3 / 9					

Таким образом, и на российской, и на китайской стороне на первый план среди препятствий развития приграничного взаимодействия выступало отсутствие должной правовой основы. Взгляды сторон на пути решения этой проблемы совпадали: и те, и другие говорили о необходимости реальной помощи и поддержки от властей. *«Все препятствия на деле являются результатом деятельности властей»*, — резюмировал российский участник исследования. *«Самой большой проблемой является отсутствие помощи со стороны властей в развитии торговли»*, — поддержал его китайский предприниматель. Российские респонденты сетовали на отсутствие финансовой поддержки и внимания к Дальнему Востоку со стороны федерального центра, в частности программ развития региона. Беспощадной критике была подвергнута инфраструктура погранпереходов с российской стороны, коррупция и неэффективность работы таможенной и миграционной служб.

Проблема преступности волновала китайскую сторону в большей степени, чем российскую. Её не обошёл вниманием ни один из китайцев. Каждый из них рассказывал (особенно в частных беседах), как он хотя бы раз давал взятки российским милиционерам. Проблема криминала была острой и в приграничном Китае, но там у неё другое «лицо»: она порождена наплывом безработных крестьян в приграничные города. В Суйфэньхэ и Хэйхэ российские туристы не раз становились жертвами преступников, и это не могло не тревожить обе стороны.

Китайских респондентов серьёзно волновали этнокультурные различия. Некоторые из них писали, что *«русский менталитет и методы бизнеса гигантски отличаются от китайских»*. В частных беседах они замечали, что культурное непонимание является одним из главных препятствий в отношениях между китайцами и россиянами. Россияне, со своей стороны, отмечали *«особые черты восточного характера»*, порождавшие конфликты. Такое восприятие стало причиной взаимных обвинений: китайцы писали, что *«русские часто нарушают*

договорённости и не соблюдают условия контрактов», а россияне утверждали, что «китайские партнёры не надёжны», «они не соблюдают договорённостей». Зачастую такие утверждения являлись следствием различной манеры переговоров и психологической несовместимости. В результате россияне предполагали, что «китайцы много обещают, но мало делают», в то время как китайцы заявляли, что «российская сторона не дорожит своей репутацией», что «с 1994 г. репутация российской стороны становится хуже и хуже».

Анализ ответов российских и китайских участников проекта также показал разный уровень чувства самоуважения и собственного достоинства у представителей двух государств. Проявилось это в оценке условий пересечения российско-китайской границы. Переход через сухопутную границу на российской стороне был, как правило, длителен, утомителен, а порой и унизителен для человеческого достоинства («там-можно мордует», как заметил один российский респондент)³¹, однако большинство российских участников опроса не видели в этом больших проблем, более того, писали об «изменениях в лучшую сторону». Китайцы, напротив, были настроены критично, и если и видели какие-то сдвиги, то только на китайской стороне: писали о сложности прохождения российской таможни, сетовали на её «недружественное отношение». Тому, кто хотя бы раз пересёк границу в 1990-е гг., не надо рассказывать, на чьей стороне правда.

Результаты проекта показали немалую разницу во взглядах на Китай и отношения с ним общей массы населения и тех, кто непосредственно работает с этой страной. Они в значительно меньшей степени подвержены страхам и фобиям, они уверены, что ключи к решению проблем — у российской стороны. «Если Россия будет проводить разумную политику, то Китай не будет представлять угрозу для России», — написал эксперт из Благовещенска. «При умелой государственной политике перспективы у нас благоприятные, при неумелой — Россия потеряет Дальний Восток», — поддержал его коллега из Владивостока. К этому нечего добавить.

КТО СИМПАТИЗИРУЕТ КИТАЮ?

В обстановке многолетнего нагнетания антикитайских страстей, застарелых страхов перед «жёлтой опасностью», растущего экономического и демографического дисбаланса вдоль российско-китайской границы немаловажным становится определение круга людей, всё же испытывающих особые симпатии к Китаю. Их не так много, чтобы оказывать заметное влияние на общественное мнение и региональную политику (9% из числа опрошенных, т.е. 66 чел. из 701 в 2003 г., 72 из 815 в 2008 г. и 129 чел. из 790 респондентов в 2010 г.), однако они представляют потенциал, чрезвычайно важный в условиях крепнущих связей региона с КНР и растущего влияния Срединного государства на российский Дальний Восток.

Среди лиц, симпатизирующих Китаю, больше мужчин (61% из указавших свой пол в 2003 г., 56% в 2008 г. и 60% в 2010 г.) и меньше женщин (соответственно 39, 35 и 40%), половина имеет высшее образование, это люди преимущественно интеллектуальных профессий (гуманитарии, инженерно-технические работники, руководящий состав). Среди них очень мало военнослужащих и домохозяек. Первые, видимо, по-прежнему более настроены на конфликт с Китаем, чем на сотрудничество, вторых отвращают китайские рынки и низкокачественные китайские товары.

В 2010 г. половина тех, кто симпатизировал Китаю, одновременно выразили свои симпатии Японии (47% в 2003 г. и 42% в 2008 г.). 58% из них хотели бы отправиться в турпоездку в КНР (36% в 2003 г. и 42% в 2008 г.), однако в не меньшей степени их интересуют Япония (36% в 2003 г., 42% в 2008 г. и 40% в 2010 г.), Франция (соответственно 35, 47 и 20%) и Индия (41, 35 и 31%). Временно поработать в Китае были готовы 40% из них в 2008 г. и 33% в 2010 г. (при 9% желающих работать в КНР в общей массе респондентов). В 2008 г. каждый третий не отказался бы потрудиться в Японии, 13% — в США (в 2010 г. — соответственно 19 и 21%). Наконец, выехать на

постоянное жительство в КНР в 2008 г. был готов каждый четвёртый из этой группы респондентов (24%), в три раза больше, чем пять лет назад. В то же время в Австралию были не прочь уехать 32%, а в США — 8%. В 2010 г. на эмиграцию в КНР были ориентированы 16% представителей этой группы респондентов — больше, чем в Австралию, Германию и США (по 12%).

Те, кто симпатизируют Китаю, несколько лучше знают реалии этой страны. В 2003 г. треть из них точно определила статус Цинь Шихуана (при среднем показателе 14%), 14% — Лу Си-ня (средний 9%), 11% — Ци Байши (средний 6%). Дэн Сяопина идентифицировали правильно 58% (средний показатель 45%). В 2008 г. респонденты, отнесённые к этой группе, также продемонстрировали более высокий уровень знаний о Китае: на 5—15% выше относительно разных исторических и современных персонажей.

В 2003 г. их оценки состояния и перспектив российско-китайских отношений незначительно (в пределах допустимых погрешностей) расходились со средними по региону. В 2008 г. уже две трети представителей этой группы (64%) оценили российско-китайские отношения как «хорошие» (в среднем 44%), а перспективы этих отношений благоприятными увидели 76% (в среднем 54%). Оптимистичнее они смотрели на перспективы отношений России с Южной Кореей: как «хорошие» их оценили 52% против 43% в среднем (более низкие оценки были даны ими в отношении США: 17% против 26%).

В 2003—2008 гг. значительно меньшая часть этих респондентов (соответственно 21% и 26%) видела угрозы интересам России со стороны Китая. Их больше волновали экспансионизм США, курильская проблема и политика Москвы (табл. 6). С тезисом о существовании китайской экспансии согласились в 2003 г. 32%, чуть больше (36%) были с ним не согласны.

Вполне естественно, что главными партнёрами Дальнего Востока они считали Китай, Японию, сибирские и дальневосточные территории.

Опрос 2010 г. несколько изменил картину, увеличив долю опасующихся роста экономической и военной мощи Ки-

Таблица 6

Оценка угроз интересам России и приоритетным направлениям сотрудничества Дальнего Востока (Дальний Восток, общее число респондентов / число симпатизирующих Китаю, %)

Угрозы	2003 г.	2008 г.	2010 г.
Рост мощи Китая	46/21	37/26	55/47
Политика США	35/42	36/42	22/ 13
Курильская проблема	40/39	21/25	24/24
Политика Москвы	30/35	47/54	50/45
Главные территории для сотрудничества			
Китай	33/65	50/74	53/79
Япония	48/59	46/46	52/50
Сибирь, ДВ	32/29	45/40	41/36
РК	28/42	22/19	28/38
Европейская Россия	20/14	26/11	32/20
США	13/9	12/11	18/14

тая среди симпатизирующих ему дальневосточников до 47%. Меньше, как уже было отмечено выше, стало среди них жаждущих найти работу или эмигрировать в КНР. Эти факторы позволяют предположить, что причиной роста уровня симпатий дальневосточников к Китаю, о котором говорилось в начале этой главы, стал преимущественно познавательный интерес, выразившийся в желании ближе познакомиться со страной и её достопримечательностями.

Симпатизирующие Китаю жители региона намного точнее оценивали численность китайцев на территории Дальнего Востока. Каждый третий в 2003 г. (против 22% в среднем по югу ДВ) был уверен, что китайцев менее 5% от численности населения региона, четверть признались, что не имеют об этом никакого представления, и только третья часть переоценивала их число.

Терпимее воспринимали они пребывание китайцев на территории России, даже с нелегалами готовы были мириться 6% из них. Почти четверть в 2003 г. (23% против 5% в среднем)

и 17% в 2008 г. (против 6% в среднем) положительно отнеслись бы к браку своих родственников с китайцами. Китайцы представляются им более привлекательными личностями, чем большинству населения региона: более трудолюбивыми, вежливыми, ответственными, честными и менее хитрыми и агрессивными. При этом образы других народов, упоминавшихся в опросе, в их представлении мало отличаются от присущих дальневосточникам стереотипов. Тем не менее, как выяснилось в ходе опросов, от 17 до 21% лиц этой группы (при 27—28% в среднем) ощущали превосходство над китайцами (половина не испытывала этих чувств), и 11—17% испытывали чувство отторжения (в среднем 34—29%). Все полученные результаты говорят о том, что даже симпатии к стране не гарантируют преодоления цивилизационной пропасти, отделяющей народы России и Китая.

Важным обстоятельством, определяющим отношение к стране, является возможность увидеть её самому. Свыше половины респондентов этой группы (57% в 2008 г.) бывали в КНР три и более раза. Заметно подросла и доля лиц, вообще посещавших Китай: с 64% в 2003 г. до 78% в 2008 г. Поэтому неудивительно, что своими важнейшими источниками информации о стране они считают пребывание в Китае (55%) и общение с китайцами в России (58%). Собственные впечатления они дополняют информацией из различных источников. На первом месте по важности находится телевидение (65% опрошенных в 2008 г. указали на этот источник), они чаще пользуются газетами (50%), Интернетом (35%), популярными изданиями (17%) и специальной литературой (15%), демонстрируя более высокий интерес ко всем аспектам внутренней жизни Китая, чем остальная часть населения. Их интересуют культура — 47% опрошенных лиц этой категории в 2008 г. при 40% в среднем, история — 46 и 31% соответственно, экономика — 42 и 27%, политика — 36 и 22%, наука и образование — 25% и 17%. Наконец, по данным опроса 2003 г., 28% из лиц этой категории в той или иной степени владели китайским языком и 39% выразили желание его изучать.

Вывод кажется однозначным: знание рождает если не симпатию, то уважение и, конечно, большую ответственность. Кроме того, «китаефилы» в своих симпатиях к Китаю заметно прагматичнее, чем лица, которые, например, симпатизируют Японии. Большинство из них связано с этой страной каким-то интересом, скорее всего деловым. Наконец, в 2008 г. эта группа лиц представляется более «прокитайской», чем за 5 лет до этого, что подтверждает гипотезу об усилении не только экономического, но и социокультурного влияния Китая на приграничных территориях России.

КИТАЙ И КИТАЙЦЫ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ ВЛАДИВОСТОКА

Будущее российско-китайских отношений в значительной степени зависит от того, как на эти отношения и на Китай смотрит российская молодёжь. Определить её взгляды позволяют как вычленение молодёжной категории респондентов из всей массы опрошенных, так и специальные исследования. Такое исследование — специальный опрос по китайской проблеме — был проведён среди студентов Владивостока весной 2006 г. В нем участвовали 200 студентов 1—4-х курсов нескольких вузов Владивостока, обучавшихся по различным специальностям (гуманитарным, общественным, естественнонаучным, техническим), а проводили опрос студенты-социологи Института международных отношений ДВГУ³².

Прежде чем обратиться к его результатам, отметим, что в среде студенческой молодёжи Китай популярен не в большей степени, чем в других слоях населения. В 2008 г. страной, вызывающей наибольшие симпатии, КНР назвали 9% опрошенных студентов (и 9% по всем группам респондентов), в 2010 г. — 13% (16% по всем группам). Опрос студентов 2006 г. показал, что две трети (66%) определили своё отношение к гражданам КНР как положительное. В то же время каждый четвёртый (27%)

признался, что воспринимает китайцев «скорее отрицательно», а 7,5% зафиксировали своё негативное к ним отношение.

Исследование 2008 г. подтвердило факт существования этой трети: 32% студентов признались, что «ощущают чувство превосходства» над китайцами (при 28% по всем группам населения); 30% «испытывают к ним чувство отторжения»; 36% стали хуже относиться к китайцам (при 27% в среднем).

Похоже, что негативное отношение к китайцам у этой группы студентов сформировалось на основе межэтнических конфликтов. В том, что у них возникали конфликты с гражданами КНР, признались в 2006 г. 22% опрошенных студентов. Причём у большинства (73% из имевших такие конфликты) противоречия с китайцами возникали по поводу некачественного товара или услуг, предложенных гражданами КНР, видимо, на рынках. 43% возмутились, как им показалось, из-за неуважительного отношения к ним со стороны китайцев, а у 7 человек причиной конфликта стала их личная неприязнь к китайцам.

О последнем факторе — личной неприязни к китайцам как главном препятствии к общению с жителями соседней страны — заявили 43 студента (21% от числа опрошенных). Такое же число молодых людей (23%) главным препятствием к общению считают разность культур, а для 56% основным барьером остаётся языковой. Неудивительно, что 31% студентов положительно отнеслись бы к введению в вузах китайского языка как обязательного иностранного. Отрицательное отношение к этой идее высказали 24% опрошенных (каждый четвёртый).

Негативный настрой части студентов в отношении китайцев обусловлен как разностью культур, так и их представлениями о демографической экспансии граждан КНР на территории России (которая сильно преувеличивается), о «китайской угрозе». Свыше половины студентов (53%) высказались за ужесточение правил въезда граждан КНР на территорию России и только 20% отвергли этот подход к решению проблемы. Эти данные вполне соотносятся с общими взглядами дальневосточников на проблему китайского присутствия, полученными в ходе предыдущих опросов.

Тем не менее к бракам с гражданами азиатских государств студенты относятся более толерантно, чем представители других слоёв населения. В 2008 г. одобрили бы брак своих родственников с китайцами 12% студентов (вдвое больше, чем по всем группам населения), негативно отнеслись бы к нему 36%, посчитали такой брак личным делом каждого 48%. В 2006 г. возможность создания семьи с гражданином или гражданкой Китая допустил каждый пятый (20%) из опрошенных студентов Владивостока. Более половины (55%) категорически отвергли такую перспективу. Затруднились с выбором ответа 25% опрошенных.

Вдвое больше среди студентов, чем в других группах населения, было готовых перебраться в КНР на постоянное жительство: 7—8% по двум опросам (при средних 4%), а также желающих временно поработать в этой стране (16% при 9% по всем группам респондентов). В 2010 г. среди всех опрошенных на Дальнем Востоке студентов эмигрировать в Китай выразили желание 15%, а поработать там временно — 9%.

Студенты — самая мобильная группа населения после предпринимателей с точки зрения посещения ими Китая. В 2008 г. 68% опрошенных студентов признались, что хотя бы раз бывали в Китае. Соответственно личный опыт служит для них одним из главных источников сведений о Китае и китайцах. Для 66% источником информации о КНР является телевидение. Не забыта и школа, которую упомянули 40%. Наконец, четвёртым по значимости каналом получения сведений о стране служит для студентов Интернет — 38%.

Возвращаясь к тем студентам, что уже побывали в КНР, отметим, что на большинство из них страна произвела благоприятное впечатление. В 2006 г. 54% опрошенных однозначно заявили, что Китай им понравился, а 36% хотели бы снова посетить эту страну. Равнодушными остались чуть более 7%, с плохими впечатлениями и решением больше никогда не ездить в Китай вернулись из него только трое (2,3%). Важно, что у 40% студентов из тех, кто побывал в Китае, отношение к стране улучшилось. У половины оно осталось

неизменным, и только 10% заявили, что их отношение к Китаю изменилось в худшую сторону.

Любопытно, что же в Китае более всего понравилось студентам. На первом месте оказался уровень обслуживания (39% респондентов), на втором — экономические достижения страны (34%). Далее следуют памятники истории и культуры (26%) и природа (23%). Ничего не понравилось только 18 студентам (14% опрошенных).

Не надо удивляться этому выбору приоритетов. Нравится прежде всего то, что хотели бы иметь, но чего у самих нет. На фоне российского сервиса и российской экономической действительности достижения Китая в этих областях действительно впечатляют. Чтобы восторгаться историей и культурой, надо их хотя бы немного знать и понимать. Такими знаниями обладает, хотя бы на минимальном уровне, только треть опрошенных студентов (34%). Для остальных Китай — не более чем экзотика.

В то же время стремление больше узнать о Китае выразили 57% студентов Владивостока. Процент весьма существенный, что означает наличие солидного потенциала для создания гуманитарной среды российско-китайского сотрудничества. И как раз культурой Китая интересуются более всего: 51% в 2006-м и 43% в 2008 г. Немного меньше (37%) хотели бы пополнить свои знания о повседневной жизни китайцев, каждый четвёртый — об истории и экономике Китая (соответственно 24 и 26%). Не интересуются страной 43% студентов. У них свои интересы и приоритеты, что в принципе вполне закономерно.

Российско-китайские отношения студенты оценивали в общей своей массе как благоприятные. В 2006 г. назвали их «дружескими» 30% респондентов, «дипломатическими» — 27, «взаимовыгодными» — 25%, и только 8% — «напряжёнными». Два года спустя как «хорошее» оценил состояние российско-китайских отношений каждый второй из опрошенных студентов (51%) и только 8% назвали его «плохим». 60% в этом же свете увидели перспективы двусторонних связей (для 7% эти перспективы «плохие»).

В целом, если попытаться сделать общий срез представлений студенчества о Китае и китайцах, кажется очевидным, что три четверти из них в общем настроены на совместное, добрососедское, дружеское проживание. В то же время от 20 до 30% представляют собой питательную среду для распространения идей национализма, которая может серьезно осложнять российско-китайское межгосударственное и приграничное сотрудничество.

* * *

Итак, наш почти 20-летний мониторинг общественного мнения дальневосточников позволяет выделить несколько устойчивых черт их взглядов и представлений о Китае и китайцах, их отношения к великой стране и её жителям.

1. Эта тема никого не оставляет равнодушным. Не затрагивая глубинные основы формирования сознания (чем должны заниматься психологи), мы можем утверждать, что фактор Китая стал одним из определяющих мотивов в выборе жителями региона, особенно молодыми, своего будущего жизненного пространства (остаться или уехать? А почему бы не в Китай?), потребительского спроса (покупать или не покупать китайское?), сферы деятельности (массовое изучение китайского языка), места и форм отдыха и поправки здоровья и т.д.
2. Повышение интереса и уважения к Китаю. При этом стереотипы, сформировавшиеся в начале 1990-х, живут и здравствуют. Им не подвластна логика. Они не верят статистике. Они руководствуются эмоциями, суевериями, инстинктами.
3. Страх перед «китайской экспансией» сохраняется. Незнание и непонимание Китая, умноженное на осознание его растущей мощи на фоне слабеющего потенциала России, рождает недоверие, подозрительность и страх.
4. Культурная пропасть между россиянами и китайцами не исчезает и даже не становится меньше. Некоторые

симптомы улучшения проявились в 2008 г., после проведения «годов» России и Китая. Но «мост» ещё строить и строить, и ставший притчей во языцех мост через Амур, на строительство которого никак не могут решиться российские чиновники, кажется детской забавой по сравнению с той грандиозной задачей, которую представляет собой строительство «моста взаимопонимания» через пропасть, которая разделяет две цивилизации.

5. Большинство россиян, как и китайцев, проживающих вдоль линии границы, уже осознали, что у них нет альтернативы кроме как искать способы улучшения отношений с соседом, решать проблемы и преодолевать существующие препятствия.

Большинство жителей юга Дальнего Востока позитивно оценивают состояние и перспективы российско-китайских отношений. Они озабочены китайской миграцией, растущей экономической зависимостью от Китая, однако куда больше их волнует не эта зависимость, а способность и желание Российского государства обеспечить их собственную безопасность, защитить восточные территории страны от любых угроз извне. Они считают отношения с Китаем очень важными и выгодными для России. Но в то же время, как заметил один из экспертов в ходе опроса весной 2000 г., «...необходимо чётко определить сферу стратегических интересов России на долгосрочной основе», «создать более чёткую стратегию взаимодействия с Китаем», «разработать специальные программы приграничного сотрудничества и развития приграничных районов, аналогичные китайским».

---

¹ Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М.: Муравей, 2001. С. 6.

² Примером тому может служить демонстрация рыночных торговцев в Петропавловске-Камчатском в 2002 г., когда они перекрыли центральную дорогу и потребовали от властей убрать с рынков китайцев, которые, по их мнению, торгуют по демпинговым ценам.

³ Гельбрас В.Г. Китайская реальность России.

- ⁴ Alexseev M.A. Socioeconomic and security implications of Chinese migration in the Russian Far East // *Post-Soviet Geography and Economics*. 2001. Vol. 42. P. 95—111; Alexseev M. Chinese Migration in the Russian Far East: Security Threats and Incentives for Cooperation in Primorsky Krai // *Russia's Far East*. Seattle and London, 2002.
- ⁵ Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока России. Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2006. С. 150—171.
- ⁶ Забияко А.П. Этническое сознание как субъективный фактор взаимоотношений России и Китая: теоретические и прикладные аспекты // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах*. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2002. Вып. 3. С. 422—428; Он же. Аккультурация мигрантов: перспектива формирования маргинальных этнических групп и культур // «Мост через Амур». Внешние мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: сб. материалов междунар. исслед. семинара. Москва; Иркутск: Наталис, 2004. С. 75—84; Понкратова Л.П., Забияко А.П., Кобызов Р.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 412 с.
- ⁷ См.: Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М.: Наталис, 2000. С. 141—157; Калёных А.В., Максимов В.П. Иркутские студенты о китайских мигрантах // *Исследовано в России*. — <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2003/210.pdf> 2460.
- ⁸ См.: «Китайское измерение» дальневосточной повседневности: материалы исследования. Владивосток: ТИПРО-центр, 2005; Козлов Л.Е., Суховольская Т.Н. Международное положение российского Дальнего Востока в оценках его жителей // *Международники и регионоведы об актуальных проблемах мировой политики*. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. С. 154—170.
- ⁹ Во второй половине 2007 г. ВЦИОМ по заказу Института Дальнего Востока провёл такое исследование в Москве, Владивостоке, Хабаровске и Благовещенске. (См.: Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Вост. кн., 2009. С. 288—340).
- ¹⁰ Совместная российско-китайская декларация // *Сборник российско-китайских договоров. 1949—1999*. М.: Терра-Спорт, 1999. С. 333—337.
- ¹¹ Подробно о взглядах властей Дальнего Востока на Китай см.: Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX—XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2006. С. 257—268.
- ¹² Подробнее см.: Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях. М.: Восток—Запад, 2004. С. 321—331.

- ¹³ В начале нового века власти г. Хэйхэ, а потом Суйфэньхэ и Дуннин-на стали активно предлагать россиянам дешёвое жильё в специально отстраиваемых для иностранцев кварталах. Следствием этого стало переселение некоторых благовещенских пенсионеров, прельстившихся дешёвизной жилья (аналогичная квартира в Хэйхэ в 3—4 раза дешевле, чем в Благовещенске), мизерными коммунальными расходами, низкими стоимостью жизни и уровнем инфляции в Китае, на жительство в соседний Хэйхэ.
- ¹⁴ К китайцам автоматически причисляли всех приезжающих в страну граждан КНР, хотя среди них, особенно в Приморье, было немало этнических корейцев из Яньбяньского автономного округа провинции Цзилинь. Многие жители региона также не отличали торговавших на рынках вьетнамцев от китайцев.
- ¹⁵ Ответы на аналогичный вопрос, содержащийся в анкете Института Дальнего Востока РАН (2007 г.), дали близкие ответы: отрицательно отнеслись бы к браку своего родственника с китайцем 43% дальневосточников (и 38% москвичей), положительно — 10% (6% москвичей). См.: Ларин А.Г. Китайские мигранты в России... С. 337.
- ¹⁶ См.: Гончаров С. Китайцы в России — кто они? // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 4. С. 17—18.
- ¹⁷ Подробнее см.: Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 74, 75.
- ¹⁸ См.: Звягельский Р. Негоже резать по живому // Человек и право. 1995. № 6. С. 1; Владивосток, 1994. 16 нояб.
- ¹⁹ Насколько живуч этот стереотип, показывают результаты исследования А.Г. Ларина: в 2007 г. 30% респондентов-дальневосточников, в том числе в Хабаровске — 36% (но только 17% — москвичей) согласились с тезисом анкеты, что у китайского правительства есть тайные планы заселить Дальний Восток китайцами, а 19% — с посылкой о тайном замысле Пекина прибрать к рукам экономику Дальнего Востока (Ларин А.Г. Китайские мигранты в России... С. 309).
- ²⁰ Доступно: — <http://bd.fom.ru/report/map/of004605>.
- ²¹ [http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/1620.html?no_cache=1&L\[0\]=0&cHash=50e5382e50](http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/1620.html?no_cache=1&L[0]=0&cHash=50e5382e50).
- ²² Уже упоминавшийся выше общероссийский опрос Фонда «Общественное мнение» в ноябре 2000 г. дал аналогичные результаты: 57% опрошенных россиян допустили возможность отторжения российских земель вследствие переселения большого числа граждан КНР на территорию России; 25% отвергли подобный сценарий.

- ²³ Подробнее см.: Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 196—225.
- ²⁴ 14 октября 2004 г. министры иностранных дел России и КНР С. Лавров и Ли Чжаосин подписали *Дополнительное соглашение между РФ и КНР о государственной границе на её восточной части*, которым был окончательно решён вопрос о принадлежности островов на реках Амуре и Аргунь. Во время встречи министров иностранных дел России, Индии и Китая 1 июня 2005 г. во Владивостоке С. Лавров и Ли Чжаосин обменялись ратификационными грамотами по этому соглашению. 21 июля 2008 г. С. Лавров и министр иностранных дел КНР Ян Цзечи подписали в Пекине *Дополнительный протокол — описание российско-китайской государственной границы на её восточной части*, который зафиксировал пограничное разграничение на последнем участке границы — островах на Амуре.
- ²⁵ Как сформулировала эту концепцию одна из ведущих демографов Дальнего Востока Е. Мотрич, «...можно предположить, что китайское правительство вернулось к идее отторжения русского Дальнего Востока путём постепенного заселения его территории выходцами из Китая и взятия под контроль местной торговли, промышленности и сельского хозяйства» (Мотрич Е. Китайские мигранты в Хабаровске // *Перспективы Дальневосточного региона: китайский фактор*. М., 1999. С. 50).
- ²⁶ Амурская область в цифрах. Официальное издание. Благовещенск, 2007. Ч. 1. С. 139; Аналитический отчёт о миграционной ситуации в Приморском крае за январь—декабрь 2006 г. С. 3; Хабаровский край в 2006 году: стат. сб. Хабаровск, 2007. С. 118; <http://www.adm.khv.ru/invest2.nsf/Tourism/RegulationRus/7B40C6A57D01EB82CA25754B0022CEAB?OpenDocument>; <http://www.eao.ru/?p=87>.
- ²⁷ При этом наши результаты в этой части несколько более оптимистичны, чем результаты исследования, проведённого ВЦИОМ во второй половине 2007 г. по заданию ИДВ РАН, хотя по Благовещенску и Владивостоку они совпадают: в Благовещенске предрекли «рост противоречий, охлаждение отношений» между Россией и Китаем 15% респондентов, во Владивостоке — 9%. В Хабаровске число лиц, пессимистично рассматривающих отношения между двумя государствами, составило 18%, а на Дальнем Востоке в целом (явно за счёт Хабаровска) — 14% (см.: Ларин А.Г. Российско-китайские отношения и китайские мигранты в оценке россиян // *Проблемы Дальнего Востока*. 2008. № 5. С. 113).
- ²⁸ Доступно: <http://bd.fom.ru/report/cat/frontiers/countries/china/d044309>.

- ²⁹ [http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/1620.html?no_cache=1&L\[0\]=0&cHash=50e5382e50](http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/1620.html?no_cache=1&L[0]=0&cHash=50e5382e50).
- ³⁰ Larin V., Rubtsova A. *At the Crossroads: Russian-Chinese Border Interactions // Caught in the Middle. Border Communities in an Era of Globalization*. Washington, 2001.
- ³¹ В 1990-е гг. процесс пересечения границы через погранпереход Пограничный—Суйфэньхэ мог занимать от двух до 8 часов. Причина была как в отсутствии приспособленных помещений, крайне низком техническом уровне оснащения пограничной и таможенной служб, так и в «человеческом» факторе: бюрократизации процедур, квалификации персонала и, в конце концов, отношении к людям.
- ³² Предварительные результаты опроса были представлены на конференции в июне 2006 г. в Харбине и опубликованы (см.: Ларина Л.Л. Студенты Владивостока — о Китае и китайцах // Сборник сочинений IV Международного форума по региональному сотрудничеству и развитию между Китаем и Россией. Харбин, 2006. С. 258—262; Ларина Л.Л. Китай глазами молодежи // Россия — Китай. XXI век. 2006. Дек. С. 32—36).

СИМПАТИЧНАЯ ЯПОНИЯ

В 1990-е годы для жителей Дальнего Востока российско-японские отношения выстраивались как бы в двух плоскостях. Первая — межгосударственные связи, «большая политика», в центре которой — судьба южнокурильских островов. Вторая — межрегиональные, преимущественно негосударственные связи в сфере торговли и инвестиций, различные формы гуманитарных контактов. Первая была сопряжена с напряжёнными ожиданиями: не сдаст ли податливое влиянию Запада российское правительство Курильские острова Японии? Вторая вызывала больше положительных эмоций и приносила реальные плоды.

По фазам развития отношения в этих двух сферах явно не совпадали. В первую половину 1990-х, когда Россия и Япония с трудом нащупывали новую платформу развития двусторонних отношений, региональные связи, особенно в экономической и гуманитарной сферах, быстро развивались. После 1997 г., когда вроде бы наметился прорыв в межгосударственных отношениях, произошёл явный спад в сфере торговли и инвестиций.

Исчезновение СССР и начало «медового месяца» между Россией и Западом существенно повлияли на отношения Москвы и Токио. Япония отказалась от непримиримой прежде позиции в подходе к «проблеме северных территорий», предполагая, что новая российская власть будет уступчивее в её решении. Формула «незаконной оккупации северных территорий» была заменена более мягкой позицией «заключения мирного договора на основе решения вопроса о принадлежности северных островов». Со своей стороны, Кремль, отказываясь от жестких схем периода «холодной войны», также пытался по-новому строить отношения с ведущей экономической

державой Азии. Однако японская дипломатия, проявив традиционную осторожность и инертность мышления, не смогла по примеру США или ФРГ резко сблизиться с руководством «новой» России и добиться от неё существенных уступок, чего, где с надеждой, а где со страхом, ожидали и в Японии, и в России. Москва же, увлечённая флиртом с США и Западной Европой, серьёзного внимания Восточной Азии не уделяла, а связи с Японией считала делом третьестепенной важности.

В октябре 1993 г. во время официального визита Б. Ельцина в Японию была подписана Токийская декларация, в которой стороны признали наличие «территориальных споров» между ними и выразили намерение стремиться к решению существующей проблемы «на основе закона и справедливости». В этом году случились ещё два знаковых для Дальнего Востока события: в ноябре открылись Генеральные консульства Японии в Хабаровске и Владивостоке. Тем не менее заметно прогресса в двусторонних отношениях достигнуто не было.

Только в 1996 г., когда к руководству страной пришло правительство Р. Хасимото (1996—1998), Токио отреагировал на сближение России с Китаем и новые инициативы Москвы в отношении Японии корректировкой своего курса в отношении России. Р. Хасимото сделал ставку на установление «тёплых личных отношений» с Б. Ельциным и активизацию контактов с Кремлём. В начале 1997 г. была сформулирована политика «многостороннего вовлечения», которая включала переговоры по территориальному вопросу, сотрудничество с Россией в сферах экономики, политики, безопасности и взаимодействие на международной арене. В июле этого года, представляя свою «новую евразийскую политику», Р. Хасимото определил, что акцент в отношениях с Россией должен быть на трёх принципах: доверия, взаимной выгоды и долговременной перспективы¹. Со своей стороны, российское правительство, теснимое НАТО на Западе, движимое идеями превращения России в азиатско-тихоокеанскую державу и получения экономической и технологической помощи из Японии, необходимо для развития Дальнего Востока, сделало шаг навстречу. Первый в истории визит кораблей сил самообороны Японии

во Владивосток в июле 1997 г. стал свидетельством определённого прорыва в двусторонних отношениях.

В конце июня 1997 г. Б. Ельцин на встрече с Р. Хасимото в г. Денвере объявил, что Япония перестаёт быть целью российских ядерных ракет, поддержал идею о предоставлении Японии места постоянного члена СБ ООН и даже предложил стратегическое партнёрство между двумя странами. Р. Хасимото, в свою очередь, заявил, что Япония поддерживает стремление России вступить в АТЭС.

В течение последующего года состоялись три встречи Ельцин — Хасимото: в ноябре 1997 г. в Красноярске, в апреле 1998 г. в Каване и в ноябре 1998 г. в Москве. На первой встрече было объявлено о намерении лидеров двух государств «приложить все силы» для заключения мирного договора до конца 2000 г. Эта договорённость дала мощный импульс развитию двусторонних контактов. Японское правительство стало рассматривать диалог с Россией не только как средство решения территориальной проблемы, но и как механизм обеспечения более широких целей своей страны. Основной новой стратегии Японии стала идея решения проблемы Южных Курил посредством улучшения отношений с Россией во всех областях и всемерного укрепления взаимопонимания и доверия между двумя странами.

В апреле 1998 г. в Каване Р. Хасимото выдвинул новое предложение по урегулированию территориальной проблемы: Россия признаёт суверенитет Японии на всех спорных островах, соответствующим образом фиксирует в мирном договоре линию границы и взамен сохраняет Южные Курилы под своим административным управлением на неопределённый срок.

Эти встречи, предложения японской стороны и невнятная реакция российских властей на японские инициативы породили в общественном мнении России тревожные ожидания: отдаст Б. Ельцин острова японцам или нет? При этом заметного прогресса в иных связях на высшем уровне, кроме политических, в период между 1997 и 2000 гг. не наблюдалось.

В то же время активно развивались отношения на региональном уровне. С 1991 по 1997 г. между городами и регионами Дальнего Востока и Японии было подписано свыше двух

десятков соглашений о побратимских связях. За 1992—1998 гг. Япония оказала гуманитарную помощь территориям Дальнего Востока (лекарственные препараты, медицинская аппаратура, продукты питания) на сумму свыше 84 млн. долл.

В первое десятилетие XXI в. две проблемы привлекали внимание россиян к Японии: переговоры о судьбе Курильских островов и проект строительства нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан (ВСТО).

В сентябре 2000 г. в Токио В. Путин сделал жест, изменивший характер переговоров двух стран по территориальному вопросу: признал действенность Совместной декларации 1956 г., в которой СССР выразил готовность после подписания мирного договора передать Японии Шикотан и гряды Хабомаи. На рабочей встрече в марте 2001 г. в Иркутске В. Путин и премьер-министр Японии И. Мори подписали совместное Заявление по проблеме мирного договора, в котором была подтверждена действенность декларации 1956 г.

26 апреля 2001 г. премьер-министром Японии был избран Дз. Коидзуми, который сразу дал понять, что придерживается традиционного подхода Токио к решению территориальной проблемы: заключение мирного договора вкупе с возвращением суверенитета над всеми четырьмя островами. За этим последовал пятилетний период ужесточения позиций Японии в отношении территориальных претензий к России.

Реакция России была адекватной. В марте 2002 г. в Государственной Думе РФ состоялись парламентские слушания по теме «Южные Курилы: проблемы экономики, политики и безопасности». Практически все их участники высказались против передачи островов Японии. Ещё более жёсткую позицию занимали депутаты Сахалинской областной думы. В эти годы, как признают японские исследователи, «интерес правительства Путина к Японии упал до очень низкой отметки»².

В то же время в начале века возрос экономический интерес Японии к Дальнему Востоку, что было в немалой степени связано с проблемой энергоснабжения страны, заметно обострившейся после начала войны в Ираке³. Токио обратил серьёзное внимание на возможность расширения импорта энерго-

ресурсов из Сибири. Идея строительства трубопровода ВСТО, инициированная Китаем⁴, спровоцировала обострение борьбы между Токио и Пекином не только за доступ к сибирским ресурсам, но и за степень влияния на центральное и местные правительства России.

В январе 2003 г. премьер-министр Японии Дз. Коидзуми посетил г. Хабаровск. Он заехал в столицу Дальневосточного федерального округа после завершения официального визита в Москву, где В. Путин и Дз. Коидзуми подписали «План действий» сторон на последующий период, в том числе по вопросам взаимодействия в освоении энергетических ресурсов Сибири и Дальнего Востока и транспортировке их в Японию. Японские СМИ трактовали посещение Коидзуми г. Хабаровска как демонстрацию намерения Токио усилить своё присутствие на Дальнем Востоке, прежде всего в энергетической сфере⁵.

В июне 2003 г. министр иностранных дел Японии Ёрико Кавагучи посетила г. Владивосток, став первой в истории Страны восходящего солнца главой ведомства иностранных дел, побывавшей в этом городе. Целью визита Кавагучи, по её собственным словам, было «...ещё раз подтвердить значение, которое Япония придаёт Дальнему Востоку как части Российской Федерации». Визит, как отметила министр, «придал дополнительную движущую силу тенденции к укреплению экономических связей между РФ и Японией»⁶.

Токийская встреча Коидзуми и Путина (ноябрь 2005 г.) также имела «энергетический уклон»: немалое место на ней было отведено сахалинским проектам и взаимодействию в строительстве трубопровода ВСТО. С большим оптимизмом стороны договорились «работать для достижения взаимопонимания [по проблеме трубопровода] как можно ранее в 2006 г.»⁷ Завершилась встреча подписанием ряда двусторонних соглашений (меморандумов), имеющих непосредственное отношение к Дальнему Востоку.

Новый интерес Токио к Дальнему Востоку был спровоцирован инициативами В. Путина по развитию восточных регионов России, высказанными в декабре 2006 г. Японские «Инициативы по укреплению японо-российского сотрудничества

на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири», предложенные Москве в июле 2007 г.⁸, показали, что Токио, предполагая серьёзность намерений России интегрироваться в регион посредством развития Сибири и Дальнего Востока, стремился не упустить процесс из-под контроля, «застолбить» свои позиции, прежде всего в энергетическом секторе.

Этот осторожный интерес был подтверждён в апреле 2008 г. во время неофициальной встречи В. Путина и нового премьера Японии Я. Фукуды в Москве, а также встречи нового президента России Д. Медведева и Я. Фукуды в июле этого же года в Тояко. В Москве лидеры двух государств договорились «развивать взаимовыгодное сотрудничество в таких стратегических областях, как энергетика, включая нефть, газ и ядерную энергию, транспорт, включая возрождение логистического маршрута по Транссибирской магистрали, и экология». Конкретно главы государств поддержали идею создания совместного предприятия между Роснефтью и компанией JOGMEC для разработки месторождений нефти в Иркутской области, которое может «стать образцом для строительства трубопровода «Восточная Сибирь — Тихий океан», и высказались за сотрудничество в подготовке Владивостока к саммиту АТЭС⁹. В Тояко главы двух государств поддержали Программу межгосударственного сотрудничества в деле сохранения экосистем в районах, прилегающих к двум странам, в том числе в Охотском море, договорились о создании подкомитета на уровне заместителей министров двух стран для реализации Инициативы по укреплению японо-российского сотрудничества в Сибири и на Дальнем Востоке.

Тем не менее межгосударственные отношения были для дальневосточников скорее фоном, чем фундаментом для выстраивания своего отношения к Стране восходящего солнца. У них были свои интересы и подходы. Во-первых, заинтересованность в экономических связях с Японией. Однако интерес этот у различных территорий был неодинаков, что обусловило и разную степень их ориентации на эту страну. Для Приморья и Хабаровского края связи с Японией были намного важнее, чем для Благовещенска и Биробиджана¹⁰. Во-вторых, личные интересы очень многих жителей, основанные на подавляю-

щем доминировании на дорогах региона японских автомобилей. Перманентная борьба Москвы против ввоза праворульных японских автомобилей подогревала интерес дальневосточников к Японии и вызывала у них растущее недовольство действиями столицы. Кроме того, в ориентированном на Японию автомобильном бизнесе был занят значительный сегмент местного населения¹¹. В-третьих, большое значение для поддержания имиджа Страны восходящего солнца имела активная просветительская деятельность японской дипломатии. Генеральные консульства Японии во Владивостоке, Хабаровске, Южно-Сахалинске всячески — через выставки, фестивали, конкурсы и другие мероприятия — поддерживали интерес жителей региона к Японии.

СИМПАТИИ И АНТИПАТИИ

Представления россиян о Японии складывались под воздействием прежде всего экономических факторов: доступных им сведений об экономических достижениях этой страны, уровне материального благосостояния её жителей, собственной зависимости от результатов деятельности японской экономики (доступность японских товаров). Второй важной основой для формирования этих представлений стало восхищение японской культурой. Политические мотивы («курильская проблема», американо-японский союзный договор и американское военное присутствие на территории Японии), а также историческое наследие (постоянно присутствовавший в XX в. фактор военной угрозы России со стороны Японии) оказывали куда меньшее воздействие. Добавим, что похожие факторы влияли на формирование симпатий и антипатий населения России к Китаю и США.

Наверное, именно поэтому ответы респондентов на прямой вопрос: «Как вы относитесь к Китаю, китайцам, Японии и японцам?» (исследование 1997 г.), высветили чёткую ориентацию дальневосточников на Японию (*рис. 1*). Как «хорошее»

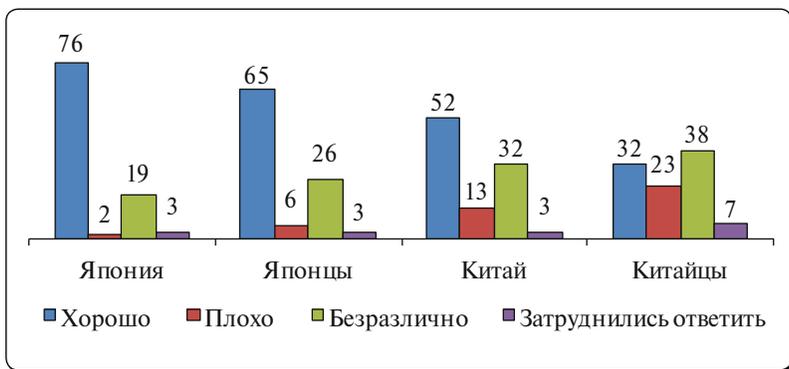

Рис. 1. Отношение дальневосточников к странам и народам Восточной Азии (1997 г., юг Дальнего Востока, % от числа опрошенных)

своё отношение к Японии определили в 1,5, а к японцам — в 2 раза больше опрошенных, чем к Китаю и китайцам.

Представленная респондентам в ходе других опросов возможность выбрать самые симпатичные для них страны мира из перечня альтернативных вариантов картину не меняла: Япония намного опережала Китай, как и другие азиатские государства, в образе «положительного героя». Ни разу общий уровень симпатий к этой стране не опускался ниже 34%, тогда как максимум, достигнутый другими азиатскими государствами, вплоть до 2010 г. не превышал 13%.

Анализ динамики отношения дальневосточников к Японии за последние полтора десятилетия (рис. 2) позволяет выделить несколько ключевых показателей.

Во-первых, Япония стабильно держит первое место в рейтинге страновых пристрастий дальневосточников. Лишь дважды она уступала первую строчку — в 1995 г. Соединённым Штатам Америки и в 2008 г. — Австралии.

Во-вторых, кривая незначительного, но всё же падения (до 2000 г.) уровня интереса к этой стране (как симпатий в целом, так и желания посетить Японию в качестве туриста, временно там поработать и даже переехать туда на постоянное жительство) удивительным образом совпадает с периодом

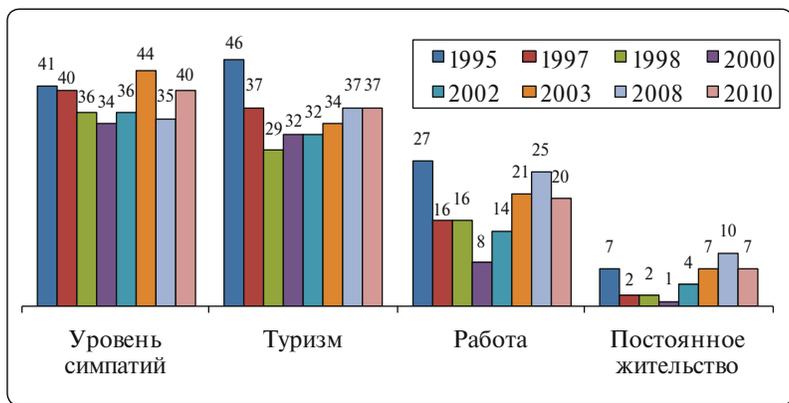

Рис. 2. Динамика отношения к Японии (1995—2010 гг., Дальний Восток, % от числа опрошенных)

улучшения межгосударственных отношений и ростом ожиданий российской общественности решительных шагов администрации Б. Ельцина по решению курильской проблемы «в пользу Японии». Последующий (с 2002 г.) рост рейтинга Японии аналогичным образом коррелирует с периодом реализации политики «защиты национальных интересов России» В. Путина, укреплением международных позиций и престижа России в мире.

В-третьих, Япония является одной из самых привлекательных для дальневосточников стран мира с точки зрения туризма и временной работы, конкурируя в первом случае с Австралией, Францией и Индией, а во втором — с США, Австралией и Канадой. В 2010 г. 37% опрошенных жителей региона упомянули Японию как страну, наиболее привлекательную для туризма, что позволило ей обойти традиционного лидера в этой области — Францию (33%), а также Индию и Австралию (по 31%). Каждый пятый респондент (20%) выразил желание временно потрудиться в Японии, что формально вывело её на третью позицию после США (23%) и Канады (21%), но на деле (с учётом статистической погрешности) поставило в один ряд с этими государствами.

В-четвёртых, симпатии симпатиями, но подавляющее большинство жителей Дальнего Востока предпочитает любить Японию на расстоянии. Лишь 2% опрошенных в 1997 г. выразили желание переселиться в Японию на постоянное жительство. Хотя к 2008 г. доля желающих иммигрировать в Японию достигла 10%, совершенно очевидно, что эта страна не является для дальневосточников «землёй обетованной», заметно проигрывая по привлекательности в этом отношении странам европейской культуры. Однако среди азиатских государств она, бесспорно, выигрывает и по этой позиции.

В-пятых, симпатии к Японии в значительной степени носят умозрительный характер. Тем дальневосточникам, кто имел шанс познакомиться с ней поближе, она нравится меньше, чем тем, кто видел её мимоходом. В 2006 г. только 20% из опрошенных жителей Приморского края, многократно бывавших в Японии, назвали её страной, вызывающей наибольшие симпатии. А вот среди тех, кто посетил страну 1—2 раза, таких насчитывается 43%. Очевидно, что самые яркие и приятные впечатления Япония оставляет при первой с ней встрече. Более близкое знакомство приводит к пониманию специфики японской жизни и огромных трудностей в адаптации к ним.

В то же время, если среди всех опрошенных приморцев так или иначе доводилось встречаться с японцами 61% опрошенных, то среди симпатизирующих Японии — несколько больше (70%). Личные впечатления от встреч с жителями Японских островов увеличивают симпатии.

Популярность Японии среди дальневосточников (да и россиян в целом) — феномен давнего порядка. Традиционно образ Японии для большинства наших соотечественников соткан из мифов и противоречий. Под одним углом зрения — это воинственный агрессор, постоянно угрожавший интересам России на Тихом океане. Под другим — страна изысканного очарования, которое таится уже в мелодичном звучании самого японского языка. Сто лет назад Япония для русских была страной гейш, хризантем, харакири, чайной церемонии, многочисленных религиозных праздников. В эпоху «железного занавеса» японские порты (Йокогама, Ниигата, Цуруга и др.) стали для

дальневосточников самым близким окном в запретный «западный мир», в которое периодически заглядывали тысячи моряков Приморья, Сахалина, Камчатки, удивляя потом родственников и друзей экзотическими рассказами и «заморскими диковинками» типа джинсов, нейлоновых косынок, магнитофонов и прочей чудо-техники. Машинная эпопея 1990-х, завершившаяся полной победой праворульных «японок» на дорогах не только Дальнего Востока, но и Сибири, ещё крепче привязала Дальний Восток к Японии.

Сегодня образ этой страны у россиян ассоциируется прежде всего с символами её экономического успеха, такими как «Тойота», «Нисан», «Хонда», «Тошиба», «Сони». Однако не они, а своеобразная японская культура является первым по значимости источником привлекательности Японии у дальневосточников. Оставаясь страной экзотичной, Япония кажется им и духовно привлекательной. В сентябре 1995 г. ровно половина респондентов назвали историю и культуру Японии наиболее притягательным разделом её жизни, ещё 27% выразили интерес к её моде, обычаям, нравам. Промышленность, бизнес, наука и образование вызывали интерес у 28—36% опрошенных, внешняя политика и оборона — у 23%. В 2003 и 2006 гг. культура, традиции в совокупности с историей также доминировали среди причин выбора Японии как страны наибольших симпатий. Экономика занимала твёрдое второе место (рис. 3).

Констатируя интерес дальневосточников к духовным ценностям японского общества, однако, отметим, что реальный уровень знаний населения о японской истории и культуре невысок. Точность идентификации ими известных исторических и современных персонажей Японии оставляет желать лучшего. В 2008 г. правильно определили статус Хирохито как императора страны только треть (34%) опрошенных (в 1995 г. — 41%). Накасонэ признали политиком 20% респондентов (в 1995 г. — 38%), Куросаву режиссёром — 47% (в 1995 г. — 38%) и Мураками писателем — 39%. Самыми информированными показали себя респонденты от 30 до 49 лет и представители творческих профессий (учёные, преподаватели, деятели культуры и искусства).

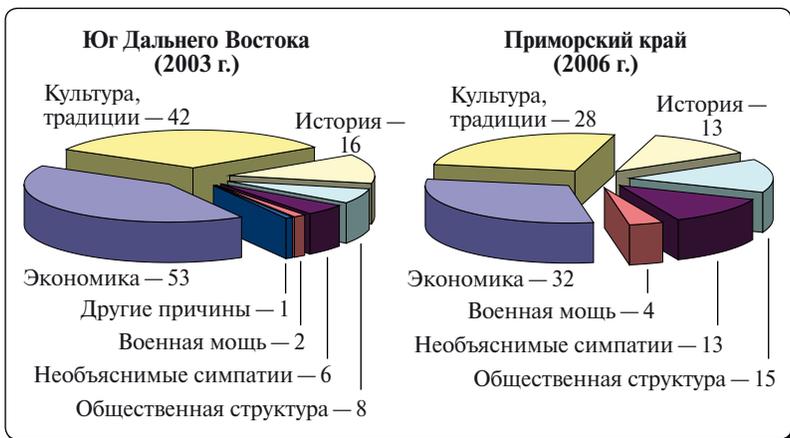

Рис. 3. Причины симпатий к Японии (2003, 2006 гг., % от числа опрошенных; 2003 г. — можно было дать несколько ответов, 2006 г. — один ответ)

Наверное, есть что-то мистическое в тяге россиян к Японии, проявившейся ещё на первых этапах их знакомства с этой страной. И сегодня они не перестают восхищаться Японией, уважать её, завидовать ей, жалеть (как страну, пострадавшую от ядерной бомбардировки, государство с маленькой территорией, страдающей от землетрясений, тайфунов, цунами) и в какой-то степени — через эту жалость — любить... На вопрос «почему?» почти никто не сможет дать вразумительного ответа. Вам будут говорить об интересе к японской экономике, истории, культуре, обычаях Японии, о которых 99% дальневосточников по большому счёту имеет смутное представление. Япония для них, в лучшем случае, это «динамичная страна», где в изобилии качественные товары и дешёвые машины. Симпатии к Японии по-прежнему базируются больше на экзотических символах и образах, основой которых является триединство «икебана—самурай—гейша», чем на реальном знании.

Наши исследования полностью подтверждают хотя и резкие, но справедливые заключения А. Куланова о том, что «Япония для России — во многом символ и образ», который часто

«имеет мало общего с оригиналом и сводится к группе устойчивых стереотипов», что «мы сами придумываем Японию, в которую потом начинаем верить»¹². Поэтому не вызывает удивления, что уровень знаний японских персоналий среди тех респондентов, кто выражает свои симпатии к Японии, отнюдь не выше, чем у всей остальной массы населения. По некоторым параметрам он даже несколько ниже, чем среди тех, кто симпатизирует Китаю, хотя и выше, чем у симпатизирующих США (табл. 1).

Таблица 1

**Правильная идентификация дальневосточниками
знаменитых японцев (2008 г., юг Дальнего Востока,
% от числа опрошенных по каждой группе)**

Персоналии	Респонденты в целом	Симпатизирующие		
		Японии	Китаю	США
Акихито	21	22	21	15
Куросава	47	48	51	42
Мураками	39	42	46	43
Накасонэ	20	19	15	13
Тодзио	12	13	10	9
Хирохито	34	34	49	28

Плохо представляет себе японские реалии молодёжь. Не более трети молодых людей выдерживает «экзамен» на знание японской политики и культуры, проводимый посредством простенького теста на узнавание выдающихся деятелей этой страны (рис. 4).

При этом многие представители молодёжи склонны утверждать, что они активно интересуются Японией. Летом 2006 г. более половины (54%) опрошенных жителей Приморья признались, что хотели бы больше знать о Японии. Среди респондентов в возрасте до 20 лет таковых оказалось 60%, среди студентов — 58%. Особенно интересовали приморцев культура страны (24% от общего числа опрошенных и 26% студентов), экономика (соответственно, 18 и 20%), история Японии

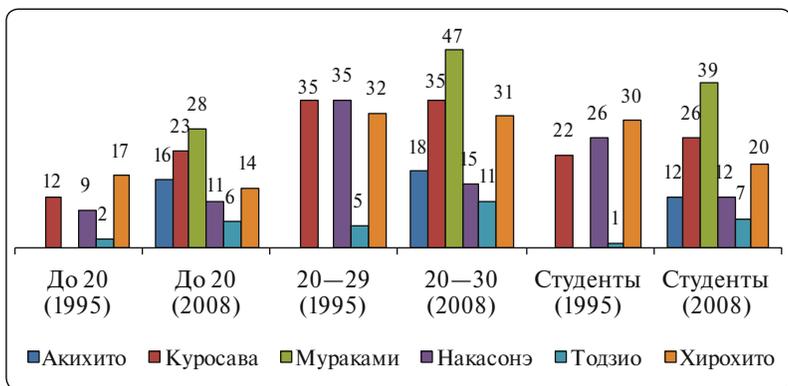

Рис. 4. Правильная идентификация молодёжью и студентами персоналий Японии (1995, 2008 гг., юг Дальнего Востока, % от числа опрошенных по группам)

(18 и 15%), наука и образование (16 и 24%). Более того, свыше половины респондентов (53%) положительно бы отнеслись к введению изучения японского языка как обязательной дисциплины в вузах. Здесь самыми большими поклонниками японского языка (61%) выступили представительницы прекрасного пола (41% — среди юношей), молодые люди в возрасте до 20 лет (60%) и студенты (67%).

Инициативные ответы раскрывают основные причины симпатий или антипатий к японцам. Жители Владивостока (октябрь 1997 г.) уважают подданных Страны восходящего солнца за *«их способность применять всё лучшее, что имеет человечество для своих целей»*, *«потому что они трудяги»*, *«умные, воспитанные, образованные люди»*. Плохое к ним отношение обусловлено, главным образом, цивилизационными различиями: они *«неискренние, хитрые, жестокие»*, *«их истинные намерения закрыты вежливой, но неискренней улыбкой»*.

В немалой степени популярности Японии способствует образ типичного японца, который отличается в лучшую сторону не только от соседей по региону — китайцев и корейцев, но и самих русских, не говоря уже об «агрессивных и хитрых» жителях Кавказа (см. главу 2). Японец, в понимании россиян,

прежде всего вежлив, трудолюбив, ответственен. Это как раз те качества, которых самим россиянам недостаёт (рис. 5).

Наверное, именно поэтому, несмотря на понимание глубоких различий между собственной и японской культурами, только 3% респондентов в 2006 г. и 6% в 2008 г. признались, что испытывают чувство отторжения при общении с японцами (к китайцам такое чувство испытывали, соответственно, 27 и 29%), причём данный процент одинаков для представителей различных возрастов, за исключением 60-летних (у них эта цифра составила в 2008 г. 10%). В 2008 г. несколько большая доля опрошенных — от 9% у 20-летних и до 17% — до 20 лет — призналась, что иногда ощущает своё превосходство над японцами. Однако эта цифра в два раза меньше, чем число тех молодых людей, кто испытывают чувство превосходства над китайцами (34%).

Отношение к Японии меняется в зависимости от места жительства, возраста, социального положения респондентов. Если исходить из возраста, то в 1997 г. наибольшие симпатии к Японии проявили лица до 30 лет, а также от 50 до 60 лет

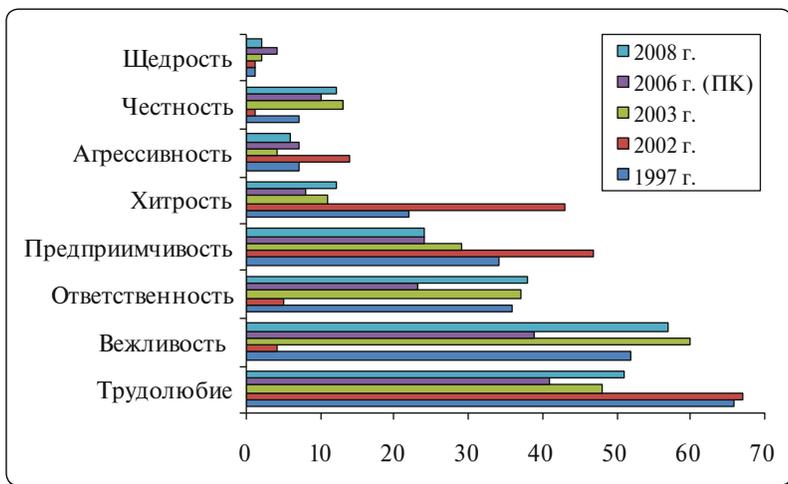

Рис. 5. Представления о наиболее характерных чертах японцев (юг Дальнего Востока, до трёх качеств, % от числа опрошенных)

(в пределах 40—43%). 30—40-летние отдали тогда предпочтение Австралии. Лишь пятая часть пенсионеров и четверть лиц старше 60 лет выделили Японию среди самых симпатичных им стран мира. Однако другие страны вызывали у пожилых людей ещё меньший энтузиазм, и поэтому 39% пенсионеров и 35% лиц старше 60 лет не смогли (или не захотели) назвать привлекательные для них зарубежные страны.

В 2003 г. наилучшее отношение к Японии и её народу продемонстрировали респонденты в возрасте до 20 лет и между 40—50-ю годами (*рис. 6*), а также лица с высшим образованием. По профессии — это служащие, бизнесмены и военные. В 2008 г. лучше всего относились к Японии уже перешагнувшие 20-летний рубеж и те же 40-летние, хуже всего — респонденты старше 60 лет. Возможно, в 2003 г. интерес самых молодых респондентов к Японии был обусловлен пиком популярности в России Х. Мураками, что пришёлся на эти годы. Через пять лет Мураками в России знали и читали значительно меньше. Наконец, в 2010 г. больше всего приверженцев Японии обнаружилось среди молодёжи в возрасте до 20 лет и 50-летних.

Профессиональный срез поклонников Японии показывает, что сильнее всего она нравилась интеллигенции (43% респондентов этой категории назвали её самой симпатичной страной), а менее всего — пенсионерам (19%).

Территориальный срез общественного мнения в отношении Японии выглядит довольно противоречиво. По данным опроса 2002 г., рейтинг общей популярности Японии («страна наибольших симпатий») колебался от 28% в Благовещенске до 35% во Владивостоке. Выпадал из общей картины — в лучшую сторону — Дальнереченск. Почти половина (48%) опрошенных в этом городе назвали Японию страной, вызывавшей наибольшие симпатии.

Опросы 2003 и 2008 гг. выявили нового лидера среди поклонников Японии — г. Хабаровск (соответственно 48 и 46% опрошенных жителей города). Наибольшее число лиц (не в абсолютных, а в относительных цифрах), желающих временно поработать в этой стране, также обнаружилось в Хабаровске (26% респондентов в 2003 г. и 29% в 2008 г.) и Владивостоке

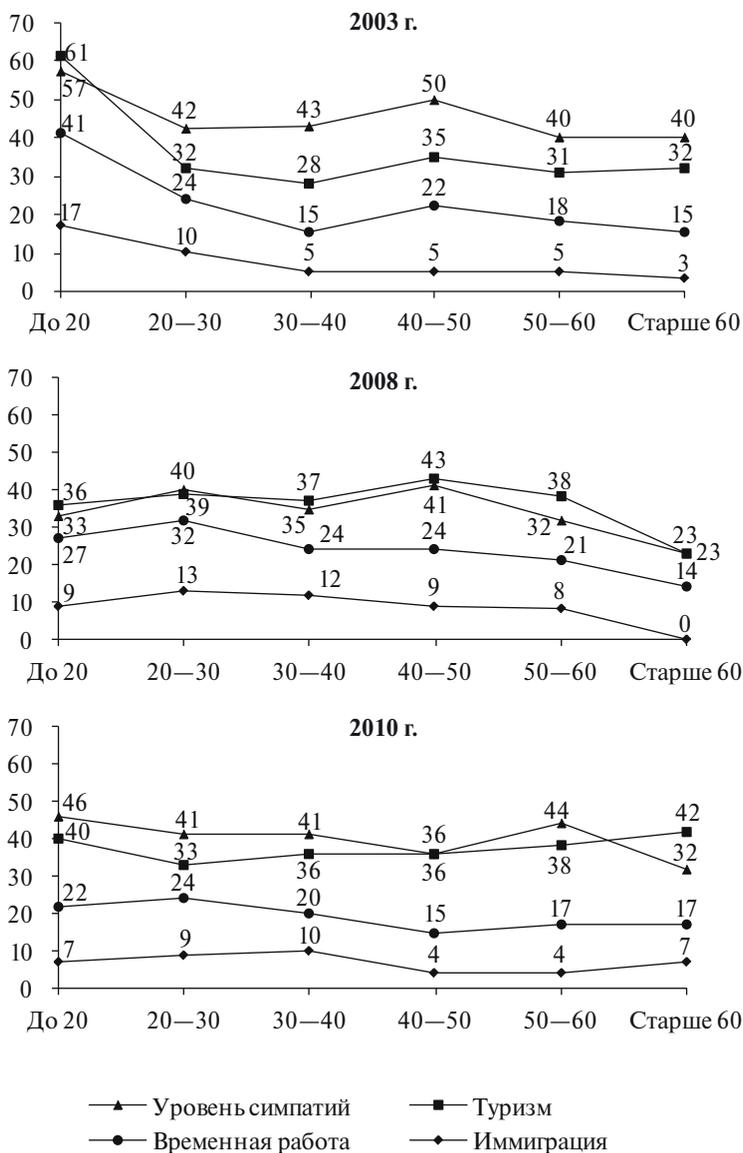

Рис. 6. Отношение к Японии (юг Дальнего Востока, по возрасту респондентов, % от числа опрошенных)

(соответственно 24 и 25%), как и выехать в Японию на постоянное жительство (в 2008 г. 11% в Хабаровске и 10% во Владивостоке).

Наконец, исследование 2010 г. дало несколько иные результаты (рис. 7). Выведенный на основе этих данных «индекс сим-

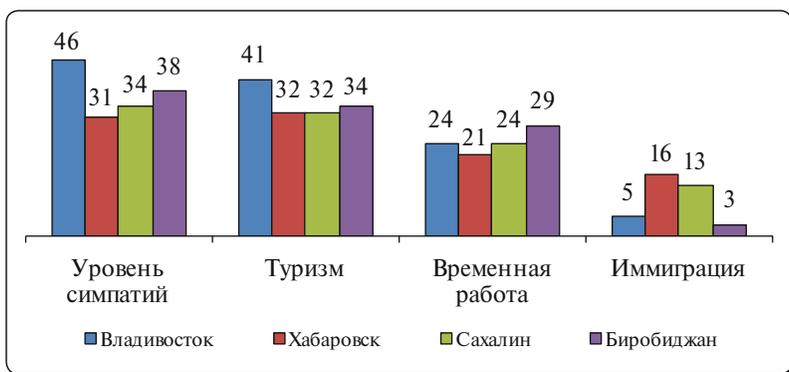

Рис. 7. Отношение к Японии (2010 г., по территориям Дальнего Востока, % от числа опрошенных)

патий» (см. главу 3) к Японии у жителей разных городов колеблется в незначительных пределах, от 116 во Владивостоке до 100 в Хабаровске. Любопытно, однако, что респонденты Владивостока и Биробиджана, в наибольшей степени симпатизирующие Японии, менее других хотели бы переселиться туда на постоянное жительство.

ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

Можно предположить, что отношение дальневосточников к Японии (как и к Китаю и другим странам) должно преломляться ещё и через призму восприятия национальных интересов России, тем более что практически весь период освоения Приамурья русскими проходил в открытой или скрытой конфронта-

ции с государствами Восточной Азии, в открытых или завуалированных спорах за территорию и под знаком взаимных угроз.

Однако более глубокий анализ результатов опросов свидетельствует, что уровень симпатий дальневосточников напрямую не связан с состоянием межгосударственных отношений. Длительная «холодная война» не породила у них ненависти к американцам. Два десятилетия конфронтации с КНР, подкреплённой беззастенчивой антикитайской пропагандой, оказали меньшее воздействие на возникновение антипатии к Китаю и китайцам, чем два года китайской «демографической экспансии» на Дальнем Востоке. Что касается Японии, то светлых страниц в истории российско-японских отношений на протяжении XX в. было заметно меньше, чем окрашенных в мрачные тона. Две полномасштабные войны (1904—1905 и 1945 гг.), японская интервенция на Дальнем Востоке в период Гражданской войны, вооружённые конфликты на Хасане и Халкин-Голе 1930-х гг., острое политическое и идеологическое противостояние и территориальные разногласия второй половины XX в. — всё столетие прошло под знаками «конфликтности», «вражды», «угрозы» с обеих сторон. Тем не менее политическая конфликтность мало повлияла на отношение россиян к японскому народу и японской культуре. Наверное, потому что это были симпатии не к реальной Стране восходящего солнца, а к той Японии, которой, по образному выражению видного японского дипломата и писателя А. Кавато, в реальности не существует¹³.

Несмотря на существование территориального спора с Японией и на жесткие подходы некоторых региональных лидеров к способам его решения (к примеру, такую позицию занимал в 1990-е годы губернатор Сахалинской области И. Фархутдинов), проблема военной и политической угрозы со стороны Японии если и обсуждалась, то только на закрытых совещаниях в армейских и флотских штабах и исключительно в связи с политикой США. Возможность передачи Японии «северных территорий» большинство дальневосточников отвергали в корне. Отвергали, как свидетельствуют опросы общественного мнения, исходя преимущественно из двух посылок:

- 1) ввиду отсутствия явных военно-политических угроз для России со стороны Японии, несмотря на отсутствие мирного договора и нерешённость территориальной проблемы;
- 2) по причине своеобразно трактуемых экономических интересов России; на острова смотрели как бы с позиции рачительного хозяина, которому жалко отдавать накопленное добро, нажитое пусть даже и не очень честным путём, но уже ставшее своим.

Восприятие Японии лишь в малой степени увязывалось с формализацией отношений между государствами. Резко возросшая в 1990-е годы аполитичность россиян проявилась, в частности, в том, что куда меньшее их число, чем ранее, выражало интерес к внешней политике и международным отношениям России вообще и политическим связям с Японией в частности. Свидетельство тому — очень низкая информированность россиян о намеченном на 1—2 ноября 1997 г. саммите Ельцин — Хасимото в Красноярске. Предварительно знали о нем, согласно данным опроса, проведённого за две недели до встречи, только 15% опрошенных жителей Владивостока.

В середине 1990-х, когда восток России охватила эйфория ожидания «скорой интеграции» в АТР, жителям региона часто задавался вопрос о препятствиях к экономическому сотрудничеству государств бассейна Японского моря. Напомним, что самым серьёзным барьером респонденты называли тогда нестабильную политическую ситуацию в России: от 64% опрошенных в 1994 г. до 75% в 1998 г. «Отсутствие мирного договора между Россией и Японией» неизменно выступало в качестве второго важнейшего препятствия к интеграции: 41% респондентов в октябре 1994 г., 49% — в сентябре 1995 г., 38% — летом 1997 г. (см. рис. 8) и 35% в ноябре 1998 г. отметили этот фактор. Это вполне объяснимо: именно о развитии экономических отношений с Японией как основе и локомотиве интеграции России в Восточную Азию грезили в те годы на Дальнем Востоке и власти, и предприниматели, и обыватели.

Надежды на подписание договора основывались на том, что, по представлениям дальневосточников, в нём одинаково

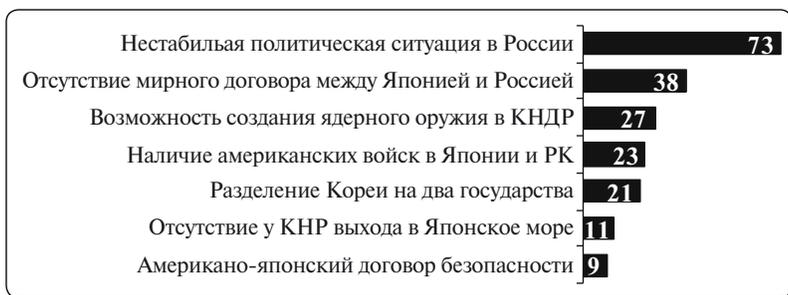

Рис. 8. Препятствия к экономическому сотрудничеству в бассейне Японского моря (июль — август 1997 г., юг Дальнего Востока, % от числа опрошенных)

во нуждались и Россия, и Япония. Опросы весны 1996 и лета 1997 г. во Владивостоке показали, что, по мнению почти половины респондентов (49%), в заключении мирного договора были в равной степени заинтересованы обе страны. 16% были уверены, что больше в этом заинтересована Россия, 17% — Япония. Каждый пятый (21%) полагал, что затягивание с подписанием договора больше повредит России, каждый восьмой (12%) — Японии. 41% респондентов были уверены, что отсутствие договора вредит обеим странам.

Тем не менее вопрос о заключении мирного договора с Японией для многих дальневосточников представлялся далеко не самым главным во внешней политике России. Весной 1996 г. только 38% жителей Приморья назвали эту задачу важнейшей проблемой, которую в первую очередь должен решать вновь избранный президент страны. Более значимыми целями были «увеличение иностранных инвестиций в экономику России» (53% респондентов), «защита прав русских за рубежом» (48%) и «вхождение в «семёрку» ведущих государств мира» (47%).

В вопросе о заключении мирного договора чётко проявилась зависимость позиции респондентов от уровня их образования: чем он был выше, тем более актуальным считалось решение застарелой проблемы. Её назвали важнейшей 30% лиц со средним и 45% с высшим образованием, а наибольшей популярностью идея пользовалась у студентов (57% опрошенных)

и интеллигенции (53%). И в то же время только 15% военных видели в отсутствии мирного договора препятствие к развитию отношений между двумя странами.

Летом 2009 г., как уже отмечалось в главе 2, 29% опрошенных жителей Владивостока назвали *«отсутствие мирного договора между Россией и Японией»* угрозой безопасности России, приравняв её по важности к угрозам со стороны международного терроризма и недооценке интересов Дальнего Востока со стороны центра, но посчитав, что она менее насущна, чем создание ядерного оружия в КНДР и *«стремление США к гегемонии»*.

В ходе этого же опроса более половины респондентов (57%) назвали территориальный спор препятствием к развитию отношений России с Японией. На втором—третьем местах оказались *«запрещающие пошлины на ввоз автомобилей»* (введённые российским правительством с начала 2009 г. и ставшие для многих дальневосточников действительно ощутимым ударом), и *«отсутствие взаимного экономического интереса»* (соответственно 40 и 38% опрошенных). Каждый четвёртый (26%) назвал такой причиной *«негативные представления в Японии о России»*, 12% — *«культурные отличия»*, 8% — *«негативные представления в России о Японии»*; затруднились с ответом 12% опрошенных.

Очевидно, что во главу угла в отношениях с Японией (как с Китаем или США) большинство населения сознательно или подсознательно, но всё же ставило российские интересы в регионе (в том толковании, как они понимались на Дальнем Востоке). С этим соседствовало абсолютное нежелание и неумение прислушаться к мнению соседа, учитывать его интересы и принимать во внимание его уязвлённое самолюбие. На всё это накладывалось, как уже отмечалось выше, плохое знание истории и культуры — собственной и тем более японской. Отношение дальневосточников к курильской проблеме — явное тому доказательство.

В сентябре 1995 г., выбирая приоритетные сферы укрепления дружбы и сотрудничества между Россией и Японией, респонденты поставили на первое место безопасность и внешнюю политику (57%), на второе — инвестиции и торговлю (55%). Сотрудничество в области культуры оказалось в этом списке

на последнем месте (31%), после взаимодействия в области туризма, экологии, науки и образования. Но, осознавая необходимость дружественных и мирных отношений с Японией, две трети респондентов (63%) тем не менее выступили против её требования о возврате Курильских островов. Если часть из них (16% от общего числа опрошенных) всё же признавала возможность совместного использования островов под юрисдикцией России, то большинство (47%) было категорически против (рис. 9). Однозначно за передачу островов выступили только 4% респондентов, ещё 9% были готовы согласиться на совместное ими владение.

Мониторинг взглядов дальневосточников на варианты решения курильской проблемы показывает, что за последние два десятилетия не более 8% регулярно высказывавшихся на эту тему респондентов (и то лишь в 1990 г. — в преддверии визита М. Горбачёва в Японию, и в 1992-м — в год больших надежд) считали необходимым передать Курильские острова Японии. Ещё 10—17% были согласны на совместное владение ими. Более того, доля убеждённых противников передачи островов

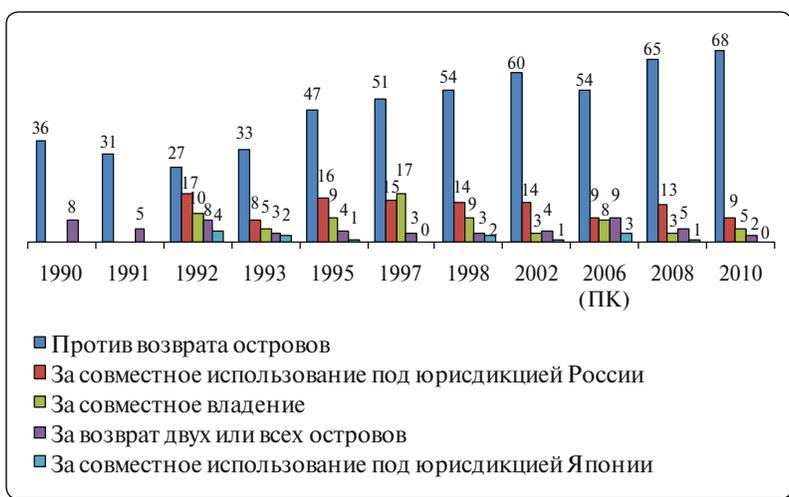

Рис. 9. Варианты решения курильской проблемы: позиция дальневосточников (% от числа опрошенных)

с 1992 г. неуклонно росла, а число лиц, согласных выполнить требования Японии, составляло от 3 до 5%.

Детальный анализ результатов, полученных в ходе опросов 2008 и 2010 гг. (табл. 2), показывает отсутствие существенных различий во взглядах различных слоёв населения на «курильскую проблему».

Таблица 2

Взгляды населения юга Дальнего Востока на варианты решения курильской проблемы (2008/2010 гг., % от числа опрошенных)

Характеристика респондентов	Категорически против передачи островов	За совместное использование под юрисдикцией России	Сумма по двум позициям	За совместное владение	За передачу 1—4 островов Японии	Нет мнения
Возраст						
До 20 лет	58/68	14/9	72/77	5/2	12/2	13/11
21—30	68/65	11/9	79/74	3/7	4/2	11/12
31—40	61/70	14/7	75/77	4/5	4/0	12/13
41—50	68/71	14/9	82/80	1/3	4/1	8/11
51—60	61/63	15/17	76/80	2/3	8/3	8/10
Старше 60	71/71	8/8	79/79	1/7	1/9	13/2
Вид деятельности						
Студенты	65/71	15/10	80/81	3/5	9/1	7/7
Рабочие	59/71	13/7	72/78	3/6	2/2	19/13
Творческая интеллигенция	62/64	16/12	78/76	3/5	7/6	7/8
Служащие	67/69	14/12	81/81	2/3	3/1	7/12
Руководители	54/68	19/6	73/74	2/6	10/0	8/10
Военнослужащие	81/69	9/4	90/73	2/12	2/0	0/8
Пенсионеры	73/61	12/11	85/72	1/3	0/5	11/11
Города						
Владивосток	62/64	16/10	78/74	2/8	7/4	7/9
Хабаровск	66/64	17/11	83/75	4/5	3/2	8/10
Благовещенск	75/74	9/6	84/80	3/13	2/0	12/3
Биробиджан	64/64	11/8	75/72	2/2	6/5	15/14

При опросах респонденты периодически давали инициативные ответы, отличавшиеся от предлагавшихся в анкетах. Анализ этих ответов — увлекательное занятие, о чем свидетельствуют хотя бы замечания дальневосточников о судьбе Курильских островов:

1998 г. — передача островов Японии — это «создание прецедента к возвращению Калининграда немцам»;

2000 г. — «Договор заключать, но островов не отдавать», «положи палец в рот — руку отхватят», «затягивать решение вопроса как можно дольше, не отдавать, решения не принимать»;

2002 г. — «История не имеет значения. Япония признала себя агрессором. Война начинается новую юрисдикцию. Не передавать!» «Будет сильная Россия, вопрос сам по себе отпадёт»;

2005 г. — «Отдать не только Южные Курилы, но и Приморский край в придачу», и пятидесятилетний шофёр-дальнобойщик из г. Артёма начинает доказывать преимущества «тойоты» перед «москвичом».

2008 г. — аналогичный ответ, но мотивация — неспособность отечественного руководства. Так думает женщина из Владивостока старше 60 лет, похожая на учительницу.

И все последние годы количественно преобладают высказывания типа «ни пяди родной земли!».

Таким образом, результаты опросов демонстрируют явное противоречие между желанием большинства населения Дальнего Востока улучшить отношения с симпатичным ему восточным соседом, с одной стороны, и его даже не только нежеланием, а неспособностью понять и принять взгляды и интересы последнего — с другой. Поэтому неудивительно, что в 2006 г. даже среди приморцев, назвавших Японию страной, вызывающей у них наибольшую симпатию, согласных на передачу одного или нескольких Курильских островов Японии, оказалось лишь 9%.

В значительной степени противоречия во взглядах россиян на различные аспекты одной и той же проблемы объясняются отсутствием концепции национальных интересов России, ясной, понятной и открыто объявленной внешней политики России как в мире вообще, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в частности. Не только население, но и властные структуры Дальнего Востока были в полном неведении

относительно стратегии и тактики центра в отношении связей с Китаем и Японией. Противоречивые заявления руководителей самого высокого ранга нередко дезориентировали, а временами просто шокировали местные власти и политические круги, не говоря уже о рядовых жителях региона. Неудивительно, что в октябре 1997 г. две трети опрошенных жителей Владивостока (68%) затруднились определить своё отношение к политике администрации президента России в отношении Японии, поскольку для большинства суть самой этой политики оставалась неведомой. Только четверть респондентов смогли выразить свою позицию (13% поддержали политику Кремля и 13% высказались против неё). 14 инициативных ответов совпадали дословно: «Я не знаком с политикой Ельцина».

В какой-то степени сопоставима с курильской проблемой была ситуация с демаркацией российско-китайской границы, поскольку при всех различиях в условиях возникновения и характере этих двух коллизий и там, и здесь речь шла о территории России. В середине 1990-х годов население Дальнего Востока в общем одинаково смотрело на принципы их решения: приблизительно равное количество респондентов выступало как против передачи российской территории Китаю и Японии, так и за совместное владение спорными землями. В то же время лиц, поддержавших передачу части российских земель Китаю, было в 5 раз больше, чем согласных на решение курильской проблемы в пользу Японии (рис. 10).

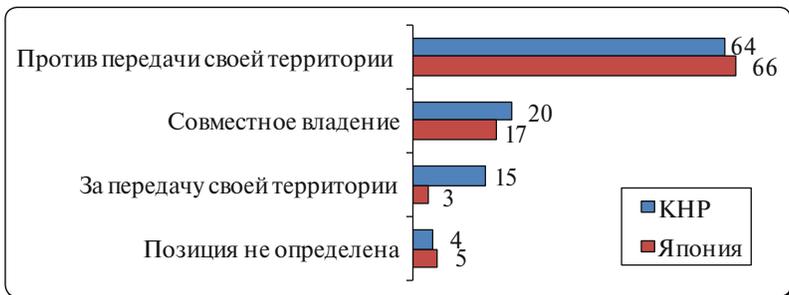

Рис. 10. Варианты решения территориальных проблем с Китаем и Японией: позиция дальневосточников (лето 1997 г., % от числа опрошенных)

Обострение дискуссий по проблеме российско-китайской границы увеличивало число дальневосточников, не желавших идти на компромисс с Японией в решении курильской проблемы. В 2002 г., в пору активного движения за сохранение в составе России островов Большой Уссурийский и Тарабаров, развернувшегося в Хабаровском крае, даже совместное использование южнокурильских островов под юрисдикцией Токио признали возможным только 2% хабаровчан, а число согласных на передачу одного, двух или четырёх островов Японии было близко к нулю. 81% респондентов безоговорочно высказались за сохранение островов в составе России. Ещё категоричнее отнеслись к проблеме жители приграничного с Китаем г. Дальнереченска, где против изменения статуса островов выступили 94% опрошенных. Во Владивостоке непримиримо настроенных горожан оказалось 69%, хотя за передачу островов высказались также немногие — каждый двадцатый (5%).

ПЕРСПЕКТИВЫ

В начале 1990-х годов многие россияне жили надеждой на серьёзное улучшение российско-японских отношений. Ещё более желали этого жители Дальнего Востока. Надежды на лучшее возобладали летом 1990 г., накануне визита М. Горбачёва в Японию. Но, наталкиваясь на непреклонную позицию Токио по вопросу о Курильских островах и собственные российские реалии, они стали таять. Как показывают результаты опросов, специально проводившихся на юге Дальнего Востока в преддверии российско-японских встреч на высшем уровне 1990—1997 гг., уже в 1992—1993 гг. доля дальневосточников, ещё не потерявших надежды на улучшение отношений России с Японией, снизилась по сравнению с 1990 г. в два с лишним раза и не превышала 23% (рис. 11). Вдвое больше респондентов были уверены, что российско-японские саммиты будут иметь лишь символическое значение.

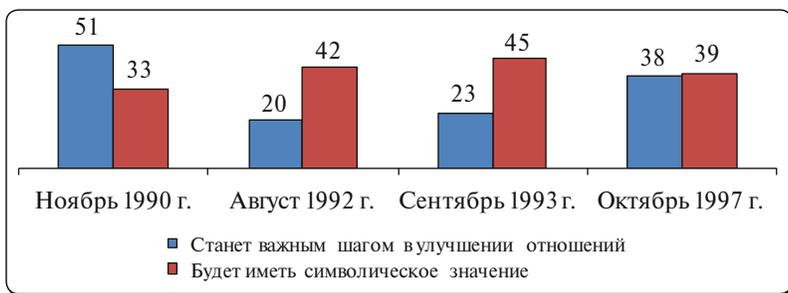

Рис. 11. Прогноз результатов советско- и российско-японских встреч на высшем уровне (юг Дальнего Востока, % от числа опрошенных)

Вторично надежды на прорыв возникли в 1997 г., в преддверии встречи Б. Ельцина и Р. Хасимото в Красноярске. Осенью этого года среди опрошенных жителей Владивостока количество пессимистов и оптимистов практически сравнялось (38 и 39%).

Не ожидая в большинстве своём особо значимых результатов от встреч глав двух государств, дальневосточники, тем не менее, воспринимали настоящее и будущее отношений России с Японией в мажорных тонах. Осенью 1997 г. каждый четвёртый из опрошенных жителей Владивостока (23%) заявил, что российско-японские отношения за предшествовавшие 5 лет улучшились. Лишь 10% полагали, что они стали хуже, и 45% не увидели в них никаких изменений. Что касается перспектив развития этих отношений, то 40% видели их «хорошими», 26% — «на уровне современных», а каждый пятый (22%) предполагал существование «определённой напряжённости» (рис. 12).

Более оптимистично на Японию смотрели в начале нового века. Опросы 2003 и 2008 г. дали очень близкие результаты: лишь 5% респондентов-дальневосточников оценивали нынешние российско-японские отношения негативно, тогда как свыше 80% — как «хорошие» и «удовлетворительные». Аналогично оценивалось жителями региона и будущее двусторонних связей (рис. 12).

Больше всего оптимистов оказалось в 2003 г. в Хабаровске, где более половины респондентов (52%) назвали будущие рос-

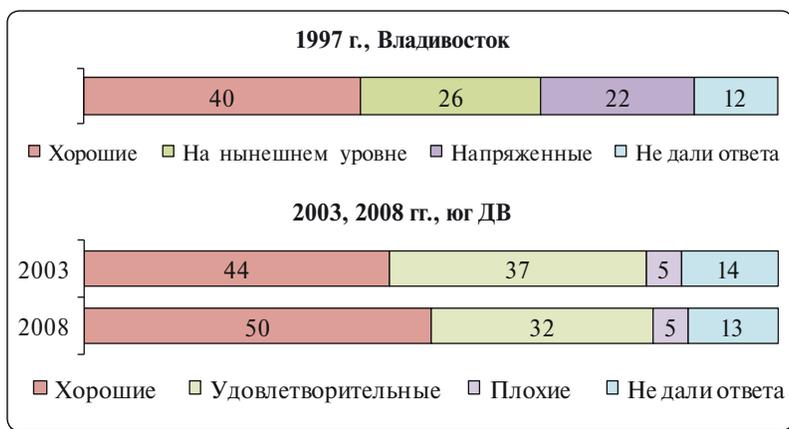

Рис. 12. Перспективы российско-японских отношений
(% от числа опрошенных)

сийско-японские отношения «хорошими» и «очень хорошими». В 2008 г. пальму первенства перехватили Владивосток и Биробиджан, где в благоприятных перспективах связей с Японией были уверены те же 52—53% (рис. 13). Сильнее всего верила в светлое будущее молодёжь до 20 лет (57% лиц этого возраста оценили перспективы российско-японских отношений как «хорошие» и «очень хорошие») и от 20 до 30 лет (63% — в 2008 г.) (рис. 14). Ещё раз убеждаемся: чем старше человек, тем больше в нем скептицизма (или разума).

Благоприятные перспективы развития отношений с Японией дальневосточники связывали прежде всего с экономикой. Летом 2003 г. 60% жителей Приморья признали существование социально-экономической зависимости края от Страны восходящего солнца и почти столько же (59%) заявили, что из зарубежных стран именно с Японией нужно в первую очередь развивать отношения.

Появление в перечне государств и территорий, с которыми следует развивать отношения, европейских, сибирских и дальневосточных районов России снизило процент приморцев, ориентировавшихся на Японию, незначительно — до 49% (2003 г.). В целом же по югу Дальнего Востока сторонников

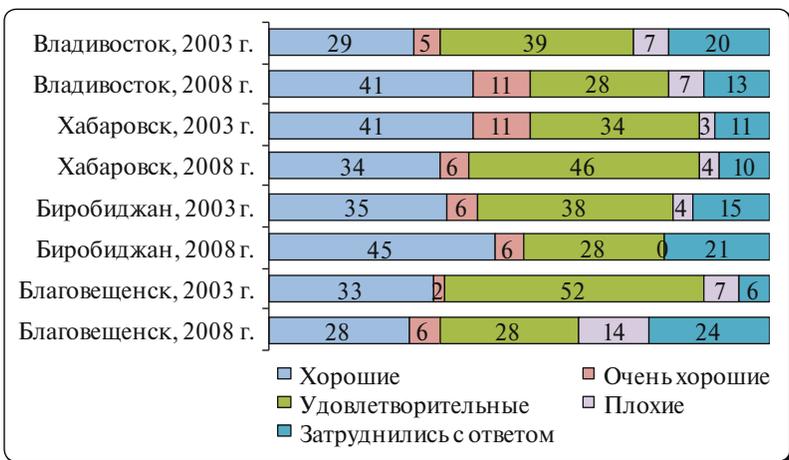

Рис. 13. Перспективы российско-японских отношений (по городам Дальнего Востока, % от числа опрошенных)

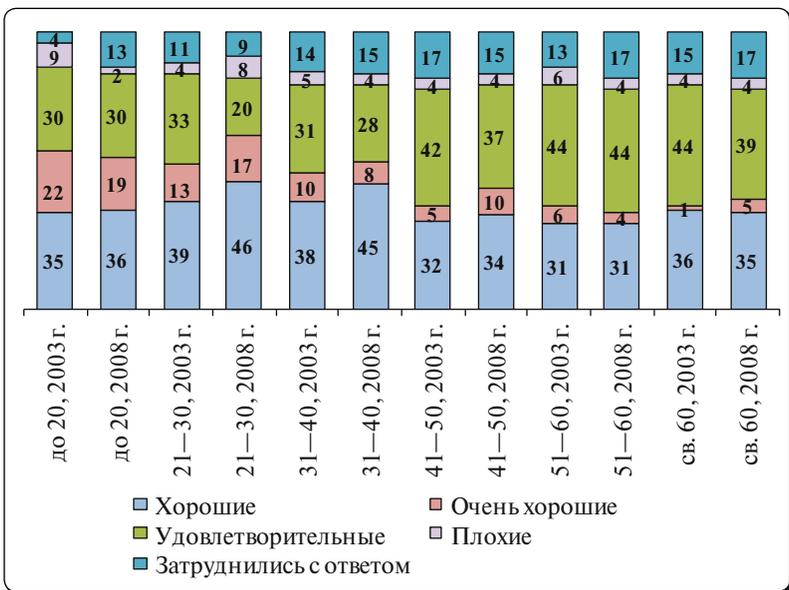

Рис. 14. Перспективы российско-японских отношений (по возрасту респондентов, юг Дальнего Востока, % от числа опрошенных)

первостепенного развития отношений с Японией оказалось тогда 48%. Больше всего из крупных городов их было в Хабаровске (53% опрошенных жителей города; это столько же, сколько видели перспективы двусторонних отношений благоприятными), тогда как во Владивостоке только 39%.

В 2008 г. число сторонников первостепенного развития отношений их территории с Японией практически не изменилось и составило 46% от общего числа опрошенных дальневосточников. Среди лиц с высшим образованием тех, кто ориентируется на Японию, больше, чем среди респондентов со средним образованием (49% против 38%). Реже всех Японию упоминали домохозяйки (31%) и пенсионеры (38%), а чаще — владельцы фирм и компаний (57%), военнослужащие (55%) и представители творческой интеллигенции (54%). Во Владивостоке и Хабаровске этот показатель оказался на одном уровне — 53 и 52%, тогда как в Благовещенске — в два раза меньше (25%).

СИМПАТИЗИРУЮЩИЕ ЯПОНИИ (2008–2010 гг.)

Подавляющее большинство респондентов, кто в 2008 г. назвал Японию предметом своих наибольших симпатий, любили её на расстоянии — три четверти из них (72%) ни разу не были в Стране восходящего солнца. В то же время 23 чел. (8% от числа респондентов этой категории) посетили её более трёх раз.

Эти люди пользовались теми же источниками информации, что и остальные участники опроса, разве что Интернет играл для них в узнавании Японии бóльшую роль (33% против средних 25%). Неудивительно, что уровень их знаний о стране, который проверялся через идентификацию современных персонажей Японии, не отличается от уровня среднего дальневосточника.

Симпатизирующие Японии люди немного благодушнее оценивают российско-японские отношения. Как «хорошие» и «очень хорошие» нынешнее их состояние оценили в 2008 г. 39% респондентов этой группы (всего на 6% больше, чем в общей

массе опрошенных), а о благоприятных перспективах говорили только на 3% больше (53 против 50%).

Их взгляды на источники внешних угроз России не отличаются от взглядов среднестатистического дальневосточника, как и выбор приоритетных направлений для развития внешних связей дальневосточных территорий (табл. 3). Каждый пятый из симпатизировавших Японии (21% в 2008 г. и 20% в 2010 г.) рассматривал спор из-за Курильских островов как угрозу интересам России. Каждый третий из них (33%) в 2010 г. полагал, что Япония представляет для России угрозу (40% в общей массе респондентов), 38% были уверены, что такой угрозы не существует (30% в среднем).

Таблица 3

Оценка угроз интересам России и приоритетных направлений сотрудничества Дальнего Востока (Дальний Восток; от общего числа респондентов / от числа симпатизирующих Японии, %)

Угрозы интересам России и ДВ	2003 г.	2008 г.	2010 г.
Рост мощи Китая	46/46	37/37	55/51
Политика США	40/33	36/35	22/22
Курильская проблема	40/45	21/21	24/20
Политика Москвы	30/27	47/46	50/50
Главные территории для сотрудничества			
Китай	33/38	50/53	53/61
Япония	48/58	46/59	52/66
Сибирь, ДВ	32/30	45/43	41/33
РК	28/31	22/26	28/31
Европейская Россия	20/22	26/23	32/25
США	13/11	12/12	18/18
Верят в существование угрозы России со стороны			
Китая	—	—	64/61
КНДР	—	—	27/28
РК	—	—	16/17
США	—	—	48/31
Японии	—	—	40/38

Примечание: — вопрос в анкете отсутствовал.

С точки зрения перспективы туристической поездки им более всего интересна Япония (54% представителей этой группы в 2010 г.). Франция отстаёт и весьма значительно (34%). Поработать в Японии в том же году хотели бы 27% симпатизирующих этой стране (в среднем 20%), эмигрировать туда — каждый десятый (12% при средних 7%). Разве что сторонников японского направления в развитии внешних связей своей территории в этой группе респондентов было на 13—14% больше, чем в общей массе опрошенных. Хотя при этом варианты решения курильской проблемы они выбирали столь же категоричные: готовых на передачу островов Японии среди них не больше, чем среди тех, кто особых симпатий к этой стране не испытывает (5% в 2008 г. и 4% в 2010 г.).

Толерантность взглядов этой группы респондентов распространяется не только на Японию и её жителей, но и на Китай и китайцев. Терпимее они относятся к межцивилизационным бракам (с китайцами и японцами), меньший процент из них ощущает превосходство над китайцами, японцами и корейцами, меньшая доля признаётся в чувствах отторжения при взаимоотношении с представителями восточных цивилизаций.

Идеализированный образ Японии у них явно преобладает и определяет взгляды и суждения о государстве и его жителях. Они констатируют улучшение их отношения не только к Японии (45% против 30% в среднем в 2008 г.) и японцам (38% против 25% в среднем), но и к Китаю (42% против 35%) и китайцам (22% против 19% от общего числа опрошенных). Из других стран наибольшие симпатии у этой группы вызывали в 2010 г. Австралия и Франция (по 28%), Германия (26%) и Китай (20%).

Более всего симпатизирующие Японии респонденты интересовались её историей (43% опрошенных в 2008 г.), культурой (37%) и наукой (30%).

* * *

Отношение к Японии — это, наверное, один из основных парадоксов общественного сознания и россиян в целом, и тех, кто живёт на восточных окраинах страны, в непосредственной близости от Японии. Анализируя результаты опросов,

мы не можем согласиться с мнением московских исследователей, полагающих, что на Дальнем Востоке Страна восходящего солнца «...почти полностью лишена романтического ореола и ассоциируется, скорее, с инвестициями, поставками подержанных автомобилей и борьбой за острова Южно-Курильской гряды»¹⁴.

Конечно, здесь больший процент населения, чем в Москве или Екатеринбурге, кто мог собственными глазами видеть «японское чудо», здесь больше изучающих японский язык и Японию, здесь больше ходит «живых японцев», но здесь и более активно работает пропагандистская машина Японии по созданию благоприятного имиджа страны, необходимого, как считают сами японцы, для успешного решения проблемы «северных территорий». Более глубокое знакомство с реалиями японской жизни, конечно, делает дальневосточников прагматичными и даже циничными в отношении своего восточного соседа (что показывает их подход к проблеме Курильских островов), но разрушать красивую сказку они не хотят. Симпатии к Японии носят в значительной степени абстрактный характер, тогда как подходы к двусторонним отношениям — достаточно приземлённые и отталкиваются от национальных интересов и приоритетов России и весьма прагматических интересов самих дальневосточников.

Тем более, что на противоположной стороне, в Японии, отношение к России также мифологизировано. Только со знаком «минус».

В самой Японии Россию традиционно не любят, рассматривают как силу пришлую, агрессивную, угрожающую интересам страны. По результатам опросов общественного мнения, ежегодно проводимых Кабинетом министров Японии, недружественные чувства в отношении России испытывали в последние 15 лет в разные годы от 74 до 86% японцев, тогда как дружественные — только от 10 до 20%¹⁵. Неудивительно, что российские моряки, рыбаки, автодилеры, несмотря на умение японцев скрывать свои мысли и чувства, постоянно ощущали на себе подозрительное, отчуждённое, временами враждебное отношение властей и населения Японии, а местные средства массовой информации пользовались любым

происшествием, чтобы раздуть инциденты, происходившие с россиянами на японской территории¹⁶.

Анализ результатов других опросов, проводившихся в Японии, свидетельствует об устойчиво низком авторитете России во всех слоях японского общества. В качестве «любимой страны» Россию никогда не называли более 1,5–2% респондентов. Большинство японцев (в разные годы от 50 до 70%) негативно оценивали состояние японо-российских отношений и проявляли скептицизм в отношении их будущего. Явное большинство не считало Россию «важным для Японии регионом», отдавая предпочтение США, Китаю, Южной Корее, европейским державам. Только чуть более трети японского общества полагало, что развитие отношений с Россией может принести Японии какую-либо пользу¹⁷.

В общем, японцы демонстрируют подходы, диаметрально противоположные российским. Не будем говорить о причинах таких подходов — для них есть серьёзные основания, в том числе и создаваемые самими россиянами¹⁸. Важно другое: открытость российского общества в сторону Японии, его трогательная любовь к мифологизированной «стране гейш и самураев» обречена на отсутствие взаимности. Хорошо бы это знать и учитывать.

---

¹ Address by Prime Minister Ryutaro Hashimoto to the Japan Association of Corporate Executives. 1997. 27, July. www.kantei.go.jp/foreign/0731douyukai.html.

² Кимура Х. Японское направление внешней политики России // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 3. С. 88.

³ В 2005 г. вследствие резкого скачка цен на энергоресурсы цена нефти для японских потребителей выросла по сравнению с 2002 г. в 2 раза.

⁴ Соглашение между нефтяной компанией «ЮКОС», ОАО НК «Транснефть» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (КННК) о разработке технико-экономических расчётов строительства нефтепровода от г. Ангарска, конечного пункта существующей магистрали Омск — Иркутск, до г. Дацин было подписано 25 февраля 1999 г. В мае 2003 г. «ЮКОС» и КННК подписали генеральное соглашение об основных принципах и договорённостях о долгосрочных поставках нефти по трубопроводу Ангарск — Дацин.

⁵ <http://eng.globalaffairs.ru/news/4.html>.

- ⁶ Foreign Minister Yoriko Kawaguchi's visit to the Far Eastern region of the Russia Federation (Overview). P. 1. <http://www.mofa.go.jp/region/europe/russia/fmv0306.pdf>.
- ⁷ Diplomatic Bluebook 2006. Tokyo: Tokyo: Ministry of Foreign Affaires. 2006. P. 97.
- ⁸ Initiatives for the Strengthening Japan-Russia cooperation in the Far East Russia and Eastern Siberia. <http://www.mofa.go.jp/region/europe/russia/initiative0706.html>.
- ⁹ В частности, по сведениям японского МИДа, В. Путин предложил Японии участвовать в создании инфраструктуры для проведения саммита (см.: <http://www.mofa.go.jp/region/europe/russia/pmv0804.htm>).
- ¹⁰ В 2005—2006 гг. на долю Японии приходилось около 31% внешней торговли Приморского края; 41% (в 2005 г.) и 26% (в 2006 г.) — Сахалина; 9—11% — Амурской области и Хабаровского края и 2,5—4% — Еврейской автономной области.
- ¹¹ По оценкам, только в Приморском крае в этой сфере экономики было занято до 100 тыс. чел. Всего в 2006 г. Япония отправила на экспорт в Россию 620 тыс. автомашин (Foreign Trade 2007. Tokyo: Japan Foreign Trade Council, 2007. P. 45). Большая часть из них попала в страну через порты Дальнего Востока. За первую половину 2008 г. через таможи региона было ввезено 285,5 тыс. автомобилей (265 418 легковых, 16 357 грузовых и 3788 специального назначения), большей частью из Японии. (Итоги деятельности Дальневосточного таможенного управления в первой половине 2008 г. // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2008. № 3. С. 4).
- ¹² Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. М.: АИРО-XX, 2004. С. 55, 63.
- ¹³ Там же. С. 59.
- ¹⁴ Там же. С. 63.
- ¹⁵ См.: <http://www8.cao.go.jp/survey/h20/h19-gaiko/images/z06.gif>.
- ¹⁶ Akaha Tsuneo, Vassilieva A. The Russian Presence in Contemporary Japan: Case studies in Hokkaido and Niigata // Crossing National Borders: Human Migration Issues in Northeast Asia. Tokyo; New York; Paris: United Nations Univ. Press, 2005. P. 106—107.
- ¹⁷ Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии... С. 81.
- ¹⁸ Подробнее об этом см.: Kimura Hiroshi. Japanese perceptions of Russia // "Northern Territories" and Beyond. Russian, Japanese and American Perspectives / eds. James E. Goodby, V.I. Ivanov, Nobuo Shimotomai. Praeger: Westport; Connecticut; London, 1995. P. 55—61; Чургов С. Японцы смотрят на Россию (к вопросу о формировании японского общественного мнения) // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 11. С. 89—99; Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии... С. 74—97.

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Слово «Корея» в сознании большей части населения мира в последние десятилетия ассоциировалось преимущественно с двумя проблемами: взрывоопасной ситуацией на полуострове, обусловленной разделением корейской нации на два длительное время враждующих государства, и военной программой руководства КНДР, стремившегося овладеть ядерным оружием и средствами его доставки.

Аналогичные ассоциации доминировали и у жителей российского Дальнего Востока. Однако здесь, особенно на юге региона, действовали и другие факторы: географическая близость к объекту, источающему угрозы, экономические связи с Южной Кореей, игравшие большую (особенно в 1990-е годы) роль для дальневосточного потребительского рынка¹, историческое присутствие корейской диаспоры на территории России, наконец, характер межгосударственных отношений России с государствами Корейского полуострова. В первой половине 1990-х юг Дальнего Востока в немалой степени рассчитывал на южно-корейский экономический потенциал — инвестиции, товары, технологии как средство для своего развития. Стартовые условия для этого были весьма обнадеживающими.

В сентябре 1990 г. были установлены дипломатические отношения между двумя государствами. С этого времени начался активный дипломатический обмен, стала развиваться торговля. С декабря 1990 г., когда состоялся первый в истории визит президента РК Ро Дэ У в Москву, было проведено два десятка встреч на уровне глав государств². В ноябре 1992 г. Борис Ельцин и Ро Дэ У подписали *«Договор об основах отношений Российской Федерации и Республики Корея»*, который некоторые специалисты называли «...самым важным политическим

достижением московской региональной дипломатии со времени заключения Советско-китайского договора о дружбе, сотрудничестве и военной помощи 1950 г.»³ Значительным событием для Дальнего Востока в процессе развития этих отношений было посещение Владивостока президентом РК Ким Ён Самом 7 июня 1994 г.

В первой половине 1990-х быстро росли экономические связи как на межгосударственном (с 889 млн. долл. в 1990 г. до 3,8 млрд. долл. в 1996 г.), так и региональном уровнях. Торговля с Южной Кореей стала играть существенную роль для Приморья, Хабаровского края, Сахалина, особенно в импорте корейского ширпотреба, осуществлявшегося в немалой степени посредством «челночного бизнеса», ежегодный объём которого, по неофициальным подсчётам, составлял 250—300 млн. долл. Во Владивостоке учредили свои представительства такие крупные корпорации, как «Хёндэ», «Халла», «Кохап», но от серьёзных капиталовложений в экономику региона южнокорейские бизнесмены тем не менее воздерживались. Наибольший интерес вызывали у них проекты по строительству технопарка в Находке, разработке газовых месторождений в Якутии (с прокладкой газопровода в Корею), а также инвестиции в лесоразработки (Амурская область, Приморье).

Особый интерес Сеула к Приморью как территории, граничащей с Северной Кореей, исторически являвшейся частью государства Бохай, и месту компактного расселения корейцев (Хасанский район) выразился в попытках власти и бизнеса Южной Кореи закрепить на этой территории. Проявлением таких попыток стали строительство корейского бизнес-центра во Владивостоке (даже в невыгодных для корейского бизнеса условиях), долго обсуждаемая, но так и не реализованная идея создания технопарка в районе г. Находки⁴, разнообразная помощь корейской диаспоре и провоцирование её на воссоздание корейской автономии в Приморье, поддержка различных культурных проектов (финансирование строительства здания Корейского колледжа при ДВГУ, научных программ по изучению Бохая, активная деятельность корейской христианской церкви на Дальнем Востоке)⁵.

Азиатский финансовый кризис, от которого в значительной степени пострадала Южная Корея, и российский дефолт 1998 г. вызвали спад в экономических отношениях между двумя государствами. Уровень двусторонней торговли 1996 г. был превзойдён только в 2003 г., когда её объём вырос до 4,18 млрд. долл. Российско-корейская совместная декларация, принятая в сентябре 2004 г., и подписанный в её развитие в ноябре 2005 г. в Пусане *Российско-Корейский совместный план действий в области торгово-экономического сотрудничества* серьёзно стимулировали отношения двух государств в этой области. В результате в 2008 г. торговля увеличилась до 18,3 млрд. долл. На фоне мизерного объёма экономических связей между Россией и КНДР (160 млн. долл. в 2004 г. и только 120 млн. долл. в 2007 г.) эта цифра впечатляет, хотя она значительно ниже масштабов торговли Кореи с Китаем (186 млрд. долл. в 2008 г.), Японией (88 млрд. долл.) и США (84,7 млрд. долл.).

Дальневосточная составляющая российско-корейского взаимодействия с начала нового века неизменно росла. В 2000 г. на саммите России и двух корейских государств была достигнута договорённость о воссоединении железнодорожных сетей Севера и Юга и последующей стыковке их с Транссибом в целях создания транспортного коридора с Корейского полуострова в Европу⁶. «Совместный план действий» предусматривал не только реализацию этого проекта, но и формирование долгосрочных программ поставок российского природного газа в РК, освоение нефтегазовых ресурсов Восточной Сибири и Дальнего Востока, совместные разработки в сфере электроэнергетики, включая строительство линии электропередачи из России в Северную и Южную Корею. Объём торговли дальневосточных территорий России с РК вырос в 2002—2006 гг. в 2,8 раза (с 993 млн. долл. до 2,8 млрд. долл.). После того как в октябре 2006 г. в Южную Корею была отправлена первая партия сахалинской нефти, торговля стала расти ещё более высокими темпами, и в 2008 г. её объём только через дальневосточную таможню достиг 5,8 млрд. долл., из которых 4,4 млрд. долл. (76,6%) приходились на нефть и нефтепродукты⁷.

Визит президента Республики Корея Ли Мён Бака в Москву в начале октября 2008 г. завершился новыми договорённостями об участии корейских предпринимателей в развитии Сибири и Дальнего Востока, разработке проектов, связанных с поставками российского природного газа на Корейский полуостров, соединением Транскорейской железной дороги с Транссибом, развитием портовой сети в Сибири и на Дальнем Востоке⁸.

Отношения с Северной Кореей развивались менее интенсивно. До установления дипломатических отношений между СССР и Южной Кореей эти отношения были достаточно обширными, особенно у Приморского края. В 1990 г. на долю КНДР приходилось 19% внешнего товарооборота Приморья. Переход с 1 января 1991 г. к международным расчётам в свободно конвертируемой валюте, отказ России от принципов «бескорыстной братской помощи» КНДР серьёзно подорвали возможности для их осуществления. Крах советской экономической системы и падение интереса у местных властей к сотрудничеству с Северной Кореей свели двустороннюю торговлю между КНДР и Дальним Востоком почти к нулю. Единственное, что связывало соседей, — использование корейской рабочей силы (о чем речь пойдёт ниже).

Восстановление отношений между Россией и КНДР было предпринято на рубеже XX—XXI вв. 9 февраля 2000 г. был подписан межгосударственный договор о дружбе и сотрудничестве. В июле 2000 г. В. Путин побывал с визитом в Пхеньяне, затем Ким Чен Ир дважды (в 2001 и 2002 гг.) посетил Россию. Большой вклад в нормализацию отношений внёс полпред президента в Дальневосточном федеральном округе К. Пуликовский (май 2000 г. — ноябрь 2005 г.), которому удалось установить хорошие личные связи с северокорейским лидером. В результате товарооборот между КНДР и Россией вырос с 2000 по 2005 г. в 5,8 раз (с 38,8 до 228 млн. долл.)⁹. Правда, на Дальний Восток пришлось, по данным дальневосточной таможни, лишь 5% этого объёма торговли — 11,6 млн. долл. В дальнейшем ситуация не изменилась. В 2010 г. объём торговых операций Дальнего Востока с КНДР увеличился до

13,5 млн. долл., однако это составило только 0,1% внешне-торгового оборота региона¹⁰.

Все эти обстоятельства в своей совокупности влияли на отношение дальневосточников к государствам Корейского полуострова, их жителям и «корейской проблеме» как таковой.

КОРЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА

В главе 2 мы уже отмечали, что ситуация на Корейском полуострове рассматривалась дальневосточниками как одно из препятствий на пути экономического сотрудничества в зоне Японского моря. В 1994—1997 гг. от 27 до 37% опрошенных жителей региона соглашались с тем, что таким препятствием является возможность создания ядерного оружия в КНДР, от 21 до 23% — разделение Корейского полуострова на два государства и от 13 до 23% — наличие войск США в Японии и Южной Корее.

Первая проблема сильнее всего волновала студентов и молодёжь в возрасте до 30 лет (опрос 1995 г. дал максимальный процент студентов, обеспокоенных ядерной программой КНДР, — 47%, хотя через два года он упал до 28%), другие две — творческую интеллигенцию. Разделение Кореи на два государства тревожили 30—32% из них, тогда как среди рабочих и домохозяек этот фактор упоминали лишь 11—16% опрошенных. Жители Владивостока, по понятным причинам, были более озабочены обстановкой на полуострове, чем хабаровчане.

Ставя вопрос о расколе Кореи на два государства, мы не могли обойти вниманием и возможные варианты их воссоединения. Опрошенные в 1994 г. корейцы, как и жители юга Дальнего Востока России в 1997 г. и жители Приморья в 1998 г., были на удивление единодушны в выборе будущей системы политической власти объединённой Кореи (*табл. 1*). За чисто коммунистическую модель нового государства высказалось минимальное их количество — не более 3%.

Таблица 1

**Предпочтительная система политической власти в объединённой Корее
(% от числа опрошенных)**

Система власти	1994 г., корейцы юга ДВ России	1997 г., жители юга ДВ России	1998 г., жители Приморского края
Либерально-демократическая	40	39	29
Коммунистическая	1	2	3
Сочетающая элементы двух систем	33	35	35
Затруднились с ответом	22	20	28
Не дали ответа	4	4	5

В анкетах последующего десятилетия «корейская проблема» рассматривалась под иным углом зрения: как потенциальная угроза интересам России и её восточным районам. При такой постановке вопроса конфликт на Корейском полуострове явно не фигурировал в числе главных угроз интересам России и привлёк внимание только 12% респондентов в 2003 г. и 6% в 2008 г. И это несмотря на все коллизии ядерной программы Пхеньяна и шум, вызванный испытанием баллистических ракет в КНДР (причём в непосредственной близости от Приморского края и Владивостока)¹¹.

Правда, «по горячим следам» событий обстановка казалась дальневосточникам чуть более тревожной. В ходе опроса (акцент был сделан на молодёжь) в Приморье летом 2006 г. конфликт на Корейском полуострове расценили как угрозу интересам России 17% респондентов, почти столько же, сколько политику Китая (19%). Более того, у молодых людей до 20 лет эта проблема по степени важности вышла на уровень спора между Россией и Японией из-за Курильских островов. Тревоги и сомнения жителей края по поводу будущего Корейского полуострова проявились в том, что, отвечая на вопрос о современном состоянии и перспективах развития отношений России с РК и КНДР, значительная часть респондентов в Приморье не нашла на него ответа (табл. 2).

Таблица 2

**Оценка состояния и перспектив отношений России
со странами Корейского полуострова (2006, 2008 гг., РК/КНДР,
% от числа опрошенных)**

Оценка отношений	Состояние			Перспективы		
	Приморье		юг ДВ 2008 г.	Приморье		юг ДВ 2008 г.
	2006 г.	2008 г.		2006 г.	2008 г.	
Хорошие	32/15	35/25	32/23	37/21	44/39	43/35
Удовлетворительные	28/30	35/40	38/42	18/20	28/30	27/32
Плохие	7/8	4/2	2/7	4/6	1/2	2/4
Не смогли оценить	30/43	26/33	24/25	37/51	27/29	25/27

Однако два года спустя после этих событий всё вернулось на круги своя. В Приморье резко снизился уровень неопределённости в оценке перспектив отношений России с Пхеньяном (с 51 до 29%) и Сеулом (с 37 до 27%), значительно укрепился позитивный настрой на будущее этих связей (почти вдвое — с 21 до 39% в отношении КНДР и с 37 до 44% в отношении РК).

Ни одну из категорий респондентов в 2008 г. межкорейский конфликт уже серьёзно не тревожил. Более-менее он ещё волновал военнослужащих и пенсионеров: соответственно 11 и 12% респондентов этих категорий расценили конфликт на полуострове как угрозу интересам России. Однако он абсолютно не заботил владельцев фирм и компаний (0%), по минимуму — 50-летних жителей региона (3%) и рабочих (4%). Даже во Владивостоке и Приморье очень небольшая часть населения (соответственно 9 и 5%) воспринимала ситуацию на Корейском полуострове как угрозу интересам России. Не говоря уже о Биробиджане, от которого эта географическая зона, даже с ядерными амбициями Пхеньяна, казалась бесконечно далёкой.

Однако второе испытание корейского ядерного заряда в мае 2009 г., вызвавшее резко негативную реакцию российского правительства и соответственно российских СМИ,

существенно сказалось на взглядах дальневосточников. В середине июня 2009 г. 69% опрошенных жителей Владивостока заявили, что испытания ядерного оружия в КНДР вызывают у них опасения, и только 17% ответили на этот вопрос отрицательно. Мнения респондентов о желательной реакции мирового сообщества, способной заставить Пхеньян отказаться от ядерной программы, разделились примерно поровну между сторонниками жестких мер и теми, кто надеялся на благоразумие Пхеньяна: 31% высказались за ведение активных переговоров и 12% — за широкомасштабную экономическую помощь Северной Корее, тогда как 26% считали необходимым принятие самых решительных мер, вплоть до использования силы, а 14% — введение экономических санкций против КНДР. Затруднились с выбором ответа 12% опрошенных.

Однако уже через год, когда события 2009 г. несколько подзабылись, конфликт на Корейском полуострове занял последнее место в девятке предложенных респондентам угроз безопасности России на Тихом океане, набрав только 15% голосов. Закономерно, что более всего он волновал жителей Владивостока (24% респондентов, больше, чем «*стремление США к гегемонии*» — 22% и «*спор из-за Курильских островов с Японией*» — 18%), тогда как в Биробиджане — 14%, в Хабаровске — 10%, а в далёком от Кореи Магадане — всего лишь 6% опрошенных.

РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ

На протяжении всего периода нашего мониторинга настроений дальневосточников уровень популярности Южной Кореи практически не менялся по всем измеряемым параметрам: 7—12% респондентов испытывали к ней особые симпатии, 7—10% хотели бы съездить в турпоездку, 4—8% временно поработать в Корее и не более 3% переехать туда на постоянное жительство (*рис. 1*). Некоторая положительная динамика, выявленная опросом 2010 г. по категориям «симпатии» и «туризм», не выходит за пределы допустимой погрешности.

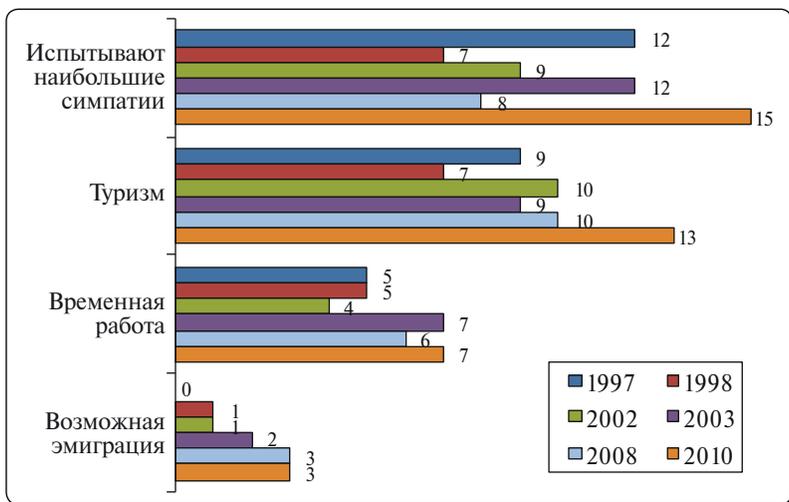

Рис. 1. Отношение к Республике Корея, 1995—2010 гг.
(Дальний Восток, % от числа опрошенных)

Долгое время в шкале приоритетов жителей юга Дальнего Востока Страна утренней свежести стабильно занимала вторую позицию среди азиатских государств, уступая (и существенно) только Японии. Однако усиление экономической мощи, политического и культурного влияния и основанный на этом рост популярности КНР привели к тому, что по итогам опроса 2008 г. Корея, если рассчитывать по «индексу симпатий», оказалась оттеснённой Китаем и заняла предпоследнюю позицию в предлагаемом респондентам списке государств (см. глава 3, табл. 1). Хотя в рейтинге самых симпатичных стран она обогнала в 2010 г. и Индию, и США.

Наибольший процент респондентов, испытывавших симпатии к РК, в 2003 и 2008 гг. оказался среди молодых людей в возрасте до 20 лет (17 и 16%), наименьший — среди интеллигенции в 2003 г. (4%) и пенсионеров в 2008 г. (3%). Похоже, что симпатии молодых людей были прежде всего связаны чисто с познавательным интересом: в ходе этих опросов те же 16—17% лиц в возрасте до 20 лет назвали Южную Корею объектом своего туристического интереса, в 2010 г. их

доля увеличилась до 20%. Молодых людей более (по сравнению с представителями других возрастных групп) интересовала временная работа в этой стране (от 10 до 13% по результатам опросов 2003—2010 гг.). В то же время они в наименьшей степени ратовали за первоочередное развитие отношений своей территории с РК (см. гл. 3, рис. 8).

Ту же цифру в 13% молодых людей в возрасте до 20 лет, интересующихся работой в Южной Корее, дал опрос 2006 г. в Приморье. Нацеленных на туристическую поездку в эту страну среди них оказалось ещё больше — 23%. Хотя при этом доля просто симпатизировавших Южной Корее молодых приморцев оказалась в этом году самой низкой (6%), если сравнивать с результатами всех проводившихся опросов.

В 2010 г. уровень общих симпатий молодёжи к РК не изменился (15%), в то же время «исправились» пожилые люди: среди 60-летних её назвали самой симпатичной страной 19% респондентов, а каждый десятый (10%) даже заинтересовался временной работой там. Наибольшее число симпатизирующих Южной Корее выявилось в выделенной нами группе респондентов из сахалинских корейцев (30 чел.) — 60% от численности этой группы (рис. 2).

Причины выбора Южной Кореи в качестве объекта симпатий позволяют выявить сведения, полученные в ходе опроса 2006 г. в Приморском крае. В первой тройке — *«необъяснимые симпатии»* (14% респондентов), *экономические достижения* (12%), *культура и традиции* страны (11%). Недалеко отстали *история и общественный строй* (по 8%), на последнем месте — *военная мощь* (4%). Тогда же каждый четвёртый респондент (23% в возрасте до 20 лет, 26% — от 20 до 29 лет и такая же доля студентов) выразил желание больше узнать о Южной Корее. Это столько же, сколько хотели бы знать больше о Китае, но в два раза меньше, чем жаждущих пополнить багаж знаний о Японии. Прежде всего этих людей интересовали культура Кореи (12% респондентов), её экономика (10%) и история (8%), менее всего — вооружённые силы (5%).

Аналогичный расклад интересов был получен в ходе опроса 2008 г.: респондентов интересовали культура (37%), ис-

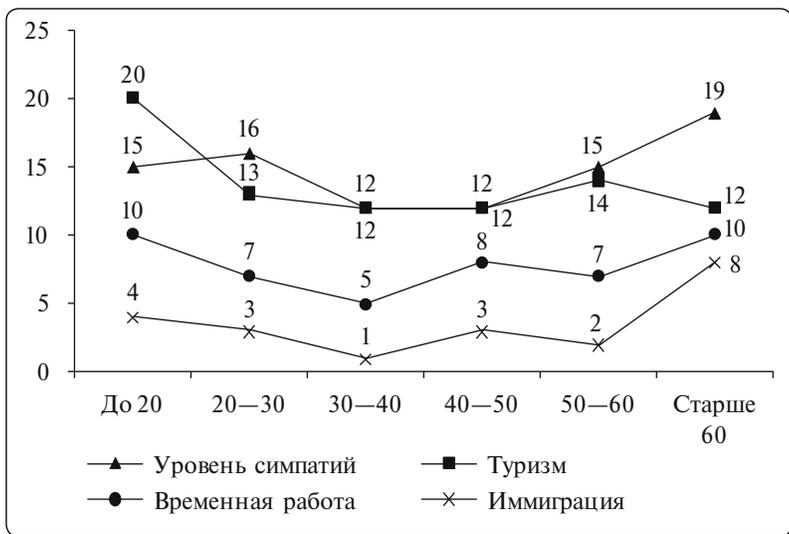

Рис. 2. Отношение дальневосточников к Республике Корея (2010 г., Дальний Восток, по возрасту респондентов, % от числа опрошенных)

тория (27%) и экономика (23%) Южной Кореи, тогда как вооружённые силы, науку и образование упомянули лишь 13%. «Необъяснимые симпатии» в перечень возможных ответов здесь не входили, наверное, поэтому абсолютные проценты оказались выше, чем два года назад. Фактически те же самые сферы жизни привлекали дальневосточников в Японии и Китае.

Республика Корея также оказалась в первой четвёрке зарубежных государств, от которых, по мнению респондентов, в наибольшей степени зависело социально-экономическое положение Приморского края. В 2003 г. на эту зависимость указали 43% приморцев (впереди были КНР — 73%, Япония — 60% и США — 45%), в 2006 г. — 39% (после Китая — 68% и Японии — 56%). А вот среди стран, которые жители Приморья считали приоритетными для развития международных связей края, она оказалась в 2003 г. на втором месте после Японии, набрав 40% голосов (Япония — 59%), а в 2006 г. разделила второе—четвёртое места с КНР и США (по 33% респондентов). Верхнюю строчку заняла опять же Япония (48%). У молодёжи в возрасте до 20 лет

Южная Корея вообще оказалась на вершине лестницы приоритетов, набрав 46% голосов, тогда как за Австралию высказались 36% молодых людей этого возраста, а за Японию — только 33%.

Добавление сибирских, дальневосточных и европейских территорий России в список потенциальных направлений для развития отношений собственного края/области несколько путало карты и меняло настроение респондентов. В 2003 г. в этом измерении рейтинг Южной Кореи упал в Приморье до 26%, но она по-прежнему делила вторую позицию, на этот раз с европейскими областями России. На всем юге Дальнего Востока сторонников первоочередного развития отношений с РК оказалось на 2% больше, чем в Приморье, однако это вывело её только на четвёртую позицию после Японии, Китая и сибирских и дальневосточных территорий (см. главу 3, рис. 6).

В 2006 г. за корейское направление высказались только 14% жителей Приморского края, на сибирское указали 24%, а на европейскую часть России — 17%. Китай (34%) и Япония (33%) оказались далеко впереди. Сказались, видимо, напряжённость на полуострове, неопределённость его будущего и дискомфорт, который испытывали по этому поводу жители края. Эта же расстановка акцентов выявилась на юге Дальнего Востока в 2008 и 2010 гг. По итогам опросов последних лет за Сибирь и Дальний Восток высказывались заметно больше его участников (45% в 2008 г. и 41% в 2010 г.), чем за Южную Корею (соответственно 22 и 28%).

В 2008 г. за первоочередное развитие отношений с Сеулом активнее всего выступали представители руководящего звена (33%), интеллигенции (31%), лица в возрасте до 20 и 50—59 лет (26—27%). Менее всего связи с РК были важны для рабочих (8%). В 2010 г. лидерами оказались предприниматели (43%), а «отстающими» — студенты (9%). В группе сахалинских корейцев за первоочередное развитие отношений с РК высказались 70% респондентов.

Большинство дальневосточников не считают Южную Корею враждебным государством, несущим угрозу интересам России. Как уже отмечалось в главе 2, опасной её признали в 2010 г. только 16% опрошенных — самый низкий уровень для всех восточноазиатских соседей России. Не увидели угрозы со стороны РК втрое больше респондентов (49%).

Симпатизирующие Республике Корея, 2008–2010 гг.

Материалы опросов 2008 и 2010 гг. позволили нам выделить условные группы респондентов, питающих особые симпатии к Южной Корее. В 2008 г. в неё вошли 64 чел. (8% общего числа респондентов), в 2010 г. — 115 чел. (15% от числа опрошенных). Детальный анализ показал заметные различия в структуре этих двух групп и взглядах их представителей на ряд поставленных перед ними вопросов, что ещё раз подтверждает высказанную выше гипотезу о преимущественно не устоявшихся, спонтанных симпатиях дальневосточников к Корее, тех самых «*необъяснимых симпатий*», что основаны не на знаниях, а на эмоциях и неосознанных порывах. В 2010 г. более всего лиц, симпатизирующих Южной Корее, оказалось среди военнослужащих (23%), предпринимателей (20%), лиц со средним и средним специальным образованием и людей старше 60 лет (по 19% от численности этих групп). Менее всего — в группах 30–40-летних (12%), имеющих незаконченное высшее образование (11%), домохозяек (8%) и представителей интеллигенции (10%).

Телевидение и радио, как показали результаты опроса 2008 г., стоят у этих людей на первом месте среди источников, откуда они черпают сведения о Южной (а также Северной) Корее. Меньшую, чем по другим странам, информацию дают им школа, газеты и Интернет; больше приходится пользоваться специальными и популярными изданиями: ни в школьных программах, ни в российских СМИ Южной Корее заметно-го внимания не уделяется. В стране своих симпатий ни разу не были 78% респондентов этой группы, один—два раза посещали её 11%, три и более раз — также 11%.

В 2008 г. лица этой группы в меньшей степени, чем «средний респондент», были озабочены угрозами со стороны США (25% против средних 36%) и конфликтом вокруг Курильских островов (11% против 21%), в большей — ростом мощи КНР (45% против средних 37%) и конфликтом на Корейском полуострове (11% против 6%). Среди них было больше представителей той части населения Дальнего Востока, которая исповедует

«прозападные» и «антикитайские» взгляды. За первостепенное развитие отношений с Республикой Корея высказались в том же 2008 г. только 33% лиц этой группы. Это, конечно, выше доли назвавших РК приоритетным направлением развития экономических отношений среди всей массы опрошенных (22%), однако ниже, чем рейтинг КНР (55% респондентов этой группы), Японии (48%), Сибири и Дальнего Востока (44%).

Наибольшей популярностью среди лиц этой группы пользовалась также Япония (53% назвали её страной, вызывающей наибольшие симпатии), а вот симпатии к Северной Корее выразили лишь 3% из них.

В группе «кореефилов» 2010 г. предпочтения по ряду параметров иные (табл. 3). Самое главное, что её представители в заметной меньшей степени, чем общая масса респондентов,

Таблица 3

Сравнительный анализ взглядов респондентов на проблемы безопасности и сотрудничества Тихоокеанской России (2008, 2010 гг., Дальний Восток, % от числа респондентов в группе, 100% по каждой группе)

Вопросы	2008 г.			2010 г.		
	все респонденты	симпатии к		все респонденты	симпатии к	
		РК	КНДР		РК	КНДР
Угрозы безопасности России на Тихом океане						
Политика США	36	25		22	19	22
Конфликт на Корейском полуострове	6	11		15	16	11
Распространение ядерного оружия	о*	о		25	18	17
Рост мощи Китая	37	45		55	38	50
Политика Москвы	47	45		50	43	44
Зарубежная миграция	о	о		51	49	22
Курильская проблема	21	11		24	28	22
Терроризм	27	11		17	19	6
Нет угроз	9	5		7	14	6

Окончание табл. 3

Вопросы	2008 г.			2010 г.		
	все рес- понен- ты	симпатии к		все рес- понен- ты	симпатии к	
		РК	КНДР		РК	КНДР
Угроза потери Россией ДВ						
Есть	—**			57	48	56
Нет	—			25	35	44
Угрозы безопасности России со стороны:						
КНР	—			64	45	62
КНДР	—			27	22	17
РК	—			16	9	6
США	—			48	37	39
Японии	—			40	36	37
Приоритетные направления развития отношений						
Сибирь, Дальний Восток	45	44		41	33	28
Европейская Россия	26	25		32	30	33
КНР	50	55		53	58	39
КНДР	12	9		4	6	28
РК	22	33		28	57	39
США	12	9		18	14	6
Япония	46	48		52	49	44
Страны, вызывающие наибольшие симпатии						
Австралия	40	33		34	25	28
Канада	24	19		25	15	0
КНДР	3	3		2	7	100
КНР	9	9		16	21	28
РК	8	100		15	100	44
США	11	8		13	8	6
Франция	32	13		31	19	11
Япония	35	53		40	50	44

Примечание: * о — ответ в списке ответов отсутствовал; ** — вопрос в анкете отсутствовал.

озабочены угрозами безопасности России вообще и конкретными угрозами в частности. Они в одинаковой степени ориентированы на развитие отношений с РК и Китаем, а Япония для них — вторая в списке самых симпатичных стран после Южной Кореи.

Оценка этими людьми состояния и перспектив отношений России с КНР, США и Японией, как показывают материалы 2008 г., мало отличалась от среднего показателя, а вот нынешние и будущие отношения РК и КНДР с Россией они видели в более розовых тонах. «Хорошими» и «очень хорошими» нынешние российско-южнокорейские отношения назвали 50% респондентов этой группы (в среднем — 32%), российско-северокорейские — 42% (в среднем 23%). Будущие отношения России с РК в этом же свете видели 57% «кореефилов» (средний — 43%), с КНДР — 44 и 35% соответственно.

Симпатизирующие Южной Корее также толерантнее относятся к представителям азиатских культур в целом и к межнациональным бракам в частности. Среди респондентов этой группы процент лиц, готовых положительно воспринять брак своих родственников с корейцами, в 2008 г. был почти вдвое больше, чем в общей массе опрошенных (13 против 7%), отрицательно — на 14% меньше (20 против 34%). Среди них настолько же меньше людей, которые негативно отнеслись бы к бракам своих родственников с китайцами (25 против 40% среди всех респондентов), японцами (14 против 29%) и американцами (11 против 18%).

Большой процент составляют категорично утверждавшие, что они не ощущали своего превосходства над китайцами (39 против 30% в среднем), японцами (56 против 42%) и тем более корейцами (53 против 35%). Хотя в наличии таких чувств в отношении корейцев признались всё же 14% респондентов этой группы — столько же, сколько в общей массе опрошенных. Симпатизируя Южной Корее, 8% испытывали чувство отторжения в отношении самих корейцев (10% в общей массе респондентов) — столько же, сколько в отношении японцев, и в 3,5 раза меньше, чем в отношении китайцев (28%).

КНДР

Отношение жителей Дальнего Востока к Корейской Народно-Демократической Республике на протяжении двух последних десятилетий было неизменным. Число респондентов, выражавших ей особые симпатии, составляло 1—3% от общего числа опрошенных. Вплоть до 2002 г. не находилось желающих временно поработать в КНДР или переехать туда на постоянное жительство. В 2003 и 2008 гг. выявился очень небольшой круг жителей региона (1—2%), готовых испытать себя в экстремальных условиях (рис. 3). Среди 8 человек, выразивших желание переехать на постоянное жительство в Северную Корею, оказалось по одному рабочему, предпринимателю, руководителю и пенсионеру и по два представителя служащих и интеллигенции.

Количество потенциальных туристов в КНДР также было минимальным: 1—3% по итогам опросов 1995—2003 гг.

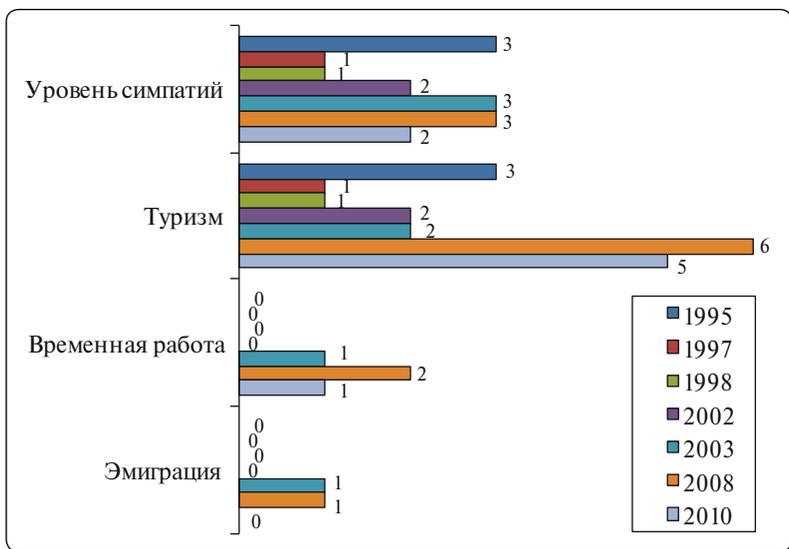

Рис. 3. Отношение жителей юга Дальнего Востока к КНДР (% от числа опрошенных)

Оно вдвое (до 6%) выросло в 2008 г., что объясняется, видимо, возросшим интересом дальневосточников к зарубежному туризму и в ещё большей степени — наличием материальных возможностей для реализации этого интереса. Во Владивостоке в 2008 г. интересующихся Северной Кореей (9%) было вдвое больше, чем в Хабаровске и Благовещенске (по 4%), однако в 2010 г. этот показатель упал до 3%. Явно сказались последствия обострения ситуации на близком к Владивостоку полуострове в 2009 г. Хотя на самых молодых политические коллизии, похоже, совсем не действуют: среди респондентов в возрасте до 20 лет, желающих посетить Северную Корею, оказалось 11% в 2008 г. и 16% в 2010 г.

Никого бы не удивило, если бы россияне — приверженцы коммунистических идей — выступали главными апологетами и сторонниками КНДР. Однако среди сторонников КППРФ тех, кто симпатизирует Северной Корее, оказалось в 2008 г. лишь на 2% больше (6%), чем в общей массе респондентов. Более всего сочувствующих Пхеньяну обнаружилось среди тех участников опроса, кто стоял на платформе ЛДПР (8%).

Не продемонстрировали российские коммунисты пролетарской солидарности с трудящимися КНДР и в вопросе о выборе приоритетов в развитии экономических связей Дальнего Востока. За первоочередное развитие отношений их территории с Северной Кореей выступили в 2008 г. только 14% сторонников КППРФ (при 12% среди всех респондентов). Тем не менее, по этому показателю притягательность КНДР оказалась не ниже, чем у США и даже выше, чем у Западной Европы (на 2%) и Австралии (на 4%). Географическая близость, как оказалось, значит для дальневосточников больше, чем уровень экономического развития, общая привлекательность и характер политического режима той или иной страны. Заметных расхождений в этом вопросе среди лиц разных возрастов и занятий не обнаружилось. Из общего ряда выпали только военнослужащие, почти каждый четвёртый из которых (23%) высказался за первоочередное развитие связей с КНДР, и домохозяйки — среди них не нашлось ни одной, которая бы разделила эти взгляды.

Более ранние исследования в Приморском крае дали близкие результаты. В 2003 г. 13% респондентов констатировали зависимость социально-экономического положения края от связей с Северной Кореей, в 2006 г. их число составило 11%. За первоочередное развитие отношений с этой страной выступило в 2003 г. 9% опрошенных. В 2006 г. их число составило 16% при выборе только зарубежных государств и 7% — при наличии альтернативы в виде сибирских и европейских территорий России.

Интересна сама по себе небольшая группа респондентов (18 чел.), назвавшая в 2010 г. КНДР страной наибольших симпатий. Почти половина из них (8 чел.) — это лица в возрасте от 20 до 30 лет, ещё 6 чел. от 51 до 60 лет и ни одного до 20 лет. Среди них есть представители всех упомянутых в анкете видов деятельности, даже одна домохозяйка, треть (6 чел.) — жители Хабаровска, остальные представляют другие территории (за исключением Магадана). Из 30 сахалинских корейцев Северной Корее симпатизируют только двое.

Их предпочтения представлены в табл. 3, из которой видно, что наибольшими симпатиями этих людей пользуются также Япония и Южная Корея, приоритетными для развития отношений они считают Японию, Южную Корею и Китай, со стороны которого они как раз и видят главные угрозы интересам и безопасности России. Их заметно меньше, чем большинство респондентов, волнуют зарубежная миграция и терроризм и среди них нет ни одного сомневающегося в выборе ответа на вопрос об угрозе потери Россией Дальнего Востока.

КОРЕЙЦЫ

Сегодня из всех государств Северо-Восточной Азии лишь РК и КНДР имеют свою достаточно многочисленную диаспору на всех сопредельных территориях: свыше 1 млн. чел. в Маньчжурии, более 700 тыс. в Японии и свыше 60 тыс. чел. на территории российского Дальнего Востока.

Появление корейцев на Дальнем Востоке датируется первой половиной 60-х годов XIX в., когда на территории нынешнего Приморья, тогда только-только присоединённого к Российской империи, обосновались первые переселенцы с Корейского полуострова, гонимые оттуда голодом, нищетой и жестокой эксплуатацией. На начало января 1867 г. в крае уже насчитывалось 185 семей (999 душ) корейцев¹².

В 1884 г. между российским и корейским правительствами было заключено соглашение об условиях временного проживания корейцев на российском Дальнем Востоке, по которому все корейцы, переселившиеся сюда до 1884 г., были приняты в русское подданство. Поскольку восприятие местными властями и населением представителей различных восточно-азиатских культур (аборигенов Приамурья, китайцев, японцев и корейцев) шло не столько через призму их непохожести (культурного отличия), сколько через восприятие стоявшей за ними государственности и готовности их к ассимиляции, уже в конце XIX в. в России сформировалось различное отношение к китайцам и корейцам. На втором Хабаровском съезде, созванном приамурским генерал-губернатором Корфом в 1886 г., его участники открыто говорили, что «китайский элемент вреден для края и в политическом, и в экономическом отношении» и необходимо привлекать в край «корейский элемент», с одной стороны, как естественный конкурент китайскому, с другой — как легко поддающийся (в отличие от китайцев) русскому влиянию¹³.

Подобное отношение к корейцам привело к тому, что на Дальнем Востоке сформировалась довольно крупная корейская диаспора. На конец 1923 г. в Приморской области были зарегистрированы 475 корейских населённых пунктов и 124 тыс. корейцев, из которых, однако, только 27% являлись советскими гражданами¹⁴. А в 1931 г. в крае была создана корейская автономия — Посъетский корейский национальный район с 80—90% корейского населения, который просуществовал до 1937 г.

В 1936—1938 гг. более 200 тыс. корейцев были переселены с советского Дальнего Востока в Среднюю Азию. Соглас-

но переписи населения 1989 г. на Дальнем Востоке проживало 55,5 тыс. корейцев: большинство — на территории Сахалина (35,5 тыс. чел.), около 17 тыс. — в Приамурье, из них 8,5 тыс. — в Приморском и 8,3 тыс. — Хабаровском краях.

В начале 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял Закон «О реабилитации репрессированных народов», статья 6 которого говорила о возможности возвращения этих народов в места прежнего проживания. Естественно, что на повестку дня сразу встал вопрос о возвращении в Приморье депортированных корейцев, а вместе с ним — и о воссоздании здесь корейской автономии.

Очень быстро появились конкретные предложения и проекты. С двумя такими проектами в феврале 1991 г. (о добровольном и организованном переселении советских корейцев из Средней Азии и Казахстана в Приморский край) и в январе 1992 г. (о создании корейской экономической зоны на богатом природными ресурсами восточном побережье Приморья) выступили руководители Всесоюзной организации советских корейцев. В первом случае речь шла о переселении до 500 тыс. чел., во втором — 80—100 тыс., а также о вычленении из Приморья весьма плодородных или богатых ресурсами земель.

Естественно, что реализация этих проектов могла повлечь за собой существенные этнодемографические, социальные и политические последствия для юга Дальнего Востока России. Поэтому и власти, и население региона реагировали отрицательно на все предложения о создании корейской национальной автономии, соглашаясь лишь на одну — культурную.

Попытки создания корейской автономии на территории Приморского края, предпринимавшиеся в первой половине 1990-х, потребовали выяснить отношение дальневосточников и к проблеме сталинского насильственного переселения народов СССР (в том числе корейцев), и к возвращению корейцев из Средней Азии в Приморье, и к идеям создания корейской автономии. Учитывая деликатный характер этой проблемы, вопросы задавались очень осторожно.

Прежде всего оказалось, что как произвол и беззаконие расценили политику насильственного переселения корейцев, крымских татар, поволжских немцев, чеченцев и других народов СССР 56% опрошенных жителей юга Дальнего Востока в 1997 г. и 61% приморцев — годом позже. Соответственно 18 и 20% респондентов согласились с предложенным в анкете тезисом, что это была «мудрость руководства тех лет». Каждый четвёртый (25%) в 1997 г. и каждый пятый (18%) в 1998 г. затруднились с ответом. В «мудрости» Сталина более всего были уверены (по данным 1997 г.) лица старше 60 лет, пенсионеры и рабочие (26—27%), менее всего — военнослужащие и домохозяйки (по 9%) интеллигенция (11%) и молодёжь до 20 лет (15%). Во Владивостоке сторонников этой политики оказалось на 8% больше, чем в Хабаровске (25% против 17%).

Те же пожилые пенсионеры в наибольшей степени были настроены против «восстановления исторической справедливости». Каждый третий из них (34%) фактически поддержал жителей Крыма и Поволжья, возражавших против возвращения крымских татар и поволжских немцев в прежние места их компактного проживания. В общей массе респондентов этих взглядов придерживался каждый четвёртый (24%); во Владивостоке — 22%, а в Хабаровске — только 14%. Опросы подтвердили, что более всего такая проблема волновала сельских жителей Приморья.

Очень небольшая доля респондентов — 5% опрошенных в 1997 г. и 7% в 1998 г. — согласились отнести места проживания корейцев в Приморском крае до 1937 г. к исконно корейским территориям. Отрицательно ответили на этот вопрос соответственно 60 и 56%, затруднились с ответом в обоих случаях по 35%. В наименьшей степени с этим утверждением были согласны в 1997 г. пенсионеры (0%), жители Владивостока (1%) и молодёжь до 20 лет (2%).

Однако страхи многих дальневосточников по поводу массового возвращения корейцев на Дальний Восток оказались беспочвенны. Опросы самих корейцев, проводившие-

ся Е.А. Плаксом в 1991 и 1994 гг. в Средней Азии, показали, что очень незначительное их количество, действительно, хотели бы и ещё меньшее число были готовы переселиться в Приморье. Осенью 1991 г. лишь 10% опрошенных в Казахстане, Узбекистане и Таджикистане корейцев были готовы на немедленное переселение и ещё 21% — на переезд в течение 5 лет, но только при условии предоставления им национальной или культурной автономии. Через 3 года только 32% опрошенных в Казахстане корейцев выразили намерение переселиться в какой-либо другой регион (более тяготея к западным районам России, чем к Приморью), и только 14% считали создание автономии в Приморье одной из важнейших задач корейцев СНГ. Среди дальневосточных корейцев, опрошенных во Владивостоке и Хабаровске, важной считали эту задачу 19%.

Интересны взгляды дальневосточных корейцев, выявленные летом 1994 г. Только 23% из них назвали Корею своей родиной. Каждый третий (30%) был не совсем в этом уверен, а 43% однозначно сказали «нет». С уверенностью вернуться на родину хотели бы только 7%, ещё 57% были не очень уверены в наличии у них такого желания, а 36% не имели таких намерений¹⁵. Две трети респондентов ни разу не посещали свою историческую родину, не более 7% были уверены, что «очень хорошо» знают Южную Корею и 5% — Северную, «немного знали» о них соответственно 49 и 47%.

В то же время подавляющее большинство опрошенных корейцев (92%) гордились принадлежностью к своему этносу, две трети (67%) предпочитали браки внутри корейской диаспоры и только 12% были против корейских браков. Любопытно, что среди опрошенных в то же время корейцев Казахстана процент сторонников однонациональных браков был несколько выше — 75%. Только 41% дальневосточных корейцев разговаривали с соотечественниками на родном языке, тогда как 93% пользовались русским. В то же время 89% хотели бы изучать корейский язык или научить ему своих детей. Почти столько же стремились к изучению истории Кореи.

Оригинальным способом мы проверили симпатии корейцев к странам Восточной Азии, задав им вопрос «*За какую страну Вы будете болеть в футбольных матчах?*»? Полученные результаты комментариев не требуют (рис. 4). Отметим лишь, что казахстанские корейцы в матче КНДР—Россия более активно поддерживали бы Северную Корею: 48% за КНДР против 30% за Россию.

В конечном итоге массовое возвращение корейцев на Дальний Восток так и не состоялось. Слишком большими оказались бюрократические рогатки и материальные проблемы на этом пути. По переписи 2002 г., на территории Дальневосточного федерального округа проживало 61,9 тыс. корейцев, всего на 6,4 тыс. больше, чем в 1989 г. В Приморье их оказалось 17,9 тыс. чел. (0,9% населения края), в Хабаровском крае — 9,5 тыс. чел. (0,7%), Амурской области — 697 чел. (0,08%), большинство — на Сахалине — 29,6 тыс. чел. (5,4% населения)¹⁶.

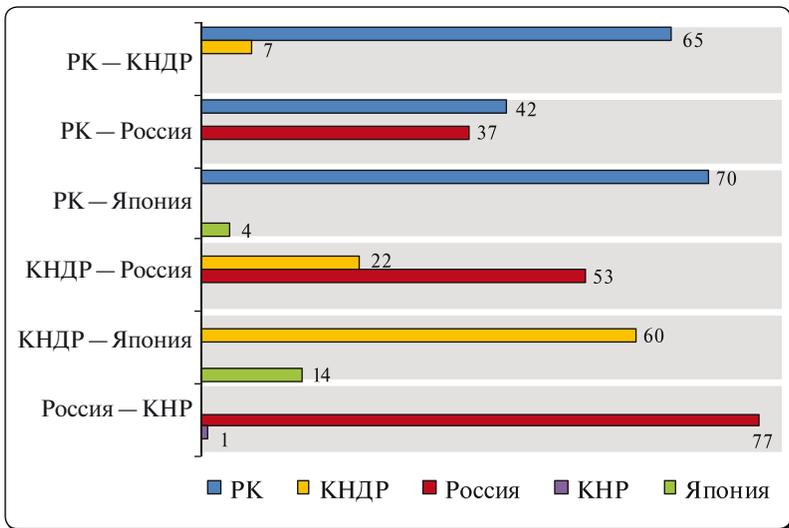

Рис. 4. Предпочтения футбольных болельщиков-корейцев (1994 г., юг Дальнего Востока России, % от числа опрошенных)

Корейцы Сахалина

В ходе опроса 2010 г. нам удалось выделить группу сахалинских корейцев, чьи взгляды представляются достаточно интересными. Конечно, мизерная выборка (30 чел.) не позволяет транслировать представления членов этой группы на все без малого 30 тыс. корейцев, живущих на острове и тем более на Дальнем Востоке. Однако, поскольку в группе в достаточно выдержанных пропорциях представлены все возрастные и профессиональные группы населения, некоторые замечания мы позволим себе сделать, хотя никоим образом не приписываем эти черты всей корейской диаспоре региона.

Итак, три четверти (77%) опрошенных корейцев считают Россию азиатско-тихоокеанской державой. Две трети из них (67%) ссылаются при этом на географическое положение России, 40% — на её экономическое присутствие в регионе, а 37% — на политическое влияние. Слабость экономических позиций России отметили 30% опрошенных. Их взгляды на угрозы безопасности России на Тихом океане заметно отличаются от представлений «среднего респондента»: на первом месте у них стоит *«недостаточный учёт интересов дальневосточных территорий федеральной властью»* (40%), далее следуют *«спор из-за Курильских островов»* (27%) и *«стремление США к гегемонии»* (23%). «Китайская угроза» волнует только каждого пятого (20%), а иностранная миграция — 13%.

Среди корейцев обнаруживается больше не согласных с тезисом об угрозе потери Россией Дальнего Востока (47%), чем признающих её существование (37%). Главными из таких угроз они считают «безразличие Москвы» и рост зарубежной миграции (по 27%).

Место проживания респондентов (о-в Сахалин) заметно влияет на оценку ими внешних угроз. Только 30% из них согласились с тезисом о существовании угрозы России со стороны Китая, 27% — США, 13% — КНДР и 3% — со стороны РК. Главная же опасность проистекает, по их мнению, от Японии (37%).

Неудивительно, что три четверти из них (74%) высказались категорически против передачи Курильских островов Японии.

Они бóльшие оптимисты в оценке российской власти: верят в её способность улучшить положение области 43%, не верят — только 33%. Тем не менее остались бы на Сахалине только 43% из них, тогда как в европейскую часть России готовы перебраться 27%, а за её пределы — 23%.

Развивать отношения они считают необходимым прежде всего с Южной Кореей (70%), Японией (47%) и Китаем (43%). За отношения с Северной Кореей ратуют только двое из этой группы. Видимо, те же двое назвали КНДР страной, вызывающей у них наибольшие симпатии. Как уже было отмечено выше, у 60% корейских респондентов наибольшие симпатии вызывает Южная Корея. 30% назвали Японию, 23% — Францию.

Франция является для них и самой интересной страной с точки зрения туризма (40%), тогда как в РК хотели бы съездить 37%, а в КНДР — только 7%. В плане временной работы и иммиграции им интереснее всего Южная Корея (27 и 43% соответственно). Северная Корея голосов в этих разделах не набрала.

Образ корейца

Параллельно с ростом численности российских корейцев на Дальнем Востоке и активизацией их деятельности по самоутверждению, активно поддерживаемой южнокорейским руководством, увеличивалось присутствие зарубежных корейцев в Приамурье и Приморье. В Приморском крае в 1995 г. на строительных и сельскохозяйственных работах были заняты около 4 тыс. рабочих из КНДР (31% от всех иностранных рабочих). В Амурской области их количество в этом же году — 7 тыс. чел. (в 8 раз больше, чем китайцев), в основном они (почти 6 тыс. чел.) трудились на лесозаготовках (согласно межправительственным соглашениям).

В начале нового века использование корейской рабочей силы заметно расширилось в России в целом и на Дальнем

Востоке в особенности. По данным Федеральной миграционной службы РФ, в 2005—2006 гг. выходцы из КНДР занимали четвёртое место среди граждан стран дальнего зарубежья, прибывавших в Россию с целью трудовой деятельности. Их число увеличилось с 14,7 тыс. в 2004 г. до 21,7 тыс. в 2006 г. Две трети рабочих из КНДР трудились на юге Дальнего Востока (14,8 тыс. чел. в 2006 г.)¹⁷.

В результате образ корейцев и отношение к ним жителей российского Дальнего Востока имели два вектора: восприятие «собственных» (российских) и зарубежных корейцев. И всё же позволим себе утверждать, что, поскольку в анкетах содержался ряд вопросов, определяющих отношение респондентов к Северной и Южной Корее, скорее всего, формируя для себя типаж корейца, они рисовали преимущественно образ не российского, а зарубежного представителя этого этноса.

Обобщённый образ корейца в представлениях дальневосточников мало отличается от образа китайца или японца: это человек трудолюбивый, ответственный, предприимчивый, в меру вежливый и хитрый (рис. 5).

Образ корейца 2000-х годов по ряду параметров отличается от образа 1990-х: снизился уровень оценок степени его трудолюбия, заметно выросла категория «вежливости». В 2008 г. почти в 2 раза больше респондентов, чем в 2002 г., вообще затруднились выделить какие-либо качества корейцев. Скорее всего, если в 1990-е годы этот образ строился в основном умозрительно либо через представления о российских корейцах, то в начале нового века, когда количество северокорейских рабочих на Дальнем Востоке выросло, расширились контакты с Южной Кореей, сложились определённые представления о южнокорейских бизнесменах, автоматически произошла некоторая корректировка сложившегося образа.

В то же время возможности для личного общения с корейцами были различны у представителей разных территорий Дальнего Востока. Поэтому, хотя первые две ступеньки «лестницы характерных черт» корейцев (трудолюбие, вежливость) в представлении жителей разных городов и совпадают, в дальнейшем имеются некоторые отличия. Жители Владивостока,

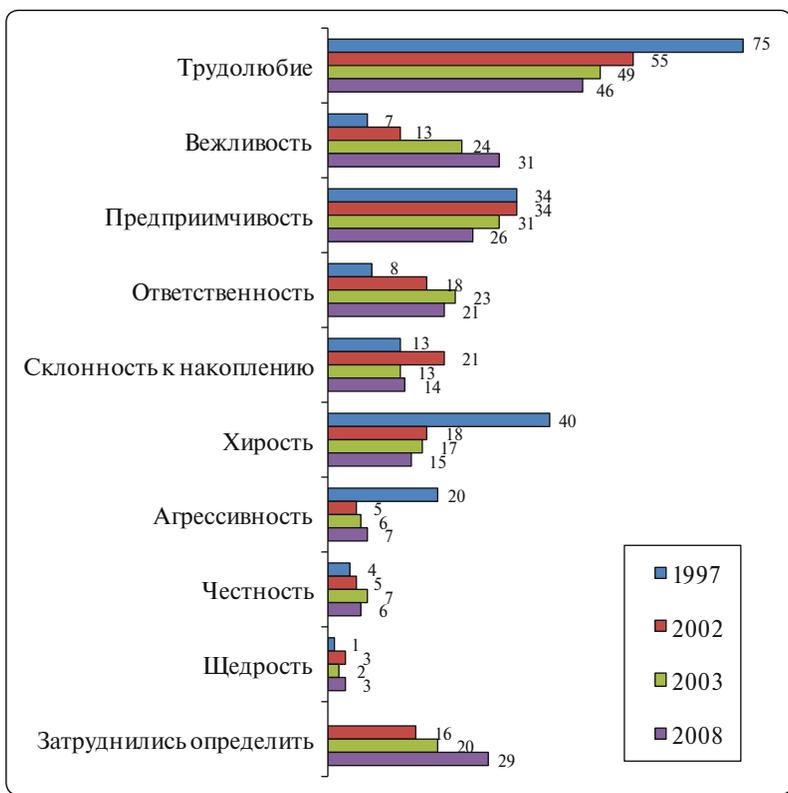

Рис. 5. Представления дальневосточников о типичных чертах корейцев (возможны несколько ответов, % от числа опрошенных)

которые имели наиболее широкие возможности встречаться и общаться с корейцами (как с северными и южными, так и с российскими) и в Корее, и в своём городе, были более сдержанны и критичны, тогда как биробиджанцы, как правило, не имевшие опыта личного общения, строили образы в основном умозрительно и в более положительных тонах (табл. 4). Обратим также внимание на то, что каждый третий респондент в Благовещенске и Биробиджане и каждый четвёртый во Владивостоке и Хабаровске затруднились дать характеристику корейцам.

Таблица 4

**Типичные черты корейцев в представлении жителей
дальневосточных городов (2008 г., % от числа опрошенных)**

Типичные черты	Владивосток	Хабаровск	Благовещенск	Биробиджан
Трудолюбие	41	55	45	49
Вежливость	35	35	26	43
Предприимчивость	23	29	26	15
Ответственность	21	21	23	26
Склонность к накопительству	16	14	10	2
Хитрость	22	16	13	15
Агрессивность	7	6	8	0
Честность	4	7	6	11
Щедрость	3	3	2	4
Затруднились с оценкой	23	23	35	36

Если судить по ответам респондентов на вопросы об их ощущениях при взаимодействии с корейцами (см. рис. 6), то отношение к ним дальневосточников было чуть менее толерантным, чем к японцам, но заметно более терпимым, чем к китайцам (см. главу 3). Анализ отношения к этому вопросу

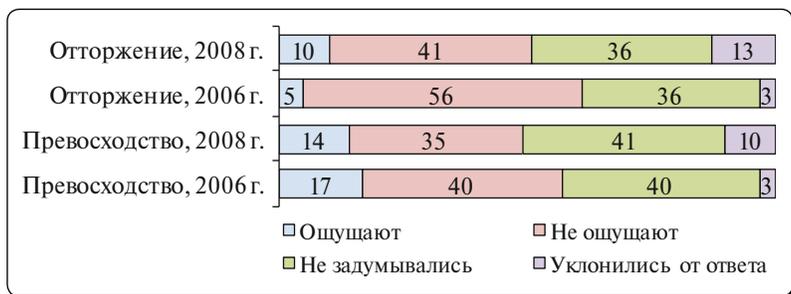

Рис. 6. Чувство превосходства и отторжения по отношению к корейцам (2006 г. — Приморский край, 2008 г. — юг Дальнего Востока России, % от числа опрошенных)

респондентов различных возрастов и занятий не выявил в нём каких-либо заметных различий, за исключением уже не раз отмечавшегося радикализма самых молодых и более высокого уровня толерантности старших поколений. Хотя и среди 20-летних, испытывавших чувство отторжения по отношению к корейцам, было в два раза меньше, чем среди тех, кто ещё не перешагнул этот возрастной рубеж.

* * *

Итак, завершая главу об отношении дальневосточников к странам Корейского полуострова и корейцам Восточной Азии, отметим несколько, как нам кажется, ключевых моментов.

Первый — отсутствие серьёзного интереса дальневосточников к этой зоне Восточной Азии. Несмотря на остроту ситуации на полуострове, корейская проблема мало волнует население Приамурья и Приморья, не говоря уже о сахалинцах и магаданцах. По крайней мере, она не вызывает у него столь заметных страхов за своё будущее, как «китайская экспансия».

У жителей Приморского и Хабаровского краёв ещё сохранились надежды на активное экономическое взаимодействие с Южной Кореей, но эти надежды, не подкреплённые заметными успехами южнокорейского бизнеса в регионе и подрываемые успешной экономической экспансией Китая, тают с каждым годом. Амурская и Еврейская автономная области, прочно сориентированные на Китай, надежды на корейские капитал и менеджмент давно утратили.

Хотя позитивные оценки состояния и перспектив российско-корейских отношений преобладают, они обосновываются лишь тем, что жители региона не видят причин для конфронтации России с обеими Кореями (*табл. 5*). Сидим рядом с пороховой бочкой и не хотим замечать, что кое-кто на этой же бочке играет со спичками...

Таблица 5

**Отношение дальневосточников к Корее и корейцам
(2003/2010 гг., % от числа опрошенных)**

Оценка	Год	Владивосток	Хабаровск	Благовещенск	Биробиджан
Питают наибольшие симпатии к РК/КНДР	2003	14/4	8/4	11/2	13/4
	2008	9/5	8/1	4/2	11/0
	2010	12/1	9/3	10/3	5/3
Негативно оценивают перспективы отношений между Россией и РК / Россией и КНДР	2008	2/3	2/3	7/9	0/9
Видят угрозы со стороны Корейского полуострова	2003	7	15	7	8
	2008	9	6	4	0
	2010	24	10	6	14
Ощущают превосходство над корейцами	2008	14	12	18	11
Ощущают чувство отторжения при общении с корейцами	2008	10	11	15	2
Выступают за первоочередное развитие связей с РК/КНДР	2008	30/15	27/13	8/6	19/6
	2010	32/3	22/7	19/0	8/8
Доля респондентов, бывавших в РК/КНДР	2008	17/8	11/9	8/9	4/0
Справочные данные		Приморский край	Хабаровский край	Амурская область	Еврейская автономная область
Объём торговли с РК, млн. долл., % от объёма внешнеэкономических связей	2006	1 290/16	879/11%	7,4/1,4	Нет значимых величин
Численность корейцев, чел./доля в численности населения, %	2002	17 900/0,9%	9 500/0,7	697/0,08	Нет данных
Число рабочих из КНДР	2006	8 417	2 710	3 478	112

- ¹ Как писала в те годы газета «Владивосток», «...среднестатистический житель Владивостока носит корейский спортивный костюм «монта-на», корейские кроссовки «адидас», пользуется корейской туалетной бумагой, чистит зубы корейской зубной пастой, пьёт корейскую «ко-ка-колу», закусывая «чоко-паем» (Степченко А. Под «крышей» дела своего // Владивосток. 1995, 18 марта).
- ² В Москве побывали президенты Южной Кореи Ким Ён Сам (июнь 1994 г.), Ким Дэ Чжун (май 1999 г.), Но Му Хён (сентябрь 2004 г. и май 2005 г.) и Ли Мён Бак (сентябрь-октябрь 2008 г. и сентябрь 2009 г.), в Корею — М. Горбачёв (апрель 1991 г.), Б. Ельцин (ноябрь 1992 г.) и В. Путин (февраль 2001 г. и ноябрь 2005 г.).
- ³ Bogaturov A. D. Russia in Northeast Asia: Setting a New Agenda // Korea and World Affairs. 1993. Vol. 17, № 2. P. 308.
- ⁴ Российско-корейское соглашение о совместной работе по созданию южнокорейского технопарка было подписано в сентябре 1994 г., его ратифицировала Национальная ассамблея Республики Корея, но он так и не был одобрен Государственной думой России.
- ⁵ В конце 1990-х гг. только в Приморском крае насчитывалось более 30 южнокорейских общин христианского толка, которые возглавлялись корейскими миссионерами.
- ⁶ При его реализации контейнерные поезда способны ежегодно доставлять более 1 млн. т грузов (2010 г.) и 5 млн. т грузов в 2025 г. в Западную Европу за 10—12 суток (см.: Diplomatic White Paper. Seoul: Ministry of Foreign Affairs and Trade, 2007. P. 75), что гораздо дешевле любого другого вида транспорта и в два раза быстрее, чем это делается морским путём.
- ⁷ Обзор внешнеэкономической деятельности Дальневосточного региона за 2008 г. // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2009. № 1. С. 22. (Общий объём торговли Дальнего Востока с РК составил 6,5 млрд. долл.).
- ⁸ См.: Совместное заявление Российской Федерации и Республики Корея. — <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/09/207020.shtml>. Подробнее о двустороннем взаимодействии дальневосточных территорий с Республикой Корея см.: Ларин В.Л. Дальневосточный плацдарм современных российско-корейских отношений // Результаты и перспективы российско-южнокорейского сотрудничества: к двадцатилетию установления дипломатических отношений между Россией и Республикой Корея. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 67—82.
- ⁹ Экспорт и импорт России в 2007 г. <http://www.rusimpex.ru/Content/Economics/Rustrade/eximp07.html>.
- ¹⁰ См.: <http://dvtu.customs.ru/ru/statistics>.
- ¹¹ 10 февраля 2005 г. Пхеньян объявил о приостановке участия в шестисторонних переговорах и наличии у него ядерного оружия, а 9 ок-

тября 2006 г. провёл подземное испытание ядерного заряда. Затем в июле и октябре 2006 г. осуществил несколько запусков баллистических ракет в сторону Японии, одна из которых, отклонившись от курса, упала в воды Японского моря недалеко от Владивостока.

- ¹² Отчёт чиновника Приморского областного управления Ф.Ф. Буссе о переселении корейцев // Корейцы на российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX — нач. XX в.): Документы и материалы. Владивосток: РГИА ДВ, 2004. Кн. 1. С. 30.
- ¹³ Панов В. Манзовская война. Владивосток. 1994, 7 июля.
- ¹⁴ Корейцы на российском Дальнем Востоке... Кн. 1. С. 19.
- ¹⁵ Вообще же уехать с Дальнего Востока хотели бы 16% опрошенных корейцев, однозначно остаться — три четверти респондентов (75%).
- ¹⁶ Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока России. Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2006. С. 115, 123, 126, 128, 134.
- ¹⁷ <http://www.prime-tass.ru/news/show.asp?id=684840&ct=news>. В Приморском крае число корейских рабочих выросло с 1469 в 2000 г. до 8,4 тыс. в 2006 г. а в 2007г. составило 6,5 тыс. чел. В Хабаровском крае в 2006 г. трудилось 2,7 тыс. рабочих из КНДР, Амурской области — 3,5 тыс., тогда как в ЕАО — только 112 чел.

ОСТАЛЬНОЙ МИР ГЛАЗАМИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ: СТРАНОВОЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОДЫ

Географические приоритеты и сфера зарубежных интересов населения, властных структур и деловой элиты Дальнего Востока довольно ограничены. Помимо четырёх ближайших соседей по Азии (Япония, Китай, КНДР, Республика Корея) и США в сферу их реальных интересов (и понимания) попадают немногие государства, которые либо имеют определённый исторический и культурный ореол (страны Западной Европы), либо являются предметом коммерческих и туристических интересов (Турция, Таиланд), либо по каким-то причинам обрели притягательный и идеализированный образ (Австралия, Канада). Все остальные государства мира являются объектом внимания узкого круга лиц, имеющих какие-то коммерческие интересы или труднообъяснимые симпатии к той или иной точке на карте мира.

США

США — экономическая и военная сверхдержава, долгие годы бывшая врагом, соперником, антиподом советского строя, идеалом несогласных, несбывшейся надеждой «демократов» и уже только поэтому на протяжении последнего столетия занимавшая особое место в сознании россиян.

В рейтингах стран мира, составленных нами по итогам опросов 2008 и 2010 гг. (см. главу 3, *табл. 1*), США занимали только седьмую позицию, уступив всем упоминавшимся в списке европейским державам и опередив только азиатские государ-

ства (за исключением Японии). Однако за полтора десятилетия до этого расклад был иным. По итогам исследования 1995 г., проведённого на юге Дальнего Востока, 45% респондентов назвали Соединённые Штаты страной, вызывавшей у них наибольшие симпатии. Тогда по совокупности голосов, подсчитанных по четырём позициям, США набрали 162 балла и опередили занявших второе и третье места Австралию и Японию соответственно на 38 и 41 балл.

Однако уже в 1996 г. популярность США в России вообще и на Дальнем Востоке, в частности, начала стремительно падать. Провал экономических реформ в России, которые проводились по американским рецептам, расширение НАТО на восток, агрессивные действия Вашингтона в Югославии вызвали волну критики в адрес США в российских средствах массовой информации, и это не могло не сказаться на отношении россиян к Америке.

В 1997 г. доля жителей юга Дальнего Востока, у которых США вызывали наибольшие симпатии, снизилась до 33%, а в 2008 г., по сравнению с годом первоначального отсчёта — в 4 раза — до 11%. Если в 1995 г. 40% дальневосточников выразили желание посетить США в качестве туристов, то уже в 1997 г. этот показатель уменьшился до 24%, а к 2003 г. — до 13%, т.е. в 3 раза. В 2,5 раза снизилось за это время число желающих переехать в США на постоянное жительство (с 32 до 13%), в 1,7 раза — тех, кто хотел бы временно поработать в этой стране (с 45 до 27%). Ещё более низкие результаты были получены в ходе опросов 2008 и 2010 гг. (*рис. 1*).

Уже в 1995 г. выявились группы населения как активно ориентированные на США, так и не испытывавшие к ним особого интереса. Первые — молодёжь, особенно до 20 лет (59% из них назвали США самой симпатичной для них страной), студенты (54%), предприниматели (71%). Вторые — лица старших возрастов, у которых в крови неприятие «американского империализма», и пенсионеры. Среди 60-летних респондентов, симпатизирующих США, обнаружилось лишь 19%, среди пенсионеров — 23%. В дальнейшем эти возрастные предпочтения полностью сохранились (*рис. 2*).

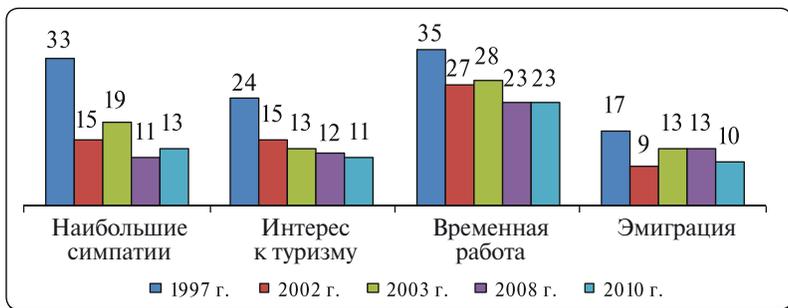

Рис. 1. Отношение к США (юг Дальнего Востока, % от числа опрошенных)

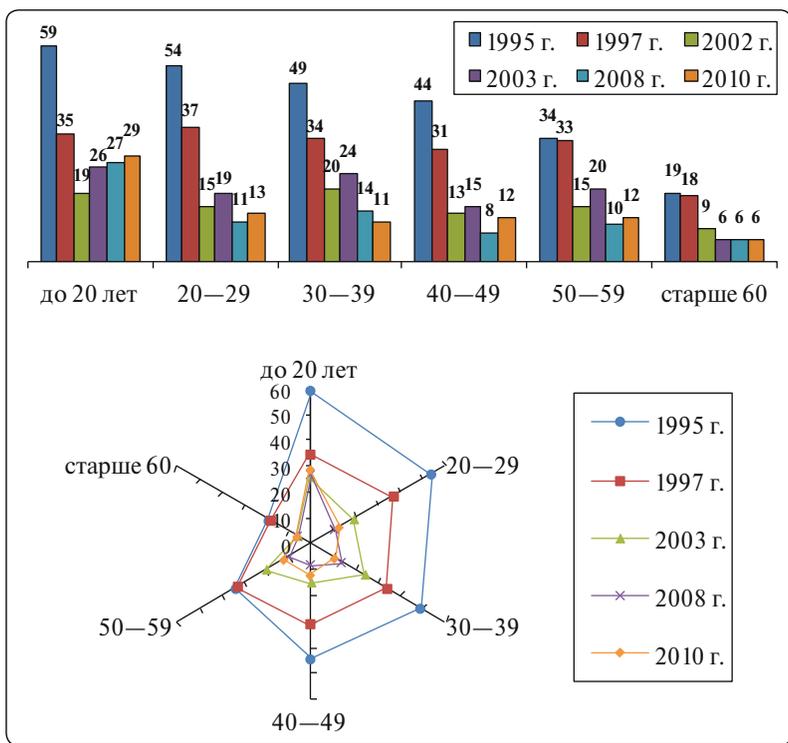

Рис. 2. Доля населения, выразившего наибольшие симпатии США: по году опроса (сверху) и по возрасту респондентов (снизу)

И сегодня наибольшей популярностью Америка пользуется среди молодёжи: в 2008 г. 27%, а в 2010 г. — 29% респондентов в возрасте до 20 лет назвали её самой привлекательной. Менее склонны признаваться в любви к США пожилые люди (по итогам обоих опросов — только 6% старше 60 лет), тогда как в остальных возрастных группах процент симпатизирующих колебался в диапазоне от 8 до 14%. По роду занятий респондентов более всего сторонников США было среди домохозяек (23% опрошенных лиц этой категории в 2008 г.) и студентов (17% в 2008 г. и 22% в 2010 г.), менее всего — среди представителей руководящего звена (6% в 2008 г. и 8% в 2010 г.) и пенсионеров (соответственно 8 и 3%).

Популярность США более всего связана с образом этой страны как развитой экономической и военной державы, а поэтому те или иные изменения во внешней и военной политике Соединённых Штатов в первую очередь сказывались на уровне их популярности. Опросы жителей Приморского края 2003 и 2006 годов чётко указывают на эти два фактора. Тогда 26—28% респондентов обосновывали свои симпатии к США их экономическими достижениями. Для 21 и 28% главным критерием стала американская военная мощь. История, культура, традиции страны интересовали очень немногих (рис. 3). США оказались единственной страной из списка передовых государств мира, симпатии к которой основывались на её военной мощи.

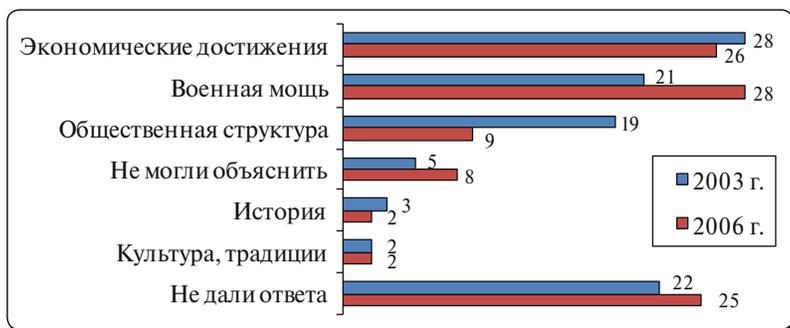

Рис. 3. Причины симпатий к США (Приморский край, % от числа опрошенных)

Уважение к американской экономике является главной причиной привлекательности США для дальневосточников: эту страну они видят и как объект применения своих рабочих рук. У самых молодых респондентов Америка выступает в качестве абсолютного приоритета при выборе места временного трудоустройства: в 2008 г. 42%, а в 2010 г. — 49% молодых людей до 20 лет и соответственно 44 и 46% студентов хотели бы приложить свои умения на Американском континенте. За Австралию, занявшую в этом «споре» второе место, проголосовали в 2008 г. соответственно 29 и 31% респондентов из этих категорий населения. Но уже среди респондентов в возрасте от 30 до 60 лет число желающих трудиться в США остановилось в 2008 г. на отметке 20%.

Та же картина и с желающими эмигрировать в Америку: среди молодых людей в возрасте до 20 лет их было в 4—5 раз больше, чем среди 60-летних (соответственно 25 и 6% в 2008 г., 15 и 3% в 2010 г.). Закономерно также, что среди студентов их в несколько раз больше, чем среди пенсионеров.

Анализ отношения жителей Дальнего Востока к временной работе и эмиграции в США на протяжении последних 15 лет (*табл. 1*) показывает, во-первых, преимущественный интерес молодого поколения к этим возможностям; во-вторых, заметное снижение этого интереса в первые годы нового века (что можно объяснить как общим падением привлекательности США в глазах россиян, так и последствиями событий 11 сентября 2001 г.); в-третьих, снижение в последнее десятилетие интереса к работе и эмиграции в США у респондентов с более высоким уровнем образования и повышение у тех, кто ограничился дипломом средней школы.

Один из потенциальных путей эмиграции — вступление в брак с американцем (или американкой). Выше мы уже отмечали, что к такому варианту развития событий дальневосточники относятся значительно терпимее, чем к браку с представителями азиатских цивилизаций. Более того, это отношение достаточно стабильно. Негативно воспринимают потенциальный брак своих родственников с гражданами США от 1/5 до 1/6 части респондентов, положительно — 1/4,

Таблица 1

**Интерес дальневосточников к временной работе и эмиграции в США
(% от числа опрошенных)**

Категории респондентов	Временная работа					Эмиграция				
	1995	1997	2003	2008	2010	1995	1997	2003	2008	2010
Возраст										
До 20 лет	56	50	35	42	49	45	19	22	25	15
20—29	50	35	30	29	21	40	21	16	15	15
30—39	53	36	31	19	24	40	20	14	13	12
40—49	46	35	23	19	16	30	15	14	15	6
50—59	33	28	28	20	23	16	11	9	9	5
Старше 60	20	24	15	14	11	13	9	4	6	3
Занятия										
Студенты	52	57	33	44	46	44	28	13	20	21
Рабочие	35	13	23	21	14	21	10	13	16	9
Интеллигенция	55	38	33	19	32	33	12	10	13	9
Служащие	52	38	22	19	15	37	19	10	11	9
Предприниматели	62	39	—	27	11	54	19	—	10	7
Военнослужащие	39	30	26	26	12	26	15	9	13	8
Пенсионеры	21	26	18	16	8	13	8	6	7	2
Домохозяйки	50	39	17	19	38	39	26	28	15	17
Образование										
Среднее	42	27	25	30	17	33	13	13	16	9
Среднее специальное	40	29	21	17	11	31	19	9	14	6
Высшее	50	41	30	23	25	33	17	12	11	10
Средние результаты	45	35	28	23	23	32	17	13	13	10

тогда как остальные считают выбор мужа/жены личным делом каждого (рис. 4).

Анализ восприятия таких браков в зависимости от возраста респондентов, проведённый по результатам анкетирования

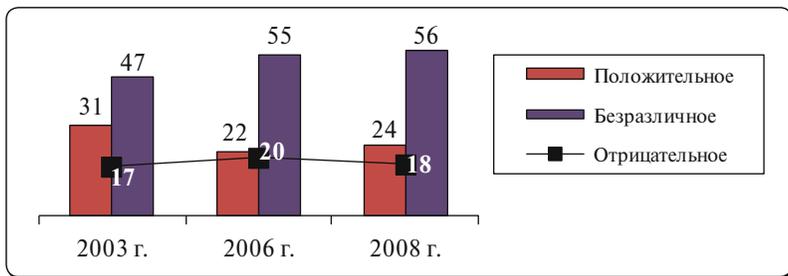

Рис. 4. Отношение к российско-американским бракам (2003, 2008 гг. — юг Дальнего Востока, 2006 г. — Приморский край, % от числа опрошенных)

2003 г., показывает, что самым положительным образом воспринимала возможность брака с гражданами США молодёжь в возрасте до 20 лет: ровно половина — позитивно, 30% — безразлично и только 15% — негативно (рис. 5). Лица в возрасте

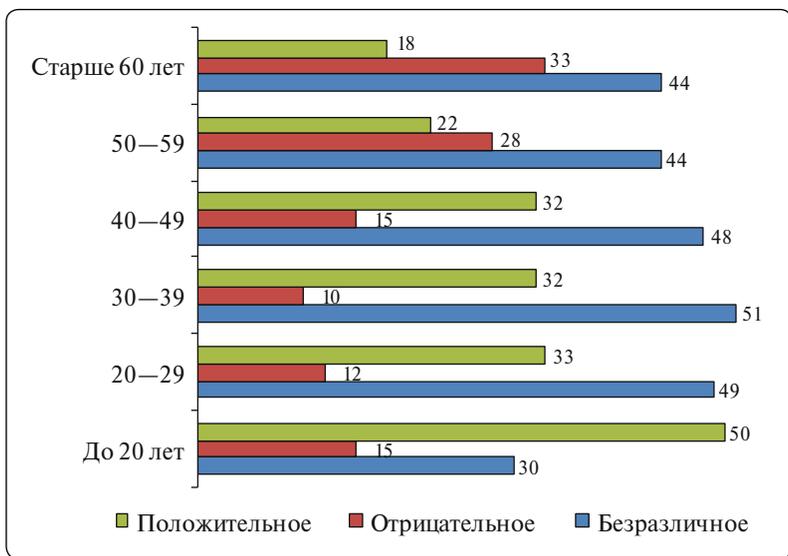

Рис. 5. Отношение к потенциальному браку родственников с американцами (юг Дальнего Востока, 2003 г., по возрасту респондентов, % от числа опрошенных).

после 60 лет относятся к таким бракам наиболее осторожно. Только 18% приветствовали бы такой брак, 33% были бы про- тив, безразлично — 44%.

Аналогичную картину мы наблюдали и в 2008 г., когда сре- ди респондентов старше 60 лет своё отрицательное отноше- ние к российско-американским бракам высказали те же 33%, что и в 2003 г. Ещё более консервативные взгляды у пенсионе- ров (36%) и военнослужащих (34%). Самый положительный настрой продемонстрировала молодёжь: браки с гражданами США приветствовали бы 36% молодых людей и 35% студен- тов. Это в 2 раза больше, чем среди 50-летних (18%) и лиц стар- ше 60 лет (15%).

В 1990-е годы военное присутствие США в Восточной Азии не рассматривалось дальневосточниками как фактор, серьёз- но угрожавший интересам России. Наличие американо-япон- ского договора безопасности признали препятствием на пу- ти экономического сотрудничества в СВА в 1994 г. только 5%, а в 1995 и 1997 гг. — 9% опрошенных дальневосточников; пре- бывание войск США в Японии и Южной Корее: в 1994 г. — 13%, в 1995 г. — 19%, а в 1997 г. — 23% респондентов. Опреде- лённая динамика, вызванная расширением НАТО на восток, заметна, но она ещё не была критической.

Силовая политика США на международной арене в конце 90-х гг. XX — начале XXI в. повлияла на взгляды жителей Даль- него Востока. В ходе опросов 2003 и 2008 гг. уже более трети респондентов расценивали *«стремление США к гегемонии»* как угрозу интересам России в Восточной Азии (35% в 2003 г. и 36% в 2008 г. на юге Дальнего Востока и 41% в 2009 г. во Владивосто- ке). На восприятии США сказывались также изменения в ха- рактере российско-американских отношений. Летом 2006 г. *«стремление США к гегемонии»* как угроза интересам России набрало в Приморье только 22%, и даже среди 50-летних рес- пондентов в неё верили 29%. Однако в 2008 г. среди молодёжи до 20 лет, наиболее расположенной к США, этот показатель составил 34%. Неудивительно, что самые жёсткие настроения проявили в этом вопросе сторонники КПРФ (51% из них со- гласны с *«американской угрозой»*), военнослужащие (43%)

и пенсионеры (42%). Менее всего были озабочены этим домохозяйки (19%), рабочие (29%) и «единооросы» (27%).

Прямо поставленный перед жителями Владивостока в 2009 г. вопрос о наличии или отсутствии угрозы безопасности России со стороны США, как уже отмечалось в главе 2, ярко высветил традиционную, десятилетиями воспитывавшуюся в СССР подозрительность в отношении главного его соперника и антипода на мировой арене: 38% респондентов были твёрдо уверены, что угроза существует, 31% — что она *«скорее существует»* и лишь 15% ответили на этот вопрос отрицательно. Одновременно выразили недоверие руководителям США 53% опрошенных, *«скорее не доверяют»* им 28% и только 7% готовы принимать на веру то, что говорится от имени Белого дома.

Объявленная президентом США Бараком Обамой «перезагрузка» в российско-американских отношениях моментально отразилась на отношении россиян к Америке, хотя и не смогла изменить его коренным образом. В 2010 г. убеждённых в существовании «американской угрозы» жителей Владивостока оказалось почти в два раза меньше, чем за год до этого: в том, что *«угроза существует»*, уверены только 17% опрошенных, что она *«скорее существует»* — 22%. Убеждённых в её отсутствии стало в 2,4 раза больше (36%). В то же время настроения на остальной территории Дальнего Востока более пессимистические: почти половина опрошенных в регионе респондентов (48%) выразила уверенность в существовании угрозы безопасности России со стороны США, не верит в её существование только каждый четвёртый (26%).

Любопытно, однако, что реальное состояние российско-американских отношений и представление о них дальневосточников не слишком совпадали. В оценках, особенно в начале нового века, явно преобладали положительные эмоции, хотя оценивались эти отношения с большей долей скептицизма, чем отношения с КНР или Японией.

В 2003 г. как *«хорошее»* состояние российско-американских отношений оценили 23% респондентов, как *«плохое»* — на 12% меньше (рис. 6). В благополучное развитие этих отно-

Рис. 6. Оценки состояния и перспектив российско-американских отношений (юг Дальнего Востока, % от числа опрошенных)

шений верили 32% опрошенных, мрачные прогнозы строили 11%. В 2008 г., ознаменованном заметным похолоданием отношений России с Западом, существенно возрос и скептицизм дальневосточников. Доля населения, признавшего российско-американские отношения «хорошими», снизилась на 6%, в то же время отметившего их как «плохие» увеличилась на 3%. Также на 6% сократилось число респондентов, оптимистично смотревших на перспективы двусторонних связей, тогда как пессимистов стало на 5% больше.

Наиболее пессимистично на состояние российско-американских отношений смотрели в 2008 г. предприниматели: 27% назвали их «плохими», сторонники КПРФ — 24% и респонденты старше 60 лет — 23%. Самыми большими оптимистами, как всегда, были молодёжь и студенты. Но и среди них соответственно 8 и 7% оценили состояние этих отношений как «плохое».

При оценке перспектив двусторонних отношений разброс негативных оценок между различными группами респондентов

колебался в пределах 5—6%. Максимальный разрыв обнаружился по гендерному признаку: среди мужчин «*плохими*» перспективы российско-американских отношений видели 23% опрошенных, тогда как среди женщин — только 9%. Столь глубокие расхождения во взглядах полов на различные проблемы, которые ставились перед респондентами в ходе исследования, удалось выявить ещё только по двум вопросам: о роли международного терроризма как угрозы интересам России (женщины боятся терроризма в два раза сильнее, чем мужчины) и уровню симпатий к Франции (об этом ниже).

Признание экономической значимости США в мире оказывало на респондентов и некое магическое воздействие. В частности, в 2003 г. почти половина (45%) опрошенных жителей Приморского края заявила о сильной зависимости социально-экономического положения края от США. В 2006 г. эта цифра уменьшилась почти вдвое, но составила, тем не менее, 24% от числа опрошенных. Между тем доля США во внешнеторговом обороте Приморья с 1998 г. неуклонно сокращалась и снизилась с 8% в 2001 г. до 5% в 2002 г. и 3% в 2006 г. Доля американских вложений не превышала 10% объёма всех накопленных в крае иностранных инвестиций¹.

Отгалкиваясь от идеи взаимозависимости, респонденты закономерно ставили США на четвёртое место среди приоритетных зарубежных направлений развития международных связей Приморского края (после Японии, Китая и Южной Кореи) в 2003 г. и на второе—четвёртое место (вместе с КНР и РК) в 2006 г. Однако, абстрагировавшись от этой мифической зависимости, дальневосточники подходили к необходимости развития отношений с США более прагматично. И поэтому в других вариантах ответов о приоритетных направлениях экономических связей, где уже фигурировали Сибирь и Европейская Россия и не упоминался фактор внешней зависимости, американское направление оказывалось во второй половине списка. В 2003 и 2008 гг. за него высказались 12—13% респондентов на юге Дальнего Востока. В 2010 г. (опять же благодаря «перезагрузке») цифра выросла до 18%. США представляются как более важный партнёр в сравнении с Западной Европой,

Австралией или КНДР, но не могут конкурировать ни с ближайшими соседями Дальнего Востока в Азии, ни с сибирскими и европейскими территориями самой России².

Самыми верными сторонниками развития отношений с США были представители молодёжи до 20 лет (20% в 2008 г. и 34% в 2010 г.), а также приверженцы ЛДПР (21% в 2008 г.). Наименьший процент дали по этому показателю домохозяйки, представители руководящего звена и «единоросы».

Симпатизирующие США, 2008 г.

В группу тех, кто назвал США страной, вызывающей у них наибольшие симпатии, по результатам опроса 2008 г. вошли 92 чел., или 11% общего числа респондентов. В ней больше женщин (54% от численности группы) и молодёжи (42% до 30 лет), тогда как в общей массе опрошенных респонденты этого возраста составляли 33%.

«Проамериканцы» выглядят как люди, заряженные большой долей оптимизма. Особенно это заметно по их оценкам современных российско-американских отношений и тем более их будущего. Почти каждый второй респондент из этой группы (48%) назвал перспективы отношений между Россией и США «хорошими» (средний балл по опросу — 26%). Благоприятно они оценивали и отношения России с Китаем (61% при средних 54%), Японией (60 при 50%) и Южной Кореей (48 при средних 43%).

Они в меньшей степени озабочены угрозами интересам России. Это касается не только «американской угрозы» (22% респондентов этой группы при 36% в среднем), но и неадекватной политики Москвы как угрозы Дальнему Востоку (40 при средних 47%), а также «роста мощи КНР» (34 против 37%). В то же время их немного больше тревожили спор с Японией из-за Курильских островов (24% при 21% в среднем) и обстановка на Корейском полуострове (10% при 6% в среднем).

Как и остальная масса респондентов, они ориентированы на первостепенное развитие отношений с Китаем (50%

отнесённых к этой группе) и Японией (47%), но в меньшей степени уверены в необходимости развивать связи с Сибирью (только 35% при средних по опросу 45%) и Европейской Россией (23% против 26% в среднем). За приоритет в развитии отношений с США высказались 23% представителей этой группы, в два раза больше, чем средний показатель, и столько же, сколько «проголосовало» за Южную Корею.

Интересно, что более трети (37%) представителей этой группы признали, что ощущали в себе чувства превосходства над китайцами (средний балл по опросу 28%), а четверо из десяти (40%) — отторжения к ним (средний — 29%). Немного категоричнее, чем другие респонденты, они относятся к японцам.

КАНАДА

Отношение дальневосточников к Канаде было значительно более ровным, чем к её соседу по континенту. Пожалуй, лишь интерес к туризму в эту страну сократился в начале нового века, а по остальным параметрам уровень популярности Канады был стабильным, в пределах 15—25% от числа респондентов (рис. 7).

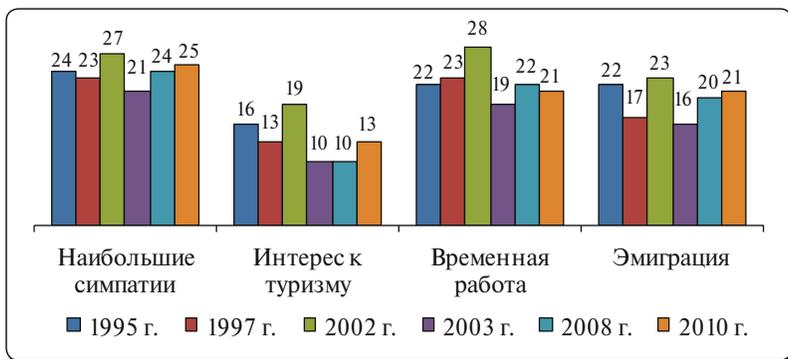

Рис. 7. Отношение к Канаде (юг Дальнего Востока, % от числа опрошенных)

Наибольшие симпатии к стране в 2008 г. испытывали лица в возрасте 30 до 39 и 50 до 59 лет (в пределах 30—31%), руководители (35%) и военнослужащие (32%). Более всего там хотели бы потрудиться военнослужащие (32% этой категории опрошенных). Они же — и на верхней ступеньке в перечне групп населения, настроенных на эмиграцию в Канаду (38%), тогда как среди пенсионеров такое желание выразили только 10%. По совокупности четырёх позиций оказывается, что наибольший интерес к Канаде проявили жители Биробиджана.

Заметно, что уровень общих симпатий к Канаде среди лиц с высшим образованием был в два раза выше, чем у тех, кто имел только среднее, и в полтора раза — у респондентов со средним специальным образованием (табл. 2). Также заметно, что в споре между двумя североамериканскими государствами за степень влияния на население Дальнего Востока США побеждают среди респондентов со средним образованием. Контингент с высшим образованием — однозначно за Канаду. С небольшим преимуществом Канада также лидирует и среди специалистов со средним специальным образованием.

Таблица 2

**Симпатии к США и Канаде (2008/2010 г.,
по уровню образования респондентов, % от числа опрошенных)**

Симпатии и их причины	Образование					
	среднее		среднее специальное		высшее	
	США	Канада	США	Канада	США	Канада
Наибольшие симпатии	15/18	18/17	12/11	19/17	9/10	31/33
Туризм	14/10	6/10	10/7	10/13	10/12	10/12
Временная работа	30/17	13/10	17/11	16/14	23/25	29/28
Эмиграция	16/9	11/10	14/6	15/15	11/10	26/29
Индекс популярности	75/54	48/47	53/33	60/59	53/57	96/102

АВСТРАЛИЯ

Рейтинг популярности этой столь далёкой, но от этого не менее привлекательной для дальневосточников страны был высоким всегда. В 1995 г., когда США ещё были в России на пике своей популярности, Зелёный континент оказался третьим в списке самых привлекательных для жителей юга Дальнего Востока России государств и мест трудовой деятельности и вторым после США в перечне наиболее желанных для проживания стран. В дальнейшем интерес к Австралии оставался неизменно высоким. В середине первого десятилетия XXI в. сильно выросли общий интерес к этой стране и желание эмигрировать в неё (*рис. 8*), и хотя результаты опроса 2010 г. вроде бы свидетельствуют об обращении этой тенденции вспять, Австралия по-прежнему остаётся одной из самых привлекательных и желанных для дальневосточников точек мира.

Детальный анализ отношения к Австралии по группам респондентов, проведённый по результатам исследования 2003 г., показал, что наибольшим авторитетом она пользовалась среди 20 и 40-летних респондентов, лиц с высшим и незаконченным высшим образованием, жителей Хабаровска и Благовещенска (*рис. 9*).

По результатам опроса 2008 г. самый высокий рейтинг страны оказался у 40-летних (48% от числа респондентов этой группы), военнослужащих (49%) и сторонников КПРФ (47%). Менее всего были расположены к Австралии молодые люди в возрасте до 20 лет, при том, что каждый третий в этой группе (33%) выразил ей особые симпатии, предприниматели (30%) и приверженцы ЛДПР. Другие государства этому «низкому рейтингу» могут только позавидовать. Кроме того, из тех респондентов, кто выразил свои симпатии Китаю, к Австралии аналогичным образом отнеслись только 22%, а симпатизирующих Японии среди них оказалось 39%.

В 2008 г. общий уровень симпатий к Австралии заметно вырос в Хабаровске и Биробиджане (до 51—53% от числа опрошенных жителей этих городов). В Благовещенске и Владивостоке он также подрос, но только до 32 и 38% соответственно.

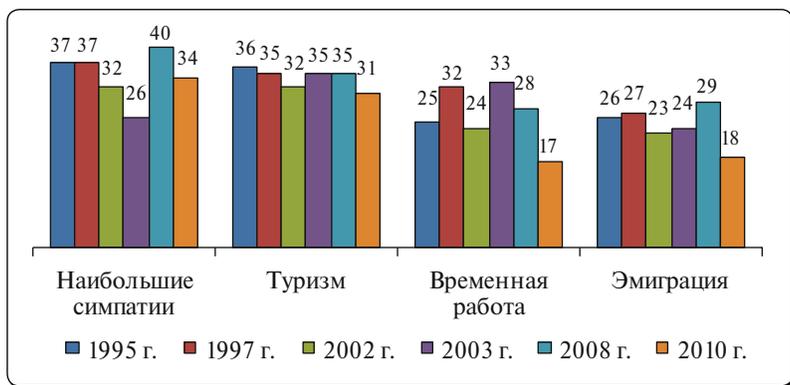

Рис. 8. Отношение к Австралии (юг Дальнего Востока, % от числа опрошенных)

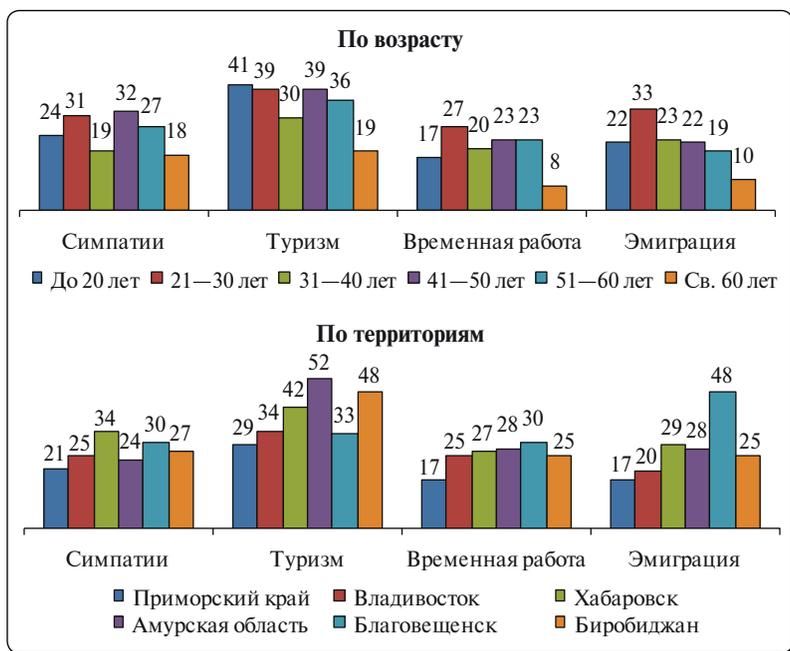

Рис. 9. Отношение к Австралии. 2003 г., юг Дальнего Востока, по возрасту (вверху), месту проживания (внизу) респондентов, % от числа опрошенных

Интерес к посещению Зелёного континента в качестве туристов выразили в 2008 г. 43% студентов и 42% жителей Хабаровска, что явилось самым высоким показателем по всем группам респондентов. Наименьший интерес проявили, как всегда, более инертные и менее обеспеченные пенсионеры (22%), а также жители г. Находки (только 15%).

О работе в Австралии более всего мечтали предприниматели (40%), в наименьшей степени, что опять же закономерно, респонденты старше 60 лет (20%), пенсионеры (22%) и домохозяйки (19%). Такой же расклад по группам населения обнаруживается и в отношении потенциальной эмиграции в этот район мира. Среди лиц с высшим образованием желающих переехать на жительство в Австралию было в два раза больше, чем со средним (35% против 18%), хотя у последних Австралия всё равно оставалась самой желанной для эмиграции страной мира.

Несмотря на высокий уровень привлекательности Австралии в глазах жителей российского Дальнего Востока, её географическая отдалённость и не понятный для большинства респондентов экономический потенциал³ оставались серьёзными барьерами на пути налаживания с ней отношений. Только небольшая часть респондентов (7% в Приморье в 2006 г., 9 и 8% по югу Дальнего Востока в 2003 и 2008 гг. и только 4% в 2010 г.) полагала целесообразным налаживать с ней экономические связи в первую очередь. Хотя принципиально важным развивать с ней отношения считали в 2003 г. 17%, а в 2006 г. — 23% приморцев.

Более всего ратовали за налаживание отношений с Австралией 50-летние жители Дальнего Востока (13% в 2008 г. и 8% в 2010 г.), представители интеллигенции и жители Владивостока (в 2008 г. соответственно 14 и 12%). А вот среди домохозяек ни одна не посчитала возможным упомянуть в целом симпатичную ей страну в ответе на данный вопрос. В Биробиджане высказавшихся за первостепенное развитие отношений с Австралией в ходе двух последних опросов оказалось только 2%, что, учитывая географическое положение территории и уровень её связей с Австралией, неудивительно.

Среди лиц с высшим образованием, выступающих за первостепенное развитие отношений с Австралией, оказалось в три раза больше, чем со средним (11% против 4%). Кроме того, почти каждый четвёртый (23%) из тех респондентов, кто посчитал необходимым развивать отношения в первую очередь с США, отметил в этой графе и Австралию.

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

Европа всегда занимала особое место в истории российской цивилизации. С одной стороны, как источник многих её культурных традиций, объект восхищения и поклонения; с другой — как враг, посягавший на территорию, суверенитет и независимость Российского государства. Для большинства дальневосточников Европа уже только в силу её отдалённости была явлением в значительной степени абстрактным. Её образ строился в их сознании и через представления об общей культурной традиции, и под воздействием современных информационных потоков, в значительной степени отражающих политические и экономические реалии современного мира.

В наших опросах Европа проходила в основном лишь фоном, призванным оттенить отношение дальневосточников к странам Восточной Азии. Поэтому составить на их основании какое-то целостное представление о взглядах жителей этого региона России на Европу в целом и отдельные её государства, в частности, невозможно. Однако некоторые «штрихи к портрету» нам вполне доступны.

Три страны в основном фигурировали в наших анкетах в течение последних 15 лет: Великобритания, Германия и Франция. Колебания в уровне общих симпатий к этим государствам, интереса к туризму, временной работе и эмиграции в эти страны отражены в *табл. 3*.

По уровню общих симпатий и особенно туристической привлекательности Франция в этой тройке являлась безусловным лидером. По уровню привлекательности для временной

Таблица 3

**Отношение к странам Западной Европы
(Дальний Восток, % от числа опрошенных)**

Симпатии и их причины	Год опроса	Велико-британия	Германия	Франция	Лидер по опросу
Общие симпатии	1995	23	19	36	США (45)
	1997	21	13	31	Япония (40)
	2002	16	13	21	Япония (36)
	2003	22	28	34	Япония (44)
	2008	25	25	32	Австралия (40)
	2010	17	26	31	Япония (40)
Туризм	1995	19	15	38	Япония (46)
	1997	11	7	38	Франция (38)
	2002	13	10	30	Австралия, Япония (32)
	2003	20	15	41	Франция (41)
	2008	22	17	42	Франция (42)
	2010	18	17	33	Япония (37)
Временная работа	1995	17	20	17	США (45)
	1997	12	9	11	США (35)
	2002	13	12	8	Канада (28)
	2003	12	21	13	США (28)
	2008	18	19	17	Австралия (28)
	2010	16	18	9	США (23)
Эмиграция	1995	15	13	19	США (32)
	1997	17	4	9	Австралия (25)
	2002	9	8	10	Австралия, Канада (23)
	2003	7	15	13	Австралия (24)
	2008	12	16	16	Австралия (29)
	2010	9	13	8	Канада (21)

работы бóльший интерес у дальневосточников вызывала Германия, хотя в 2008 г. позиции всех трёх стран в этом вопросе практически сравнялись. Эмиграционная привлекательность этих стран была в полтора—два раза ниже, чем у Австралии и Канады, причём интерес к Англии в последние годы несколько упал, а к Германии и Франции, напротив, возрос.

В целом же, если обратиться к уже использованной нами практике выявления «индекса привлекательности» стран на основе сложения результатов опросов по четырём позициям (общие симпатии, туризм, временная работа, иммиграция), то очевидно бесспорное лидерство Франции и почти равные позиции Англии и Германии (рис. 10).

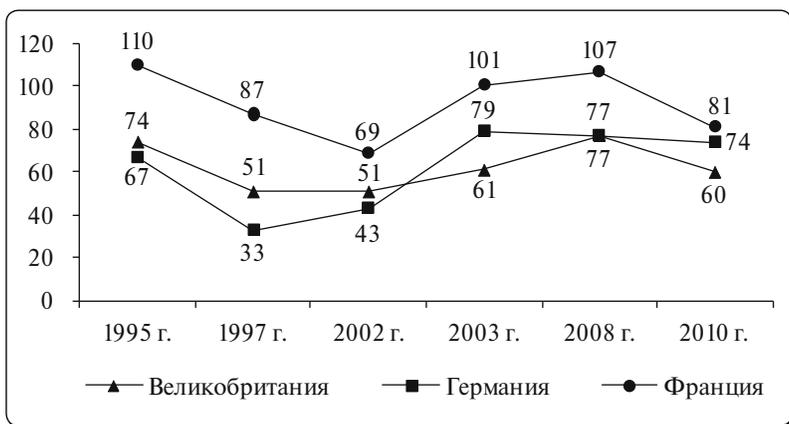

Рис. 10. Отношение к странам Западной Европы (юг Дальнего Востока, по четырём позициям, сумма процентов)

Ощущение культурного родства с Европой у жителей Дальнего Востока проявляется и в подходах к потенциальным межнациональным бракам с европейцами. Положительное отношение к таким бракам у них явно превалирует. Опросы 2003 и 2008 г. на юге Дальнего Востока и 2006 г. в Приморье дают очень похожую картину (табл. 4).

Если принять во внимание, что доля населения Дальнего Востока, готовая положительно воспринять брак своих

Таблица 4

Отношение к потенциальному браку родственников с жителями европейских государств (юг Дальнего Востока, % от числа опрошенных)

Год	Положительное	Отрицательное	Нейтральное
2003	36	14	44
2006	25	19	52
2008	27	13	55

родственников с гражданами США, также в последние годы сократилась (с 31% в 2003 г. до 24% в 2008 г.), можно предположить факт ослабления популярности в России идеи «выйти замуж за иностранца». Общее улучшение социально-экономического положения и стабилизация политической обстановки в России сказались и на этом.

В то же время осознание географической отдалённости и неразвитости экономических отношений с Европой привели к тому, что за первостепенное развитие экономических связей с европейскими государствами выступали в последние годы от 10 до 13% опрошенных дальневосточников.

ФРАНЦИЯ

Особое внимание, проявляемое на Дальнем Востоке к Франции, требует сделать акцент на отношении к этой стране.

Уровень симпатий жителей региона к Франции достаточно высок. При этом у «про-французского сообщества» преимущественно женское лицо. В ходе исследований 2003—2010 гг. симпатизировавших этой стране среди респондентов-женщин оказывалось на 10—18% больше, чем среди респондентов-мужчин (в 2003 г. — 39 и 29%; 2008 г. — 41 и 23%; в 2010 г. — 38 и 24%). В условно выделенной группе из 242 опрошенных, выразивших в 2010 г. наибольшие симпатии Франции, женщины составили 61%. Аналогичные пропорции наблюдались в отноше-

нии туристических поездок во Францию: в 2008 г. туда мечтали отправиться 50% женщин, но только 34% мужчин (в 2010 г. соответственно 40 и 26%). Хотя эмигрантские настроения обоих полов совпадали (15—16% респондентов были нацелены на Францию в 2008 г., 10 и 6% — в 2010 г.).

По возрасту уровень симпатий к этой стране колебался от 28 до 36% в 2008 г. и от 22 до 44% двумя годами позднее, при этом в группе её поклонников преобладала молодёжь до 30 лет (рис. 11). Самые большие поклонники Франции — студенты (вернее, студентки) и домохозяйки (по 42% в 2008 г.), а по городам — жители г. Артёма Приморского края в 2008 г. (46%) и г. Биробиджана (ЕАО) в 2010 г. (41%).

Как туристический объект Франция вызвала в 2008 г. наибольший интерес у жителей Биробиджана (55%), домохозяек (54%), 20-летних и служащих (по 52%). Во Владивостоке о турпоездке в Париж мечтали на 20% респондентов меньше, чем в столице Еврейской автономной области. Лиц с высшим образованием, желающих объехать Францию, было почти в два раза больше, чем с аттестатом средней школы (50% против 28%).

В 2010 г. это были опять же домохозяйки (46%), биробиджанцы (44%), служащие (40%), молодёжь до 20 лет (39%) и 40-летние (38%).

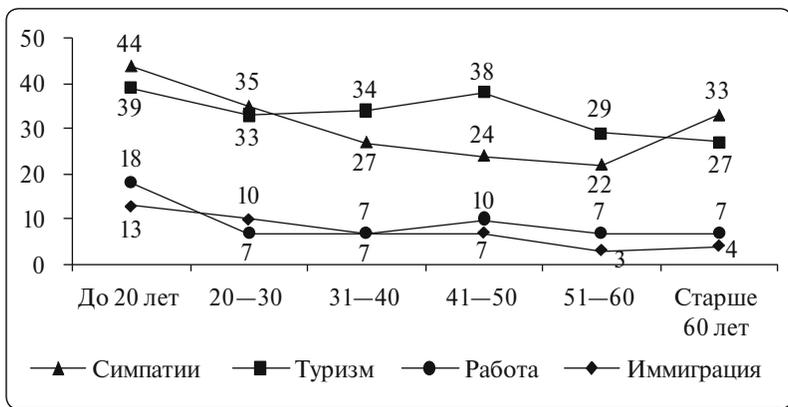

Рис. 11. Отношение к Франции (юг Дальнего Востока, по возрасту респондентов, % от числа опрошенных)

Мысль о временной работе во Франции не слишком популярна среди дальневосточников. Наибольшее число желающих обнаружилось в 2008 г. среди самых молодых и 30-летних (по 22%), студентов, домохозяек и предпринимателей (23—24%); в 2010 г. — среди молодёжи в возрасте до 20 лет (18%), руководителей и студентов (12 и 11%), но более всего — среди домохозяек (25%). Минимальное количество потенциальных эмигрантов во Францию закономерно находится среди лиц старшего возраста: 60-летних (6%) и пенсионеров (9%) в 2008 г., 50—60-летних и пенсионеров (3—4%) в 2010 г., а максимальное — среди предпринимателей (23% в 2008 г.) и домохозяек (25% в 2010 г.).

ИНДИЯ

Индия не фигурирует в сознании населения Дальнего Востока как важный экономический партнёр, однако привлекает внимание как государство с древней и занимательной культурой. Понимание этого факта дали опросы приморской политической и деловой элиты, проведённые в 1993 и 1996 гг. Во время первого из них ни один из руководителей экономических структур не упомянул Индию как страну, предпочтительную для развития связей в процессе экономической интеграции Приморья в АТР. В 1996 г. лишь один из 258 опрошенных представителей политической и деловой элиты края⁴ назвал Индию важным объектом внешнеполитических интересов Приморья.

В представлениях населения Индия выглядит аналогично. Летом 2006 г. только 3% опрошенных жителей Приморского края упомянули Индию среди государств, от которых зависит социально-экономическое положение их территории, а в списке стран, с которыми необходимо развивать экономические отношения, Индия разделила последнее место с Северной Кореей, набрав меньше голосов, чем Канада, Австралия и Вьетнам.

В стандартном перечне стран, предлагаемых респондентам на выбор, она стабильно оказывалась в последней тройке по

общему уровню симпатий, опережая только КНР и Северную Корею. Однако в 2003 г. Индия догнала, а через пять лет и перерегнала по этому показателю Южную Корею. Сказались, видимо, как возросший экономический и политический вес страны в мире, так и получившие определённый резонанс на Дальнем Востоке российско-индийские политические контакты⁵. Хотя дальнейшего развития, как показали результаты исследования 2010 г., эта тенденция не получила.

Среди разных категорий респондентов не обнаруживается большого разброса в уровне симпатий к Индии. Немного большей привлекательностью она пользуется у женщин, чем у мужчин (14% против 11% в 2008 г. и всего лишь 9% против 8% в 2010 г.), хотя, учитывая популярность индийских фильмов среди женской аудитории, можно было бы ожидать большего диапазона оценок. У респондентов разных возрастов уровень симпатий к Индии колебался от 11 до 15% в 2008 г. и от 6 до 12% в 2010 г. В группах по профессиональной принадлежности из стандартного ряда выпадали военные (только 4% из них отдали свои симпатии Индии в 2008 г. и 0% — в 2010 г.), видимо, в силу того, что среди них мало женщин. Не очень жаловали Индию сторонники ЛДПР (5% симпатий) и те, кто выразил свои симпатии США (4% лиц этой группы респондентов в 2008 г.).

В начале нового века значительно возросла туристическая привлекательность Индии (*рис. 12*), хотя очень немногие дальневосточники имели возможность побывать в ней.

Среди женщин-туристов Индия пользовалась большей популярностью, чем у мужчин (41% и 31% в 2008 г.; 35 и 28% в 2010 г.). В 2008 г. ею активнее всего интересовались 20-летние жители региона и студенты (по 41%), двумя годами позднее — интеллигенция (41%), студенты (36%) и самые молодые респонденты (39%). Самый низкий уровень интереса к Индии оказался в 2008 г. у молодёжи в возрасте до 20 лет (30%) и пенсионеров (29%), хотя этот уровень кажется высоким при сравнении с интересом дальневосточников к другим странам, за исключением Франции, Австралии и Японии. В малых городах Дальнего Востока (Находка, Артём, Биробиджан) интерес к туристическим поездкам в Индию в 2008 г. был на 11—16%

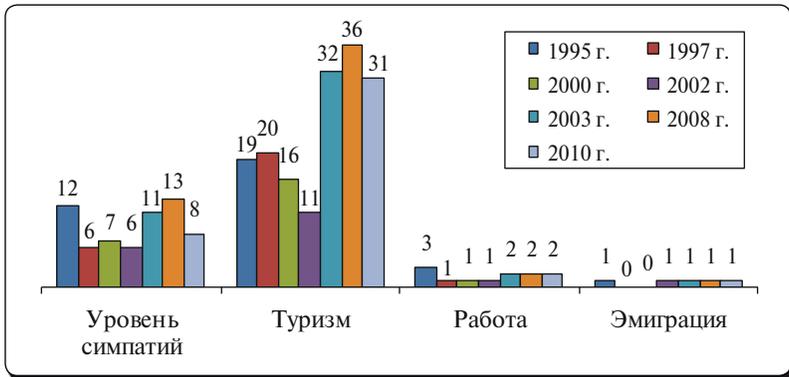

Рис. 12. Популярность Индии среди дальневосточников (% от числа опрошенных)

выше, чем во Владивостоке (44—49% против 33%), однако в 2010 г. по этому показателю лидировали Благовещенск (45%), Сахалин (43%) и Хабаровск (38%), тогда как интерес Владивостока даже несколько упал (до 29%).

В то же время Индия не вызывает интереса у дальневосточников как потенциальное место приложения своих трудовых способностей и возможной иммиграции. 1—2% опрошенных выражали желание временно поработать в этой стране и лишь единицы называли её территорией, куда бы они хотели переехать на постоянное место жительства.

* * *

Северная Америка, Западная Европа, Австралия, Индия — территории от российских земель географически далёкие, но по тем или иным причинам, в той или иной степени для жителей Дальнего Востока привлекательные.

Притягательность образов построена на разных фундаментах, создававшихся на протяжении целых поколений. Западная Европа — это цивилизационная общность, а Индия, напротив, культурная противоположность. Америка и Австралия — символы демократии и свободы, духа авантюристов и первопро-

ходцев, столь ценимого на восточных окраинах России, хотя США в представлениях дальневосточников — это ещё и бесцеремонный ковбой, который ведёт себя в мире также, как на собственном ранчо на диком Западе.

Образы не только меняются — тускнеют или расцветают под влиянием тех или иных событий, происходящих в мире, связанных с собственной страной или территорией. К примеру, кривая популярности Индии удивительным образом накладывается на волнообразную линию падения и роста экономического благополучия России. Образы ещё и конкурируют между собой. Снижение авторитета Соединённых Штатов и рост популярности Австралии и Франции — звенья одной цепи.

Ограниченный материал не позволяет нам делать более глубокие выводы. Ориентируя опросы на изучение отношения дальневосточников к странам-соседям, мы, естественно, не могли охватить весь спектр восприятия ими других центров мировой политики и культуры. В данной работе обозначены лишь общие контуры этого восприятия. Углублённый анализ — дело будущего.

---

¹ Внешнеэкономическая деятельность в Приморском крае. Владивосток: Госкомстат России, 2002. С. 7; Информация о внешнеэкономической деятельности Приморского края за 2006 год. Владивосток: Администрация Приморского края, 2007. С. 17, 22.

² При этом на США в 2010 г. пришлось только 2,3% стоимости внешнеторгового оборота Дальнего Востока (Обзор внешнеэкономической деятельности Дальневосточного региона за 2010 год // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2011. № 1. С. 21).

³ Объём торговли Дальнего Востока с Австралией составил в 2010 г. 93 млн. долл., что не превышает 0,4% внешнеторгового оборота региона.

⁴ В число опрошенных входили депутаты Приморской краевой думы, первые, вторые и третьи руководители, а также ответственные работники органов власти, государственных, частных, акционерных предприятий, банков, органов юстиции, учреждений культуры, научных институтов и вузов края.

⁵ В частности, трёхсторонняя встреча министров иностранных дел России, КНР и Индии во Владивостоке в июне 2005 г.

СРЕЗЫ СОЗНАНИЯ: ВОЗРАСТНЫЕ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ

В эту главу мы позволили себе включить несколько сюжетов, которые либо резюмируют описанные в предыдущих главах проблемы, либо дают представление о внешнем фоне, на котором формировались и развивались взгляды жителей Дальнего Востока на окружающий мир.

СТРАНЫ И НАРОДЫ-СОСЕДИ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ ПРИМОРЬЯ

В предшествующих главах уже не раз отмечались особые взгляды молодых людей на ряд проблем социально-экономического развития, политической жизни, международных отношений и безопасности дальневосточных территорий России. Иногда эти взгляды выглядят довольно радикальными, иногда просто отличаются от мнения представителей других поколений. Учитывая, что речь идёт о воззрениях той части населения страны, которой предстоит в ближайшем будущем определять векторы и характер развития России, обратимся к ним подробнее. В этом нам помогут результаты исследований последнего десятилетия.

Чтобы уточнить и пополнить наши представления о зарубежных пристрастиях и приоритетах молодёжи, весной—летом 2006 г. на территории Приморского края были проведены два специализированных опроса. В первом — «Китай глазами молодёжи»* — участвовали студенты вузов Владивостока,

---

* Об этом опросе см. в главе 4.

второй проводился летом того же года на территории края. Из 612 респондентов более половины (338 чел.) были в возрасте до 30 лет, а 78 из них ещё не исполнилось 20 лет; среди опрошенных — 156 студентов.

Результаты исследований, сопоставленные с ответами молодёжи и студентов Владивостока, Хабаровска, Благовещенска и Биробиджана, полученными в ходе опросов 2003—2010 гг., дают чёткие представления об их взглядах на внешний мир и окружающие Россию на востоке страны и народы.

Сразу бросается в глаза, что состояние внешней открытости для нынешнего поколения молодых дальневосточников, как и россиян в целом, является естественным. Соседние страны — Китай, Япония, КНДР и Республика Корея — располагаются для них многим ближе, чем столица собственной родины. Многие молодые люди, не имея возможности побывать в Москве, уже не раз ездили в Китай или Японию. Как свидетельствуют результаты опроса 2006 г., в Китае к тому времени смогли побывать каждые трое из пяти жителей Приморья в возрасте до 30 лет — 59% респондентов (*табл. 1*). И хотя Японию и Южную Корею дальневосточники, несмотря на географическую близость, посещают значительно реже, Японию, тем не менее, успели увидеть 14% молодых людей в возрасте до 20 лет и 19% — от 20 до 30 лет, а Южную Корею соответственно 7 и 12% от общего числа опрошенных лиц этих возрастов.

Высокая международная мобильность студентов проявляется и в том, что 39% из них посещали Китай два и более раз.

Таблица 1

**Посещение молодёжью Приморья стран-соседей
(лето 2006 г., % от числа опрошенных)**

Страна посещения	Категории респондентов		
	до 20 лет	20—30 лет	студенты
Китай	59	60	59
Япония	14	19	12
Республика Корея	7	12	10
КНДР	4	3	2

Множественно бывали в КНР 13% молодых людей в возрасте до 20 лет и каждый пятый (20%) из двадцатилетних. Этот факт — наглядное свидетельство расширения масштабов международного и межнационального общения в приграничных районах двух государств. Поэтому закономерно признание 85% респондентов того факта, что они ощущают соседство с Китаем, его повседневное присутствие. Однако важнейшая причина ощущения близости к Китаю — это всё же не возможность побывать в соседней стране, а присутствие китайцев на российской территории. Две трети опрошенных (65%) утверждали, что именно вследствие пребывания китайцев в Приморском крае они осознали, что Китай и Россия являются соседними государствами.

Присутствие иностранцев в городах и посёлках Приморского края, прежде всего граждан КНР, стало для молодёжи привычным. Только 3% респондентов сообщили, что им никогда не приходилось общаться с китайцами. С гражданами Японии никогда не сталкивались 43%, с зарубежными корейцами (из КНДР и РК) — 32% молодых людей.

Только один из 200 опрошенных весной 2006 г. студентов заявил, что ему не доводилось встречаться с китайцами. Для всех остальных граждан КНР на улицах Владивостока — обыденность. Три четверти (73%) регулярно пересекались с ними на улицах, 62% — на рынках, треть (33%) — в различных общественных местах (кинотеатрах, барах, ресторанах, музеях и др.). Каждый пятый из студентов (22%) сталкивался с ними в университете.

Широкие контакты с жителями Восточной Азии не подкрепляются, однако, соответствующими знаниями, необходимыми для того, чтобы лучше понимать и более эффективно взаимодействовать с соседями. Уровень знаний молодёжи о странах региона крайне низок. Узнавание известных исторических личностей Китая и Японии для многих является трудной задачей (*табл. 2*).

Если на основе только этих известных фамилий оценить общий уровень элементарных знаний, проявленных молодёжью, то применительно к Китаю он составляет около 20%,

Таблица 2

**Правильные ответы по определению статуса
и вида деятельности знаменитых китайцев и японцев
(лето 2006 г., % от числа респондентов, по группам)**

Персоналии	До 20 лет	20—30 лет	Студенты
Китай*			
Дэн Сяопин	21 (24)	23 (28)	28
Конфуций	67 (42)	61 (42)	72
Лу Синь	8 (0)	14 (8)	14
Ху Цзиньтао	6 (0)	10 (14)	10
Ци Байши	6 (4)	9 (2)	11
Цинь Шихуан	23 (10)	11 (14)	22
Япония**			
Хирохито	1 (17)	8 (32)	3 (30)
Куросава	24 (12)	27 (35)	29 (22)
Мураками	29	29	42
Накасонэ	5 (9)	5 (35)	4 (26)
Тодзио	5 (2)	10 (5)	6 (1)
Акихито	4	5	4

Примечание: в скобках — результаты опроса: * Приморский край, 2003 г.; ** 1995 г.

а к Японии — около 14%. Такой уровень знаний о странах-соседах по-своему закономерен. Во-первых, для 2/3 опрошенных основным источником таких сведений являются средства массовой информации, главным образом (для половины респондентов) телевидение (*рис. 1*), которые освещают жизнь соседних государств довольно скупо.

Во-вторых, интерес молодых людей к изучению стран Восточной Азии сам по себе не слишком велик. Если приобрести большой объем знаний об экзотичной Японии ещё выразили желание более половины опрошенных респондентов, то жажда к познанию Китая и стран Корейского полуострова у молодёжи значительно меньше: её продемонстрировал только один из четырёх-пяти опрошенных (*табл. 3*).

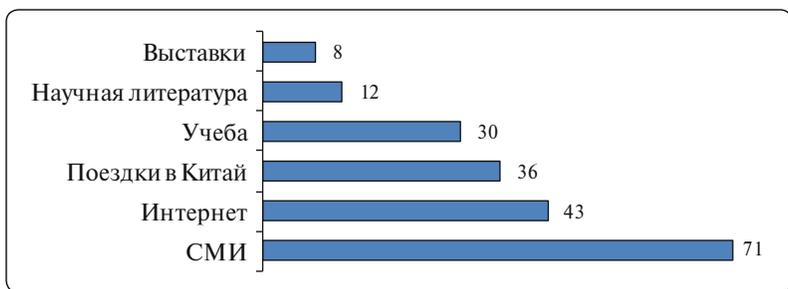

Рис. 1. Источники знаний о Китае у студентов Владивостока (весна 2006 г., % от числа опрошенных)

Таблица 3

**Желающие знать больше о странах Восточной Азии
(лето 2006 г., % от числа опрошенных)**

Страна	Категории респондентов		
	до 20 лет	20—30 лет	студенты
Япония	60	55	58
КНР	22	19	22
Южная Корея	23	26	26
Северная Корея	18	17	18

Восточная экзотика и экономический прагматизм диктуют выбор основных областей жизни зарубежных государств, с которыми молодые люди хотели бы познакомиться поближе. Применительно к Японии таковыми являются культура и экономика. Что касается Китая, то в практически равной, хотя и не большой степени, молодёжь интересуют культура, политика и экономика страны (рис. 2).

Желание больше знать о соседних странах проявилось и в ответе респондентов на вопрос «Как бы Вы отнеслись к введению изучения восточных языков в качестве обязательной дисциплины в учебных заведениях Приморского края?» Более половины молодых людей в возрасте до 20 лет поддержали бы это начинание. Наибольший энтузиазм вызывала возможность изучать японский язык (рис. 3).

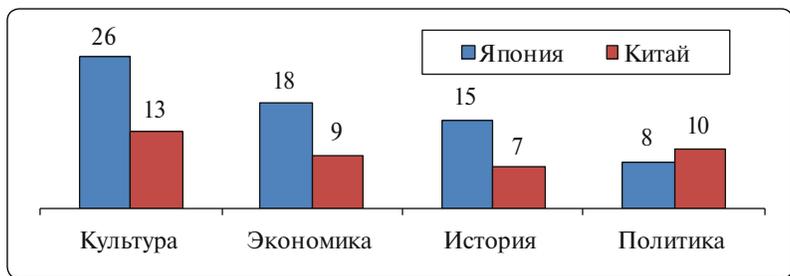

Рис. 2. Наиболее привлекательные для молодёжи сферы жизни Японии и Китая (лето 2006 г., % от общего числа опрошенных)

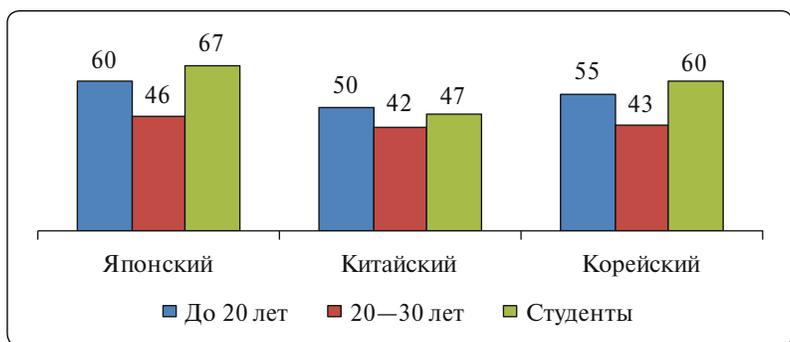

Рис. 3. Позитивное отношение молодёжи к возможному обязательному преподаванию восточных языков в учебных заведениях (Приморский край, лето 2006 г., % от числа опрошенных)

Анализ ответов молодых респондентов на серию вопросов, связанных с глубиной понимания и адекватностью восприятия соседних культур, ещё раз подтверждает существование парадоксальных и противоречивых тенденций в сознании дальневосточников: наибольший интерес среди стран Восточной Азии у них вызывает Япония, однако уровень знания и понимания Китая заметно выше.

Вместе с тем, будучи жителями Азии, молодые жители Приморья считают себя носителями европейской культуры, осознают своё глубокое культурное отличие от жителей соседних государств. Контрольными вопросами для оценки этого

фактора у нас всегда были и остаются предпочтения и симпатии респондентов в отношении стран мира (табл. 4), а также их отношение к потенциальным бракам своих родственников с иностранцами (рис. 4). В обоих случаях цивилизационное родство с Западом имеет для молодёжи определяющее значение. Лишь Япония способна в какой-то степени конкурировать с Австралией и странами Западной Европы, но только не как место потенциальной иммиграции.

В то же время в последние несколько лет среди молодёжи также проявляется отмеченный нами ранее (глава 3) рост интереса дальневосточников к странам Восточной Азии (за исключением КНДР).

Противоречиво отношение к Америке: симпатии к США как к государству выказывают немногие (16—17% опрошенных), США находятся на последних местах в списке туристических приоритетов, но Америка по-прежнему остаётся «страной обетованной» для многих из тех, кто ищет счастье вдали от своей родины. Американцы также представляются желательными партнёрами для супружеской жизни: положительно к браку своих родственников с гражданами США отнеслись бы 22% опрошенных, тогда как отрицательно — 18%. В то же вре-

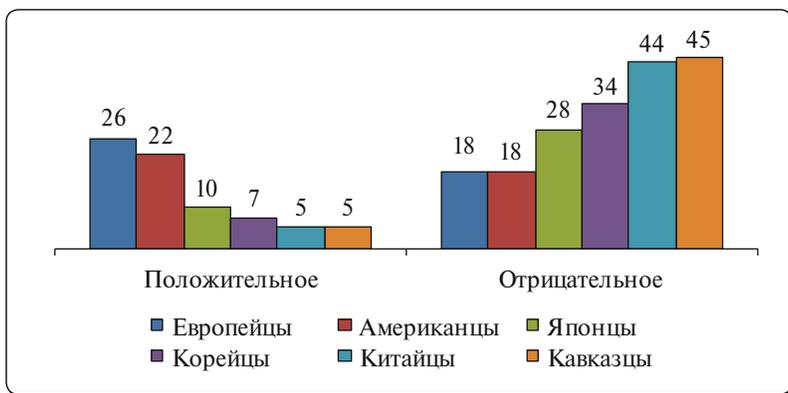

Рис. 4. Отношение молодёжи к возможному браку своих родственников с представителями различных рас и культур (июль 2006 г., Приморский край, % от числа опрошенных)

Таблица 4

**Страны, вызывающие наибольшие симпатии у молодёжи до 30 лет
(2006 г., Приморский край / 2010 г., Дальний Восток;
% от числа опрошенных)**

Страна	Симпатии	Постоянное жительство	Туризм
Австралия	38/31	24/19	35/37
Канада	31/27	22/19	27/14
Франция	30/37	18/11	27/35
Германия	27/29	25/16	17/20
Япония	24/42	14/9	31/35
США	16/17	20/15	10/13
Республика Корея	10/16	7/7	15/16
КНР	6/15	2/4	12/23
КНДР	10/3	7/1	12/7

мя позитивно воспринимают браки с японцами почти в три раза меньше респондентов (10%), чем негативно (28%).

Вне зависимости от своих проевропейских симпатий молодёжь всё же считает, что главными партнёрами Дальнего Востока в развитии отношений должны быть страны-соседи. Очевидные приоритеты не просматриваются, они легко, особенно у самых молодых, меняются в зависимости от обстоятельств и места проживания респондентов, хотя обойма лидеров, как показывает сопоставление данных 2003—2010 гг., особенно не меняется (табл. 5). Заметная тенденция — возрастание понимания молодёжью и студентами значимости Китая для своих территорий и рост рейтинга США у самых молодых. Последнее, как уже отмечалось, легко объяснимо «перезагрузкой» политики Вашингтона в отношении России.

Любопытно, как жители края объясняют причины своих симпатий к тому или иному государству мира. К Китаю молодёжь влечет его культура, традиции, богатая история. Япония более всего привлекает своими экономическими достижениями, а потом уже культурой и традициями. Но каждый четвёртый опрошенный в возрасте до 20 лет признался, что

Таблица 5

**Приоритетные страны для развития отношений
(2003/2008/2010 гг., Дальний Восток, % от числа опрошенных)**

Страна	Группы респондентов		
	до 20 лет	20—30 лет	студенты
КНР	26/42/46	34/48/52	29/48/46
Япония	63/45/60	53/49/55	58/47/57
Республика Корея	26/27/20	26/19/25	21/21/9
КНДР	—/14/5	—/11/6	—/13/7
США	28/20/34	14/10/18	19/15/31
Австралия	15/6/5	8/8/4	19/8/7
Западная Европа	20/8/15	14/13/15	21/14/13
Индия	—/—/7	—/—/5	—/—/4

Примечание: — страна в перечне отсутствовала.

причину своего восхищения Японией он объяснить не может. У США два бесспорных приоритета: экономика и военная мощь. А к обеим Кореям притягивают в большей степени «необъяснимые симпатии», а также интерес к культуре и традициям Корейского полуострова (табл. 6).

Интересно также, насколько молодые жители Приморья уверены в будущем своего края. Ответы на вопрос «Откуда исходят главные угрозы России и её дальневосточным территориям»

Таблица 6

**Основные причины симпатий молодёжи к странам АТР
(Приморский край, июль 2006 г., % от числа опрошенных)**

Причины симпатий	Страны				
	Япония	КНР	США	РК	КНДР
Экономические достижения	32	18	26	12	4
Военная мощь	4	4	28	4	1
История	13	17	2	8	4
Культура, традиции	28	21	2	11	12
Необъяснимые	13	10	8	14	21

ям?» показывают, что приморцы по-прежнему видят одну из главных угроз своему будущему в неправильной политике Москвы (табл. 7). У молодёжи эта проблема — на первом месте. Каждый третий опрошенный думает именно так.

Вопрос о наличии или отсутствии исходящих от соседей угроз в немалой степени происходит от взглядов населения на состояние и перспективы отношений с соседями (рис. 5).

Отметим, что наиболее позитивно в 2006 г. оценивались отношения с Китаем. При этом молодые люди до 20 лет были наиболее оптимистичны: 59% этой группы назвали российско-китайские отношения «хорошими», а 8% — «очень хорошими» (в сумме 67%). Перспективы отношений России с Японией и Китаем виделись приблизительно одинаково. Меньше оптимизма молодёжь проявляла в оценке отношений с США: «хорошими» и «очень хорошими» их посчитали чуть больше трети (37%) опрошенных. А вот отношения с КНДР для значительной части остаются загадкой: 54% опрошенных уклонились от ответа.

Таблица 7

**Угрозы интересам России и её дальневосточным территориям
в представлении жителей Приморья
(июль 2006 г., % от числа опрошенных)**

Угрозы	Группы респондентов			
	все респонденты	до 20 лет	20—30 лет	студенты
Неправильная политика Москвы	30	33	33	32
Стремление США к гегемонии	22	18	20	19
Спор с Японией из-за Курильских островов	22	22	23	20
Конфликт на Корейском полуострове	17	21	16	17
Политика КНР	19	12	17	15
Нет угроз	2	Нет данных	3	4
Затруднились с ответом	17	15	20	13

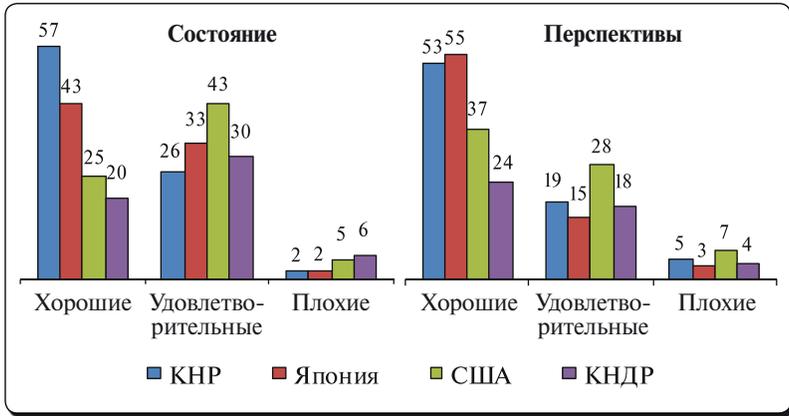

Рис. 5. Оценка молодёжью нынешних и будущих отношений России со странами АТР (Приморский край, 2006 г., % от числа опрошенных)

Итак, взгляды молодёжи на своих соседей кажутся вполне очевидными. Но что представляет собой сама эта молодёжь, о чем она думает, каковы её ценности, предпочтения, идеалы? Ведь именно ей предстоит в скором будущем строить и развивать отношения с зарубежными государствами, которые существуют сегодня. Или формировать новые. Этой проблеме было посвящено наше специальное исследование.

ЦЕННОСТИ И ИНТЕРЕСЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ ВЛАДИВОСТОКА

Весной—летом 2007 г. лаборатория изучения общественного мнения Института истории при участии студентов факультета социологии ДВГУ провела опрос 363 студентов гуманитарных и естественно-научных специальностей ДВГУ, ДВГТУ, ВГУЭС, Морского государственного университета на тему «Ценности и интересы современной молодёжи»¹. В определённой степени у наших студентов «женское лицо»: почти две трети опрошенных (63%) — девушки, юношей только 36% (1% свой пол не указали).

Важно отметить, что вопросы для анкеты предлагали, отбирали и формулировали сами студенты — социологи 4-го курса. Они определяли, что их прежде всего тревожит, о чем они думают и мечтают, что считают приоритетами.

В первом вопросе анкеты «*Что для Вас составляет наибольшую ценность в жизни?*» (рис. 6) в качестве подсказки предлагались 15 вариантов ответа, допускался также инициативный ответ.

На первом месте у владивостокских студентов оказалась семья: три из каждых четырёх респондентов упомянули её как наибольшую ценность в жизни. Занимающее вторую позицию «здоровье» сильно отстаёт: особо важным оно является для 40% опрошенных. Далее близко друг к другу идут любовь, карьера и друзья. Такие ценности, как путешествия, увлечения и тем более политика, важны для очень небольшого круга студентов.

Одна из главных проблем, которая извечно волнует человечество и особенно молодёжь, — любовь. Предполагая, что для многих студентов это одна из главных ценностей жизни, мы не могли не поставить извечный вопрос на эту тему в том

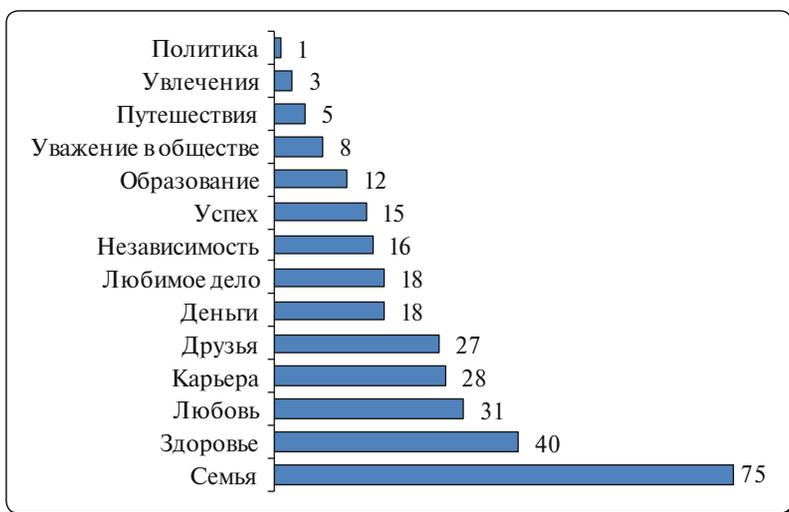

Рис. 6. Ценностные ориентиры студентов Владивостока (2007 г., не более 3 ответов, % от числа опрошенных)

виде, как сформулировали его сами студенты: «*Верите ли Вы в любовь?*». Оказалось, что верят 75% опрошенных студентов, скептиков только 7%, затруднились с ответом 18%. Заметим, что в любовь верят почти столько же процентов опрошенных, сколько считают главной ценностью своей жизни семью.

Более того, на вопрос «*Что Вы считаете необходимым для создания собственной семьи?*» те же 75% ответили: «*Любовь!*»! Другие условия — *стабильный доход* (47% опрошенных), *собственное жильё* (35%), *постоянная работа с перспективой* (29%) важны, но значительно в меньшей степени. *Образование* (4%) и *согласие родителей* (2%) в число важных условий для заключения брака у студентов не входят.

37% из верящих в любовь также заявили, что в их жизни она *самое важное*. У каждого четвёртого из этой группы респондентов (23%) любовь занимает *не столь важное, но и не столь незначительное* место в их жизни, и лишь у 1% опрошенных — *самое незначительное*. Остальные либо затруднились с ответом, либо признались, что ещё не испытывали такого чувства, как любовь.

В то же время помимо любви студентов серьёзно волнуют социальные, экономические и иные проблемы, с которыми им приходится сталкиваться в повседневной жизни. Об этом свидетельствуют ответы на вопросы: «*Какие из перечисленных явлений кажутся Вам совершенно неприемлемыми?*» и «*Какие социальные и политические проблемы волнуют Вас в наибольшей степени?*» (рис. 7). На первое место из предложенного перечня негативных явлений российской действительности студенты поставили *воровство*, на второе—третье — *пьянство* и *ложь*, на четвёртое — *нравственные пороки*. Озабочены студенты более всего *высокой стоимостью жизни*, столь же серьёзно их волнует распространение *наркомании*, затем — *безработица*, *дороговизна образования* и *коррупция*. Очевидно, что молодёжь Владивостока действительно волнуют серьёзные проблемы, она задумывается о будущем и не принимает пороки современно-го российского общества, упомянутые выше.

Возможно, большой перечень существующих проблем не позволяет молодым людям быть оптимистами. Опрос по-

Рис. 7. Проблемы и явления, волнующие молодёжь Владивостока (2007 г., не более 3 ответов, % от числа опрошенных)

казал, что только 37% опрошенных студентов чувствуют уверенность в будущем. Нет такой уверенности у каждого пятого (20%), 42% затруднились с ответом.

Переключая респондентов на позитивное восприятие окружающего мира, студентам был задан вопрос об источниках их положительных эмоций и что доставляет им наибольшую радость в жизни. Были предложены 13 вариантов ответов, отобранных студентами-составителями анкеты, из которых можно было выбрать три (рис. 8).

Первое-второе места поделили *встречи с друзьями* и *получение хороших денег*, на третьей позиции — *путешествия*, на четвёртой — *времяпрепровождение с семьёй*. *Учёба, узнавание нового*, как и *интересная книга*, радуют, увы, немногих: за них проголосовали соответственно 19 и 9%.

Интересны критерии, по которым молодёжь выбирает друзей. Студенты разошлись во мнении о том, сколько у человека может быть друзей. Наибольший процент (35%) тех, кто затруднился в выборе ответа, тогда как за трёх и более друзей высказались 31% опрошенных, за двух — 15%, за одного — 19%. А вот главные качества настоящего друга для

Рис. 8. Ответ на вопрос «Что вызывает положительные эмоции, доставляет наибольшую радость в жизни?» (студенты Владивостока, 2007 г., не более трёх ответов, % от числа опрошенных)

студентов очевидны (рис. 9). В лидерах — *доверие, общие интересы и взаимное уважение.*

Частое упоминание семьи среди приоритетов молодёжи вызвало закономерный интерес к взаимоотношениям в этой семье, отношениям молодёжи с родителями, современной постановке и решению извечной проблемы отцов и детей. 58%

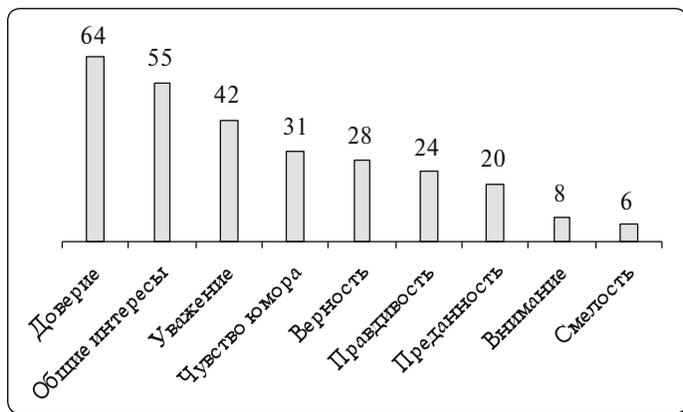

Рис. 9. Критерии выбора друзей (студенты Владивостока, 2007, не более трёх ответов, % от числа опрошенных)

опрошенных студентов признались в своей готовности делиться секретами с родителями; каждый третий (33%) — раскрывать свои секреты не станет; 15% отметили, что не находят общего языка с родителями, а 3% — что в случае ссоры просто уходят из дома.

Ровно столько же студентов (58%) также сказали, что в случае возникновения у них каких-либо сложностей они обращаются за помощью к родителям, чуть меньшая доля (55%) — к друзьям, почти половина (48%) справляются с проблемами сами. И только каждый пятидесятый (2%) готов обратиться в центр психологической помощи.

Очевидно, что среди ценностей владивостокских студентов семья занимает одно из главных мест. Но с кем хотели бы студенты связать себя семейными узами и как они в условиях очень активных сегодня международных контактов смотрят на межэтнические браки? Оказалось, что для 60% студентов национальность при создании семьи не имеет значение; 22% относятся к таким бракам положительно, и лишь 16% — отрицательно. Но при этом 80% опрошенных хотели бы связать свою жизнь с русскими, 16% — с европейцами, 9 — с американцами. Представители восточных цивилизаций набрали в общей сложности 6% голосов (3% — японцы, 2% — корейцы и 1% — китайцы). Очевидно, что понимание большой разницы культур сказывается на предполагаемом выборе партнёра для брака.

Не менее важный параметр оценки качества молодёжи — выбор ею средств для достижения успеха в жизни. На первом месте среди приоритетов у молодых жителей Владивостока оказалось *умение ладить с людьми* (рис. 10). На втором—третьем — *знание, квалификация* и *упорная работа*. Наличие *таланта* упомянули 13%, а *умение подчиняться* — только 1% опрошенных студентов.

В целом студенческая молодёжь России, если экстраполировать полученные во Владивостоке ответы на всю молодёжь, кажется нам более интересной, ответственной и привлекательной, чем обычно изображают её средства массовой информации.

Рис. 10. Качества, необходимые для достижения успеха в жизни (студенты Владивостока, 2007 г., не более трёх ответов, % от числа опрошенных)

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗВИТИЯ ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ: МОЛОДЁЖНЫЙ РАКУРС ВОСПРИЯТИЯ (ОПРОС 2010 г.)

В ходе опроса 2010 г. в объектив исследования попали 305 молодых людей и девушек в возрасте до 30 лет. Незначительное преобладание среди респондентов представительниц прекрасного пола (54%) может оказывать некоторое, но не принципиальное влияние на общий результат исследования. Треть опрошенных (107 чел.) — студенты, чуть больше половины из которых (54%) ещё не исполнилось 20 лет, девушек среди студентов 58%.

Самые молодые среди наших респондентов (до 20 лет) и студенты в большей степени, чем люди старшего возраста, уверены в принадлежности России к клубу азиатско-тихооке-

анских держав (соответственно, 62 и 61% из этих групп респондентов). Но уже среди 20-летних оптимистов на 15% меньше, а пессимистов — на 17% больше, чем среди самых молодых.

Особенность взгляда юных проявляется в том, что только 38% из них согласны с существованием угрозы потери Россией Дальнего Востока, тогда как среди представителей следующей возрастной группы таких уже 61% (средняя цифра по опросу — 57%). Студенты, где присутствуют представители обеих возрастных групп, уже не столь оптимистичны: верят в угрозу 45%, не верят — 36%.

Соответственно уровень оценки источников угроз у молодёжи ниже, чем в других возрастных группах населения, хотя ранжированы они в том же порядке (*«сокращение числа россиян и рост зарубежной миграции»*, *«политика пограничных государств»*, *«безразличие Москвы»*). В то же время последний фактор отметил лишь каждый пятый (20%) из самых юных респондентов, практически уравнивая его с *«ослаблением экономических связей с Сибирью и европейскими районами России»*. Среди студентов его выделили 25% опрошенных, среди 20-летних уже 34%.

Это пока ещё не рассеявшееся доверие к верхам у самых молодых и студентов обнаруживается также в ответах на вопрос о способности власти улучшить социально-экономическое положение региона. Питают доверие к власти 38% самых молодых и 35% студентов, тогда как среди 20-летних таковых остаётся только 22%, а в общей массе опрошенных ещё на 1% меньше. В благие намерения руководства страны, реализующего программу развития Дальнего Востока, молодые и студенты верят в большей степени, чем даже 20-летние. Соответственно 28 и 25% из них уверены, что целью руководства является *«превращение территории в высокоразвитый регион»*, тогда как среди 20-летних убеждены в этом только 16% респондентов.

Правда, это обстоятельство никак не влияет на чувство патриотизма. Остаться в своём крае собирается лишь каждый третий (34% юных и 32% студентов), а выехать за рубеж хотели бы 30% первых и 33% вторых. Среди 20-летних респондентов потенциальных иммигрантов обнаруживается более всего — 38%.

В линейке приоритетных для сотрудничества территорий у самых молодых, бесспорно, доминирует Япония (60%). Китаем (46%), США (34%) и европейские районы России (34%) заметно отстают. Выбор студентов аналогичен, только европейские районы России кажутся им почти столь же важными (42%), как и Китай (46%), а США стоят почти вровень с сибирскими и дальневосточными территориями России (31 и 28% соответственно).

По мнению самых молодых и студентов, главные угрозы безопасности России проистекают не от Китая, как это полагают представители других групп населения, а от США (60—61% респондентов из этих групп) и Японии (49—53%), тогда как среди 20-летних видят угрозу в Китае более двух третей (68%) опрошенных. Тем не менее, поскольку эмоциональный фактор в выборе молодёжи играет особенно большую роль, необходим какой-то нейтральный критерий для более объективной оценки её взглядов. Попытка соотнесения уровня симпатий респондентов к странам Северо-Восточной Азии и оценки ими степени представляемых этими государствами угроз для России позволила выработать критерий, названный нами «коэффициентом доверия» (табл. 8).

Этот критерий показывает что, во-первых, линейка приоритетов у всех представленных в таблице групп респондентов совпадает; во-вторых, повышенный коэффициент доверия

Таблица 8

Коэффициент доверия: соотношение симпатий респондентов и оценок ими угроз безопасности России со стороны государств СВА (Дальний Восток, 2010 г., % от числа опрошенных; симпатии: угрозы)

Страна	Группы респондентов			
	все респонденты	до 20 лет	20—30 лет	студенты
Япония	40:40=1	46:49=0,94	41:43=0,95	35:53=0,66
Республика Корея	15:16=0,94	15:19=0,79	16:20=0,8	13:21=0,62
США	13:48=0,27	29:60=0,48	13:52=0,25	22:61=0,36
КНР	16:64=0,25	11:45=0,24	16:68=0,24	13:48=0,27
КНДР	2:27=0,07	0:29=0	4:31=0,13	3:30=0,1

имеют Япония и Южная Корея, хотя студенты демонстрируют более высокий уровень скептицизма в отношении этих государств; в-третьих, США пользуются наивысшим уровнем доверия у самых молодых и повышенным — у студентов, но стоят вровень с Китаем в представлении других групп населения; в-четвёртых, применительно к КНР и КНДР коэффициент почти одинаков у всех респондентов.

Тем не менее, несмотря на свою очевидную ориентацию на Японию, только 2% из самых молодых респондентов и 1% студентов согласны на передачу ей Курильских островов, но только одного или двух (Шикотан и Хабомаи). Все четыре отдавать не хочет никто.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СРЕЗ

Анализ уровня симпатий населения Дальнего Востока к странам мира, исходя из уровня образования респондентов (табл. 9), даёт любопытную картину.

Во-первых, лица с высшим образованием щедрее на симпатии к зарубежным государствам, хотя в 2010 г. щедрости у них поубавилось. В 2008 г. общая сумма процентов отданных ими голосов за те или иные страны мира была в 1,25 раза больше, чем у респондентов со средним специальным и в 1,38 раза больше, чем со средним образованием; в 2010 г. — в 1,24 раза больше, чем у двух последних групп.

Во-вторых, только три страны получили у респондентов со средним образованием существенно больше голосов, чем у тех, кто имеет высшее: Южная Корея — в 2008 и 2010 гг., США — в 2008 г. и КНР — в 2010 г.

В-третьих, распределение мест, когда «соперников» разделяют 1—4 балла, весьма условно — как в случае с Германией, КНР и США у респондентов со средним образованием по опросу 2010 г. или с Францией и Германией, Канадой и Великобританией у респондентов со средним специальным образованием по опросу 2008 г.

Таблица 9

**Рейтинг стран мира среди дальневосточников
(2008/2010 г., по уровню образования респондентов
и по индексу их симпатий, сумма процентов по четырём измерениям)**

Среднее			Среднее специальное			Высшее		
страна	индекс	место	страна	индекс	место	страна	индекс	место
Австралия	105/86	1/2	Австралия	116/73	1/3	Австралия	149/115	1/1
Япония	81/104	2/1	Япония	96/102	2/1	Япония	121/101	2/3
Франция	75/65	3/3	Франция	84/66	3/4	Франция	120/88	3/4
США	75/54	4/6	Германия	82/74	4/2	Канада	96/102	4/2
Германия	61/58	5/4	Канада	60/59	5/5	Великобритания	87/73	5/6
Великобритания	59/33	6/10	Великобритания	59/38	6/8	Германия	74/76	6/5
Канада	48/47	7/7	США	53/35	7/10	Индия	57/43	7/9
Индия	33/38	8/9	Индия	49/38	8/9	США	53/57	8/7
РК	32/45	9/8	РК	28/46	9/7	КНР	38/44	9/8
КНР	21/57	10/5	КНР	27/50	10/6	РК	24/31	10/10
КНДР	14/10	11/11	КНДР	12/14	11/11	КНДР	12/8	11/11
Сумма	604/597			666/595			831/738	

В-четвёртых, предпочтения внутри трёх групп достаточно стабильны. Единственный взлёт совершил Китай, переместившись в рейтингах у лиц со средним и средним специальным образованием с 10-й на 5—6-ю позиции. У них же заметно потеряли в весе США и Великобритания.

ПРИСТРАСТИЯ «ПАРТИЙЦЕВ»

В современной России партийная принадлежность и партийные пристрастия играют значительную роль только, пожалуй, применительно к одной партии — КПРФ. Тем не менее перестройка избирательной системы России в направлении усиления роли и значения партий не может не сказаться на настроениях населения. Поэтому обозначение респондентами своей приверженности позициям той или иной партии позволяет экстраполировать (до определённого предела) их взгляды на различные проблемы международных отношений на платформы действующих в России политических партий.

В анкете 2008 г. фигурировал вопрос «*Какая партия, движение в наибольшей степени отвечает Вашим интересам?*» Ответы распределились следующим образом: «*Единая Россия*» — 32%, КПРФ — 9%, ЛДПР — 8%, «*Справедливая Россия*» — 4%, «*Яблоко*» — 3%, СПС — 1%. Более четверти респондентов (27%) выбрали ответ «*никакая партия*», а 16% затруднились с ответом.

Результаты опроса позволили нам построить таблицу пристрастий жителей юга Дальнего Востока, признавшихся в симпатиях к трём партиям, набравшим наибольшее число их голосов: «*Единой России*», КПРФ и ЛДПР (табл. 10).

КИТАЙЦЫ О РОССИИ

Знать, что думают жители Дальнего Востока о своих соседях, хорошо. Но ещё лучше иметь и обратную связь: каковы представления соседей о России? Безусловно, эта тема достаточно большая, требующая отдельного исследования.

Таблица 10

**Симпатии и антипатии приверженцев ЕР, КПРФ и ЛДПР
(2008 г., по группам респондентов, % от численности группы)**

Партия	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	В сред- нем
Угрозы интересам России в Восточной Азии				
Стремление США к гегемонии	27	51	30	36
Конфликт на Корейском полуострове	7	6	3	6
Спор из-за Курильских островов с Японией	24	30	17	21
Международный терроризм	34	26	23	27
Рост экономической и военной мощи КНР	37	31	42	37
Недостаточный учёт интересов ДВ региона центральными властями России	32	53	44	47
Нет угроз	12	6	12	9
Затруднились с ответом	2	1	3	3
Негативная оценка перспектив отношений России со странами				
КНР	5	9	11	6
США	10	20	18	16
Япония	3	10	8	5
Республика Корея	0	3	5	2
Территории, приоритетные для развития отношений собственного края/области				
Сибирь, Дальний Восток	46	44	35	45
Европейская Россия	31	23	26	26
КНР	48	57	47	50
РК	17	19	15	22
Западная Европа	9	3	12	10
США	7	13	21	12
КНДР	9	14	9	12
Япония	47	37	45	46
Ощущают превосходство над китайцами				
Ощущают превосходство над китайцами	27	21	55	28
Возникает чувство отторжения при общении с китайцами	30	27	42	29
Считают возможным передать Курильские острова Японии	5	1	3	6

Окончание таблицы 10

Партия	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	В сред- нем
Испытывают наибольшие симпатии к странам				
Австралия	36	47	27	40
Япония	34	24	36	35
США	12	6	20	11
Франция	31	24	30	32
Германия	24	27	36	25
РК	11	3	11	8
КНР	9	13	9	9
КНДР	2	6	8	3

Но всё же у нас есть возможность отметить некоторые штрихи, связанные с отношением китайцев к России и россиянам.

В феврале—марте 1999 г. во Владивостоке, Уссурийске и Хабаровске сотрудники ИИАЭ ДВО РАН при поддержке Московского центра Карнеги провели опрос китайцев, принимавших непосредственное участие в приграничном взаимодействии с Россией. Полные результаты первого из них опубликованы в книге В.Г. Гельбраса «Китайская реальность России»². Результаты опроса красноречиво свидетельствуют о том, в какой проекции видели Дальний Восток китайцы и чего бы они хотели получить от него.

Опрос 91 китайца, который нам удалось провести в Уссурийске (30 чел.) и Владивостоке (61 чел.), не даёт возможности (в силу высокой погрешности ответов) оценивать ситуацию по территориям Дальнего Востока. Некоторые из приведённых ниже попыток сделать такую оценку должны восприниматься как очень условные и приблизительные. Однако обобщённые данные всё же дают представление о настроениях граждан соседней страны, по тем или иным причинам оказавшихся на российской территории и уже своим присутствием существенно влиявших на восприятие россиянами Китая и китайцев.

В качестве иллюстрации к некоторым аспектам настроений китайцев используются также результаты опроса 62 китайских студентов вузов Владивостока и Благовещенска, проведённого в мае и октябре 2004 г.

Портрет явления

Среди охваченных опросом китайцев преобладали женщины (67%). Более двух третей из них (69%) связаны семейными узами. Немалую долю составляли лица с высшим (39,6%) и незаконченным высшим (5,5%) образованием. Среди респондентов оказались 6 студентов (6%), 7 туристов (7,7%), 45 «свободных предпринимателей» (49,5%) и 26 «работавших по контрактам» (27%). 3 человека признались, что временно не работают, а четыре скрыли характер своей деятельности за формулировкой «другие занятия».

Очевидно, что значительная часть опрошенных находилась в России достаточно продолжительное время. Об этом свидетельствуют два обстоятельства.

Первое. Одиноких среди опрошенных китайцев оказалось менее половины (44%). 48% проживали в России с женой (мужем) или родственниками, 8% не обозначили свой семейный статус в России.

Второе. Лишь 21% опрошенных китайцев признались в незнании русского языка. Подавляющее большинство из владеющих языком (43 из 66 чел.) заявили: они *«могут объяснить»* с россиянами, что можно было повсеместно наблюдать на рынках российских и китайских приграничных городов. 12 чел. (13% от общего числа опрошенных и 18% — от знающих язык) отметили, что у них хороший уровень русского. К «знающим» можно приплюсовать ещё 7 чел., которые *«изучали язык с преподавателем»*.

Высокий процент семейных китайцев определил место их проживания в России. Более четверти (27,5%) от общего числа респондентов арендовали квартиры, ещё 7 чел. (7,7%) имели собственные квартиры. Столько же (6 чел.) жили в университетских общежитиях. В китайских гостиницах и общежитиях проживали соответственно 23 и 12% опрошенных.

Зачем они приезжали в Россию?

До приезда в Россию безработными среди опрошенных китайцев были, по нашим подсчётам, лишь трое (3,3%). Большая часть этих респондентов занималась предпринимательской деятельностью (19%), по 18% в каждой категории обозначили себя как «служащие», «рабочие», «руководящие работники». Бывших учащихся и студентов среди опрошенных оказалось 14%. Только двое назвали себя крестьянами (однако поскольку работающие на полях граждане КНР не опрашивались, выходцев из китайского села, конечно, заметно больше). На работу в Россию (по трудовым контрактам) было направлено 10 чел. (11,5%), 7 студентов (8%) приехали учиться.

Более половины респондентов (56%) признались, что целью их приезда было желание поработать в России (22%) и потому что «в России работать выгодно» (36,3%). Заявление вполне обоснованное. Средняя заработная плата в Китае не превышала 600 юаней в месяц, тогда как из опрошенных американской исследовательницей Э. Вишник в июле 2004 г. на Дальнем Востоке 37% китайских рабочих имели доход в 5 раз, а 14% — в 10 раз больший. Менее 1 тыс. юаней получали в месяц только 3,6% опрошенных ею рабочих³.

Большинство из опрошенных (35%) надумали приехать в Россию самостоятельно или под влиянием родственников (28,6%) и друзей (18,7%). На влияние средств массовой информации сослались трое китайцев, затруднились с ответом 17,6%.

Стартовый капитал для деятельности в России у большинства оказался либо собственным (51,7%), либо семейным (18,7%). Ещё 17,6% назвали таким капиталом средства своих компаний.

Бизнес в России

Две трети респондентов (65%) в той или иной степени были причастны к торговой деятельности. Оптовой торговлей в России занимались 17% китайцев, ответивших на вопрос о сфере своей деятельности, розничной — 46%. В магазинах работали ещё двое. В гостиничном и ресторанном бизнесе были

задействованы 5 опрошенных (5,5%). Однако 18 чел. (каждый пятый) скрылись за абстрактной формулировкой «*другое*».

Свои доходы и обороты фирм, в которых они работают, китайцы оценивали скромно. Ни один из 86 респондентов не назвал оборот своей фирмы «*высоким*», двое выбрали оценку «*не очень высокий*», каждый четвёртый (24%) расплывчато назвал его «*средним*». Самая распространённая оценка — «*непостоянный*» — отражает неустойчивый характер российской экономики вообще и рискованный характер китайского бизнеса в России в частности. «*Ниже среднего*» и «*низким*» назвали оборот своей фирмы 22%; затруднились с ответом 16%.

Столь же скромно оценивали китайцы и свои доходы в России. Самая популярная оценка — «*непостоянные*» (38%) и «*средние*» (32% опрошенных). Низкими свои доходы назвали 6,5%, «*не очень высокими*» и «*ниже среднего*» — по 9%. Крайние оценки непопулярны. Лишь двое оценили свои доходы как «*высокие*» и один — как «*очень низкие*».

Что мешало китайцам в их бизнесе в России? Препятствий немало — как экономического, так и неэкономического характера.

Среди экономических преград на первом месте стоит высокая степень экономического риска. Две трети опрошенных (64%) указали на этот фактор. На втором месте — дороговизна жизни в России (47%), на третьем — чрезмерно высокие налоги (по 40%), на четвёртом — высокая арендная плата (30%). Оценки достаточно объективные.

Среди неэкономических факторов вне конкуренции стоит коррупция в органах власти и силовых структурах. На поборы сотрудников милиции сетовали четверо из пяти опрошенных (79%), таможенников — каждый третий (34%), взяточничество в органах власти — 31%.

Уголовные преступления со стороны россиян мешали жить и работать половине (52%) опрошенных китайцев. Преступность со стороны соотечественников — не менее серьёзная проблема. О ней вспомнил каждый пятый (22%). На низкую покупательную способность россиян ссылались 42% опрошенных китайцев, трудности с поиском надёжных русских парт-

нёров — 36%, низкую репутацию китайских товаров — 22%, сложности в переводе денег через границу и решении судебных тяжб с русскими партнёрами соответственно 22 и 15%.

Тем не менее большинство опрошенных китайцев, похоже, заранее были готовы к трудностям в России. По крайней мере, лишь 16% из них признались, что потерпели крушение надежд, которые они лелеяли перед приездом в чужую страну. 70% заявили, что их надежды хотя бы частично оправдались, у троих они оправдались полностью.

Поэтому на перспективы своего бизнеса в России они смотрели преимущественно философски. Расширить собственное дело в нашей стране мечтали 40%. Их было почти в 2 раза больше, чем тех, кто хотел бы завести собственное дело в Китае (21%). Сократить или прекратить свой бизнес в России хотел бы каждый пятый (20%). Улучшить собственную жизнь здесь надеялись 18%.

Очевидно, что в отношении собственной судьбы китайцы оставались оптимистами, несмотря на достаточно скептическое их отношение к экономической ситуации в России и перспективам её изменений. Только 13% опрошенных верили, что настало время для крупных капиталовложений в нашу страну. Столько же (12%) были согласны с тем, что настало время для крупных приобретений в России. Конечно, подавляющее большинство из опрошенных китайцев не имели средств ни для того, ни для другого, так что их размышления на эту тему довольно абстрактны. Но они всё же отражали общие настроения китайского сообщества в России.

Жизнь в России

Многие из опрошенных китайцев были в целом удовлетворены материальными условиями своей жизни в России. Одна из главных причин этой удовлетворённости заключается в том, что большинство из них положительно оценивали своё материальное положение в стране. Хотя «плохим» его всё же назвали около 8% опрошенных (7 чел.) и «терпимым»

15% (14 чел.), однако «*средним*» — уже 47%, «*хорошим*» — 12% (10 чел.), а «*очень хорошим*» — 5 чел. (6%). На оценку «*ниже среднего*» согласились ещё 9%.

В меньшей степени китайцы были удовлетворены своими жилищными условиями. Хотя плохими их считали только пятеро, но терпимыми — уже 45%. Хорошими их признал каждый третий (33%), а «*очень хорошими*» — 8 опрошенных (около 9%).

Тем не менее лишь 9% респондентов однозначно хотели, чтобы их дети поселились в России, ещё 10% направили бы своих детей в Россию на учёбу или работу. Половина (50%) были категорически против того, чтобы их дети каким-либо образом связали свою жизнь с Россией, а 29% об этом пока просто не задумывались.

Очень немногие хотели бы связать свою судьбу (вступить в брак) с россиянами. Только 5,5% опрошенных ответили на этот вопрос утвердительно. Против такого межнационального брака выступили почти две трети (62%), остальные просто не задумывались над такой перспективой. К возможному браку своих родственников с россиянами негативно отнеслись бы 26% респондентов, безразлично — 39%, а приветствовали бы его только 5 чел. (5,6%).

Такие ответы — почти зеркальное отражение отношения россиян к потенциальному браку с китайцами (*рис. 11*).

Нежелание большинства опрошенных китайцев рассматривать Россию как страну своего постоянного обитания связано также с их восприятием среды, в которой им приходилось

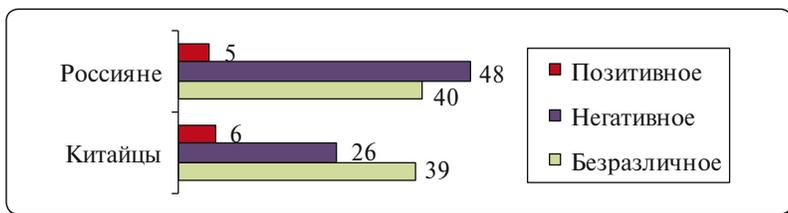

Рис. 11. Отношение россиян и китайцев к возможному браку их родственников с китайцами и россиянами (1999 г. — китайцы, 2003 г. — россияне, % от числа опрошенных)

жить. Эта среда была к ним, по меньшей мере, не очень расположена, а порой откровенно враждебна. Как «доброжелательное» отношение к ним россиян оценивала лишь четвертая часть от общего числа опрошенных (26%). Ровно столько же оценили это отношение как «нейтральное», тогда как 23% назвали его «не очень доброжелательным» и 15% — «плохим».

Отношение российских властей к себе китайцы оценивали следующим образом: «доброжелательное» — 20%, «не очень доброжелательное» — 35%, «нейтральное» — 18%, «враждебное» — 9%. Затруднились с оценкой 19% опрошенных.

Главными формами досуга проживавших на Дальнем Востоке китайцев были посещение магазинов, хождение в гости к соотечественникам, времяпрепровождение с семьёй. Половина из них проводила свободное время у телевизора. К россиянам ходили в гости только 24%. И даже с проверенными русскими друзьями предпочли бы вести бизнес в России только 12%. Остальные ориентировались на себя и своих соотечественников.

Очевидно, что китайцы на Дальнем Востоке России жили обособленно, не интегрировались в российское сообщество и не планировали делать это в будущем. Всё это также развенчивало слухи о масштабной китайской миграции в Россию, массовом стремлении граждан КНР к оседанию на дальневосточной территории. Россия не стала для китайцев ни «землёй обетованной», ни второй родиной.

Большинство рассматривали своё пребывание здесь исключительно с целью накопления капитала и расширения предпринимательской деятельности. При этом ставка делалась на быстрый оборот средств, на возможность оперативно свернуть свой бизнес и покинуть Россию. Недоброжелательное отношение к китайцам местных властей и значительной части населения, криминализованные условия их жизни и быта (нелегальный характер пребывания в России части мигрантов, теневой характер бизнеса, коррупция чиновников и поборы милиции, посягательство на их собственность и жизнь со стороны преступников и антикитайски настроенных лиц), иная культурная среда делали российскую территорию малопривлекательной для постоянной жизни.

Второй опрос, проведённый среди китайцев Хэйлуунцзяна, тесно сотрудничавших с Россией, показал, что их также интересовали исключительно экономическая выгода и получение прибыли и абсолютно не волновала идеологическая или политическая подоплёка российско-китайских отношений. Для большинства вовлечённых в связи с Россией торгово-экономических и туристических организаций, а также транспортных компаний приграничных территорий эти контакты имели ключевое значение, являясь основой их экономического благополучия и источником выживания. Связи ряда китайских фирм, попавших в перекрестье опроса, простирались далеко за пределы Дальнего Востока, захватывали Урал, Западную Сибирь, Европейскую Россию.

Приграничные жители Китая напрямую увязывали экономическое взаимодействие с Россией с процветанием своих городов. По их мнению, соседство с Россией даёт возможность для *«всестороннего прогресса экономики и культуры»*, *«стимулирует развитие и процветание города»* (Харбин), способствует *«развитию города»* и *«его процветанию»* (Дуннин), даёт *«ключ для промышленного развития»*, для *«развития города»* (Суйфэньхэ), *«для развития торгово-экономических связей»* (Хэйхэ). Нынешнее развитие и благосостояние Суйфэньхэ и Хэйхэ в значительной степени зависит от отношений с Россией.

---

¹ Результаты опроса были представлены на 23-м российско-японском симпозиуме во Владивостоке (см.: Ларина Л.Л. Ценности и интересы современной молодёжи Владивостока // Материалы XXIII российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай. Владивосток, 2008. С. 125—134.

² Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М.: Муравей, 2001. С. 55—125.

³ Wishnick E. Migration and economic security: Chinese labour migrants in the Russian Far East // Crossing National Borders: Human Migration Issues in Northeast Asia / eds. Tsuneo Akaha, A. Vasilieva. Tokyo — New York — Paris: United Nations Univ. Press, 2005. P. 74—75.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Книга о «внешнем векторе» общественного мнения дальневосточников — пока единственная в своём роде. Это наш первый опыт, который требует осмысления и, мы надеемся, совершенствования и дальнейшего развития. По этой причине, а также потому, что нашей задачей было, как уже оговорено во введении, не изучение дальневосточного социума как такового, а воссоздание общей картины его внешних воззрений, необходимой для последующего их анализа как одного из источников формирования региональной внешней политики и международных отношений России, мы не рискнули говорить об этой работе как о социологическом исследовании. Эта книга — не более чем материалы к размышлению о непростом и противоречивом восприятии жителями Тихоокеанской России внешнего мира, близкого им географически, но такого незнакомого, непохожего, временами чуждого и пугающего. Несколько основных впечатлений, сложившихся у нас об этом «внешнем контуре» сознания жителей юга российского Дальнего Востока, хотелось бы отметить.

Первое. Общественное мнение на российском Дальнем Востоке существует и живёт своей жизнью, которая отражает и все перипетии российской действительности на рубеже XX—XXI вв., и трансформацию взглядов дальневосточного социума, стремительно переместившегося из идеологически зашоренного прошлого в плюралистическое и глобализированное настоящее.

Второе. Два десятилетия внешней открытости и вынужденной экономической переориентации тихоокеанской части России на Восток не привели к кардинальным изменениям в мировосприятии жителей этого региона. Европейская цивилизационная доминанта вкупе с идеологическим наследием советских времён крепко удерживают их сознание в ложе европоцентризма. Азиатский мир по-прежнему рассматривается как привлекательная экзотика, но в то же время — как чужая и потенциально опасная реальность.

Третье. Взгляды дальневосточников на страны и народы мира, вопросы внешней политики, международных отношений,

безопасности — неустоявшийся и довольно податливый для стороннего воздействия материал, основывающийся в большей степени не на знаниях, а на эмоциях, смутных образах, исторических пристрастиях и предрассудках.

Четвёртое. Отсутствие внятной, последовательной и понятной политики России на Тихом океане, стратегии развития её отношений с Китаем и Японией, чёткой позиции в решении проблем Корейского полуострова лишили жителей региона на политических ориентиров. Стихийная, зачастую импульсивная «внешняя политика» региональных властей, иногда даже расходившаяся с позицией президента и правительства, шараханье из одной крайности в другую средств массовой информации не добавляли населению оптимизма и веры в будущее. Власть и СМИ, которые также отражают общественное мнение, в то же время в значительной степени влияют на его формирование, нередко в негативном, даже агрессивном контексте.

Пятое. Очевидные для большинства дальневосточников уязвимость позиций России на берегах Тихого океана, наличие комплекса реальных и потенциальных внешних угроз её безопасности, среди которых доминирует неопределённость последствий роста экономической, политической и военной мощи Китая, серьёзно влияют на их миграционные настроения и соответственно — на стабильность населения региона.

Шестое. Нынешние взгляды, представления и предпочтения жителей Дальнего Востока (а тем более России в целом) не являются надёжной платформой для решения задачи по интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион. Очевидно, что одним строительством трубопроводов, аэропортов и мостов эту проблему не решить. Интеллектуальный, психологический мосты куда важнее, прочнее и долговечнее, чем мосты железобетонные. Возводить их намного дольше и сложнее. Однако высокие цели требуют соответствующих решений. Если они действительно высокие.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Внешняя среда формирования общественного мнения: идеология, политика, экономика Тихоокеанской России в 90-е гг. XX — начале XXI в.	13
Общероссийские тенденции в дальневосточной интерпретации	15
Внешние связи и географические приоритеты дальневосточных территорий	30
Территориальная специфика	35
Источники информации (каналы воздействия)	41
Форпост Европы в конфуцианской Азии: культурно-цивилизационные контуры взаимодействия	50
Глава 2. Россия на берегах Тихого океана: проблемы присутствия и участия	60
Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе	61
Угрозы безопасности и интересам России на Тихом океане ..	65
Ретроспектива	66
Современность	73
Политика по развитию Дальнего Востока и реакция населения	84
Миграционные настроения	87
Глава 3. Внешнее окружение: образы, фантазии, фобии	97
Симпатии и приоритеты жителей юга Дальнего Востока	97
Приоритеты сотрудничества	106
Состояние, перспективы и приоритетные направления международных и региональных связей	112
«Запад» и «Восток» в региональной интерпретации: проблемы культурной адаптации	116

Глава 4. Китай и китайцы	127
КНР: общие представления	131
Отношение к китайцам	136
Восприятие китайцев	136
Китайское присутствие на Дальнем Востоке	146
Состояние и перспективы российско-китайских отношений ..	157
Российско-китайские отношения глазами их активных участ- ников	159
Взгляды из России и Китая	160
Что влияет на приграничные отношения?	163
Кто симпатизирует Китаю?	167
Китай и китайцы глазами студентов Владивостока	171
Глава 5. Симпатичная Япония	181
Симпатии и антипатии	187
Через призму интересов России	198
Перспективы	207
Симпатизирующие Японии (2008—2010 гг.)	211
Глава 6. Корейский полуостров	217
Корейская проблема	221
Республика Корея	224
Симпатизирующие Республике Корея, 2008—2010 гг.	229
КНДР	233
Корейцы	235
Корейцы Сахалина	241
Образ корейца	242
Глава 7. Остальной мир глазами дальневосточников: страновой и культурный подходы	250
США	250
Симпатизирующие США, 2008 г.	261

Канада	262
Австралия.	264
Западная Европа	267
Франция.	270
Индия	272

Глава 8. Срезы сознания: возрастные, национальные, профессиональные. 276

Страны и народы-соседи глазами молодёжи Приморья.	276
Ценности и интересы современной молодёжи Владивостока .	286
Проблемы безопасности и развития Тихоокеанской России: молодёжный ракурс восприятия (опрос 2010 г.)	292
Образовательный срез.	295
Пристрастия «партийцев»	297
Китайцы о России	297
Портрет явления	300
Зачем они приезжали в Россию?	301
Бизнес в России	301
Жизнь в России.	303
Заключение	307

Научное издание

Ларин Виктор Лаврентьевич,
Ларина Лилия Львовна

Окружающий мир глазами дальневосточников:
эволюция взглядов и представлений
на рубеже XX—XXI веков

Редакторы *Г.Б. Арбатская, Л.Г. Вечерская*
Вёрстка и оформление *А.С. Иванов*

Изд. лиц. ИД № 05497 от 10.01.2006 г.
Подписано к печати 26.10.2011 г.
Формат 60×90/16. Печать офсетная.
19,5 усл. печ. л., 14,27 уч.-изд. л.
Тираж 500 экз. Заказ .

Отпечатано в типографии
ФГУП Издательство «Дальнаука» ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7.